

Алексей Малашенко

Центральная Азия: на ЧТО рассчитывает РОССИЯ?

УДК 327
ББК 66.4(0)
М18

Рецензент кандидат исторических наук Азиз Ниязи

Central Asia and Russia's Expectations.

Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/publications>.

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке благотворительного фонда Carnegie Corporation of New York и Open Society Foundation.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Научно-техническое обеспечение — Кристина Кудлаенко.

Малашенко, Алексей

М18 Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? / Алексей Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 118 с.

ISBN 978-5-8243-1712-1

В монографии анализируются политика России в Центральной Азии и различные аспекты ее взаимодействия со странами региона. В частности, речь идет об активности действующих под эгидой Российской Федерации международных организаций. Рассматривается вопрос о влиянии на отношения России с ее южными соседями фактора мусульманской миграции. Наконец, в книге говорится о том, насколько реальны и насколько виртуальны вызовы, бросааемые Центральной Азии внешними акторами — США, Китаем, мусульманским миром.

УДК
ББК

ISBN 978-5-8243-1712-1

© Carnegie Endowment for International Peace, 2012
© «Российская политическая энциклопедия», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
Введение	7
Глава первая. Неиспользованные шансы	12
Глава вторая. Региональные инструменты влияния	44
Глава третья. Россия и центральноазиатский ислам: проблемы миграции	75
Заключение. Кто бросает вызов в Центральной Азии?	102
Summary	115
О Фонде Карнеги	117

TABLE OF CONTENTS

About the Author	5
Introduction	7
Chapter One. Unused Chances	12
Chapter Two. Regional Instruments of Influence	44
Chapter Three. Russia and Central-Asian Islam: Migration Problems	75
Conclusion. Who Challenges Russia in Central Asia?	102
Summary (In English)	115
About the Carnegie Endowment	117

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, профессор, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность». В 1974 г. окончил Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Автор многих монографий, в том числе: «В поисках альтернативы» (М., 1991), «Islam in Central Asia» (совместно с Л. Р. Полонской, Reading, 1994), «Мусульманский мир СНГ» (М., 1996), «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998), «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (М., 2001), «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» (совместно с Д. В. Трениным, М., 2002), «Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia» (совместно с Д. В. Трениным, Washington D. C., 2003), «Исламская альтернатива и исламистский проект» (М., 2006), «Ислам для России» (М., 2007), «Рамзан Кадиров: российский политик кавказской национальности» (М., 2009), «Мой ислам» (М., 2010).

Центральную Азию вряд ли можно отнести к числу главных внешнеполитических приоритетов России, тем более что ее влияние в этом регионе становится все более ограниченным. Главная дилемма российской стратегии — по-прежнему выбор между Западом и Востоком. Но если понятие «Запад» формулируется однозначно, то «Восток» представляется размытым. «Восток» в российской стратегии можно определить как «не-Запад», куда входят и Китай, и Азиатско-Тихоокеанский регион, и Индия (в каком-то смысле весь БРИК¹ включая Бразилию). Выбор между двумя глобальными — политическими, экономическими, культурными — направлениями в определенной степени условен, ибо не абсолютен: каждое из них не может безусловно отрицать, отбрасывать другое. Не определив место в глобальной политике, нельзя четко определиться в политике региональной.

В контекст «биполярного выбора» в известном смысле попадает и постсоветское пространство, которое если и не является полноценным «Востоком», то уж во всяком случае не «Запад». Отсюда подсобность, даже вторичность Центральной Азии и как Востока, и как постсоветского пространства. Вторично и само постсоветское пространство в целом. Активность на нем России определяется тем, каким образом его можно встроить в российско-европейские, российско-китайские, российско-мусульманские отношения. Экономически оно важно почти исключительно с точки зрения транзита энергоресурсов. Зато психологически это единственная и последняя часть ойкумены, где Кремль может — пусть все реже и с оговорками — ощущать себя политическим лидером. В Москве всерьез исходят из того, что наличие в ее «свите» сателлитов повышает в глазах Запада и Востока ее значимость как субъекта мировой политики.

Отдельное привилегированное место занимает Казахстан. Он самодостаточен, отличен от остального Центральноазиатского региона, у него складываются с Россией отношения особой близости. С этой точки зрения усилия премьера, а с 2012 г. вновь президента Влади-

---

¹ БРИК — Бразилия, Россия, Китай, Индия.

мира Путина по созданию Евразийского союза (ЕАС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) зиждутся преимущественно на российско-казахстанских отношениях. Участие в этих организациях Белоруссии носит вынужденный характер и вытекает из ее полной финансовой зависимости от Москвы. То же можно сказать и о Киргизии. Скорее всего создание ЕЭП и ЕАС не приведет к кардинальному изменению положения России в Центральной Азии.

Еще в конце прошлого века Збигнев Бжезинский писал, что Россия «слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть регион для внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области исключительно собственными силами»². Наступивший новый век не привнес в эту ситуацию ничего принципиально нового: сил для установления экономической и политической монополии в регионе у России недостаточно.

Чем обусловлены национальные интересы России в Центральной Азии? Или, попросту говоря, чего она хочет от этого региона?

Во-первых, сохранить свое влияние, что входит в ее планы по удержанию под своей эгидой остатков постсоветского пространства.

Во-вторых, спасти авторитаризм, который близок по мировоззрению и восприятию российскому режиму.

В-третьих, минимизировать потери от сокращения через ее территорию транзита энергоносителей.

В-четвертых, по мере сил сдерживать распространение наркотиков.

В-пятых, сдерживать проникновение в Центральную Азию внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов и Китая, найдя баланс между конкуренцией и партнерством с ними, и одновременно стремиться всячески этому противодействовать.

Здесь не упомянута стабильность, которая *не является* для России обязательным стратегическим императивом. Вопреки многократным заявлениям Кремля о приверженности идее стабильности Россия заинтересована в ее (этой стабильности) хрупкости, ибо региональная и страновая конфликтогенность есть удобный и уместный повод для обращения стран региона, точнее, правящих в них режимов, к России за помощью во имя своего благополучия.

Не вошла в приведенный перечень и забота о почти восьми миллионах русских, фактически брошенных Россией на произвол судьбы. Для нее фактическое игнорирование их интересов, неспособность, а на самом деле нежелание гарантировать им нормальную жизнь и безопасность — это своего рода политическая карта в игре с местными элитами. Россия практически ни разу не использовала «русский

---

² Бжезинский З. Великая шахматная доска. — М., 1999. — С. 170.

вопрос» как инструмент политического давления на южных соседей. Трудно представить, чтобы любое *нормальное* государство — Франция, Великобритания, Португалия — не проявляло заботу о соотечественниках. Интересы русских лежат за пределами формата российской политики в регионе (Москва не способна защитить этнических русских даже на собственной территории — на Северном Кавказе). При этом следует учитывать, что беззащитность русских может стать трагичной в случае социально-политических пертурбаций, особенно если они будут носить религиозно-политический характер.

Что может Россия в Центральной Азии, способна ли она реализовать свои национальные интересы в регионе? Прежде, однако, еще раз отмечу, что Россия так и не сумела в ясной и рациональной форме их выразить. Они интерпретируются зачастую эмоционально, обращены к недавней исторической памяти. Кроме того, в речах российских политиков обида на азиатских партнеров иногда сочетается с агрессивностью по отношению к действующим в регионе внешним силам.

Итак, что может Россия? Во-первых, сохранить свое влияние, для чего она располагает достаточным экономическим и политическим потенциалом. Однако важно понимать, что это влияние будет сосредоточено на двух-трех странах. Раскрыть «зонтик» над всем регионом Россия не в состоянии. Поэтому, усиливая влияние в одном из государств, она может потерять его в другом. Ей придется смириться с его общим уменьшением на центральноазиатском пространстве и концентрироваться на решении реальных задач.

Чтобы вновь утвердить себя в Центральной Азии, Россия должна осознать, что давно имеет дело не с постсоветскими республиками, а с новыми государствами. С какими, ей еще предстоит разобраться. Сделать это можно только на основе беспристрастности, нового политического опыта в сочетании с накапливавшимся веками академическим и человеческим знанием региона (сейчас это знание востребовано крайне мало).

Во-вторых, Россия может продолжать поддерживать авторитаристскую модель правления, которая, впрочем, сохранится в Центральной Азии и без помощи Москвы. Опыт четырех из пяти государств региона свидетельствует, что здешний авторитаризм становится все более ригидным и не тяготеет к трансформации в «полуавторитарные режимы», которые «допускают некоторую реальную состязательность в борьбе за власть... оставляя политическое пространство для политических партий и организаций гражданского общества»³.

---

³ *Ottaway M. Democracy Challenged / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, D.C., 2002. — P. 3.*

За прошедшее десятилетие транзит в направлении «полуавторитарности» не состоялся.

Безусловно, местные режимы благодарны Москве за невмешательство в их внутренние дела и поддержку в критические моменты. Однако главной задачей давно стала не поддержка авторитаристов по причине их общности с российской моделью, а выработка общих экономических и политических целей и налаживание отношений с новыми властителями и, шире, с новыми входящими во власть группами.

В-третьих, учитывая невозможность сохранить статус-кво в сфере транзита энергоносителей, Россия по мере сил должна принимать участие в проектах, предполагающих прокладку трубопроводов минуя ее территорию. Это дело крайне сложное и деликатное, однако неучастие в такого рода проектах может превратить диверсификацию транзита энергоносителей в изоляцию России. И здесь многое зависит не только от экономических интересов, но и от политического доверия, которое Россия постепенно утрачивает.

В-четвертых, у России есть возможности ограничить ввоз и переправку через ее территорию наркотиков. Эта угроза продолжает нарастать, причем Россия постепенно становится не только основным звеном транзита наркотиков в западном направлении, но и их потребителем. Сотрудничество в области борьбы с наркомафией — один из важнейших стимулов для кооперации с центральноазиатскими и внешними субъектами, которая вплоть до сегодняшнего дня в значительной степени носит формальный характер.

В-пятых, в стратегическом плане в долгосрочной перспективе Россия способна и должна оптимизировать отношения с главными внешними акторами — Китаем и США, которых устраивает общая разделенная ответственность за положение в регионе.

«Модернизация» политики в Центральной Азии требует от Москвы совершенствования политического инструментария, разумного баланса между двусторонними отношениями (которые, на мой взгляд, останутся приоритетными), использования прежних и новых региональных и действующих за пределами региона организаций. Все такого рода международные организации проходят нелегкую проверку на прочность, и не факт, что все они окажутся эффективными и даже жизнеспособными.

Относительно новым фактором в отношениях между Россией и Центральной Азией стала миграция, которая спаяла обе стороны, но также вызывает взаимный дискомфорт. Миграцию в Россию можно назвать обоюдным вызовом, содержащим как взаимные выгоды, так и опасности.

Страны Центральной Азии являются субъектами и объектами внутрирегиональной политики. По мнению заместителя помощника государственного секретаря США по делам Южной и Центральной Азии Эвана Файгенбаума, государства Центральной Азии «стоят перед стратегическим выбором»⁴. Однако на деле эти страны его уже сделали, и он не связан с каким-то единственным партнером. Их выбор заключается в многовекторности, которая означает поддержание и развитие отношений сразу с несколькими центрами силы — экономической, политической, военной. Среди них Китай, Россия, Соединенные Штаты, а также Европа, мусульманский мир. Ни один из этих центров не станет абсолютно приоритетным, и главной стратегической задачей каждого центральноазиатского режима станет сохранение удобного на данный момент баланса зарубежных партнеров. Стратегическое партнерство центральноазиатских государств зависит от внутривнутриполитической и региональной конъюнктуры, которая, как показало минувшее двадцатилетие, может существенно меняться.

Россия вступила в качественно новый этап своей политики на бывшем советском пространстве. Сумеет ли ее истеблишмент адекватно понять это и соответствующим образом действовать, миру предстоит узнать в самое ближайшее время.

Хочу выразить благодарность коллегам, оказавшим мне большую помощь в подготовке этой монографии, — директору Московского Центра Карнеги Дмитрию Тренину, заместителю директора Наталье Бубновой, менеджеру по маркетингу Веронике Лавриковой. Особая признательность редактору книги Александру Иоффе, замечания которого улучшили текст, прояснили некоторые его пассажи. И, наконец, спасибо сотруднице Центра Карнеги Кристине Кудлаенко, взявшей на себя значительную долю нелегкого труда по подготовке рукописи.

---

⁴ Файгенбаум Э. Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии // Россия в глоб. политике. — 2007. — Ноябрь.—дек. — С. 122.

ГЛАВА ПЕРВАЯ НЕИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ШАНСЫ

Главная цель российской политики в Центральной Азии — сохранить и укрепить свое присутствие и влияние в регионе. То же справедливо и для некоторых других частей бывшего Советского Союза — Украины, Белоруссии, Молдавии, возможно, Армении. Все остальные республики ушли настолько безвозвратно, что это осознают даже самые рьяные ревнители СССР. Имеет смысл разделить понятия «присутствие» и «влияние». Присутствие отражает стремление России оставаться, быть частью Центральноазиатского региона, участвовать в его делах изнутри. Это можно назвать и реконструкцией истории, т. е. попыткой восстановления былого общего пространства, и неоимперским замыслом. Но повторение прошлого невозможно хотя бы потому, что ни одно государство не откажется от независимости, а у России нет сил и средств, чтобы включить кого бы то ни было в свой состав, кроме того, это неизбежно предполагает новое переобустройство и без того хрупкой системы международных отношений.

Россия давно не индуцирует никакой имперской идеи, а спорадические вспышки ее агрессивности суть выражение недовольства поведением иностранного соседа, а не претензии на его территорию. Тем не менее опасения на этот счет у центральноазиатских лидеров периодически возникают. В конце 1990-х годов, комментируя стремление России и Белоруссии создать единое государство, президент Узбекистана Ислам Каримов заметил, что «формирование подобных Союзов отвечает стратегическим целям державных коммунистических, патриотических сил — опираясь на Союз России и Беларуси, принудить присоединиться к нему Украину, а затем с позиции так называемого Славянского Союза диктовать свою волю всем остальным суверенным государствам на постсоветском пространстве»¹.

Влияние не тождественно присутствию. Присутствие либо есть, либо его нет. Влияние же подвижно, оно может усиливаться, но может и ослабевать. Говорить о российской политике в ближнем за-

---

¹ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века. — Ташкент: Узбекистон, 1997. — С. 306.

рубежье можно только в контексте влияния, что уравнивает шансы Москвы и остальных внешних игроков.

Также целесообразно ревизовать понятие «ближнее зарубежье», которое тождественно «постсоветскому пространству» (а может быть, вообще отказаться от него). Ведь не являются же ближним зарубежьем Монголия и Финляндия, которые в отличие от Киргизии, Узбекистана и Молдавии имеют общую границу с Россией. «В настоящее время постсоветское пространство, при всей противоречивости происходящих на нем процессов, не отвечает критериям, позволяющим судить о нем как о транснациональном политическом пространстве»². О рудиментарности постсоветского пространства свидетельствует Содружество Независимых Государств (СНГ), которое было создано как инструмент «цивилизованного развода» и не может быть использовано для интеграции республик бывшего СССР. Как политический институт СНГ стал «факультативным» президентским клубом, и каждый волен оставить его по собственным соображениям, главным из которых является многовекторность, альтернативные внешние ориентации. Можно сказать, что СНГ вообще сохраняется потому, что никого по большому счету не раздражает. Его существование целиком зависит от России, которая уже не в состоянии быть на постсоветском пространстве ни лидером, ни третейским судьей: Москва не отдает распоряжения, но чаще уговаривает своих соседей.

В то же время «факты военного вмешательства в Таджикистане, Абхазии, Трансильвании и Чечне заставили центральноазиатов бояться, что Россия может провоцировать конфликты, чтобы оказывать давление на новые независимые государства»³. Особенно возрос страх перед российским вмешательством после российско-грузинской пятидневной войны 2008 г. В конце того же года появились слухи о возможности конфликта между Россией и Украиной из-за проблемы базирования Черноморского флота. Непродолжительное время даже обсуждался вопрос о гипотетическом столкновении России и Казахстана из-за стесненного положения в этой стране русского населения. Замечу, что именно президент Казахстана Нурсултан Назарбаев вскоре после российско-грузинской войны выступил с заявлением, в котором подчеркнул, что принципы территориальной целостности признаны всем международным сообществом. Авторитету России вредит конфликт вокруг Нагорного Карабаха, обе стороны которого

---

² Косолапов Н., Стрежнева М. Постсоветское пространство: условность или реальность // Транснациональное политическое сотрудничество: новые реальности международного развития. — М., 2010. — С. 49.

³ Calming The Ferghana Valley: Report of the Ferghana Valley Working group of the Center for Preventive Action. — New York, 1999. — P. 130.

состоят в СНГ и продолжают военно-техническое сотрудничество с Россией. Все это справедливо и для Центральной Азии, где Россия утратила роль лидера в решении ключевых проблем, например, распределения водных ресурсов. Она уже не может в одиночку обеспечить безопасность и стабильность, свидетельством чему стали события в Киргизии в 2010 г.

Центральная Азия, равно как и остальные бывшие советские республики, является *новым* пространством, где расположены ранее неизвестные государства, с которыми выстраивает отношения сама прежде не существовавшая как отдельное государство Российская Федерация. Ее преемственность по отношению к СССР с точки зрения экономического, внешнеполитического, демографического веса становится все более формальной. У нее иная, только формирующаяся и находящаяся в кризисе идентичность. В своем качественно новом (ослабленном) обличье Россия не способна присутствовать в Центральной Азии, хотя обладает достаточным потенциалом, чтобы влиять на этот регион.

Как и на всей территории бывшего СССР, Россия борется там не только за свое влияние, но и за признание этого влияния, что не менее важно для выстраивания отношений с остальным миром, в первую очередь с США и Китаем. «Большинство теоретиков от политики осознают признание, в частности, его ключевую роль в политике»⁴. Для России это не менее важно, чем ее экономические и политические интересы. Признание ее интересов, законности претензий напрямую связано с внешним имиджем. Падение России с высоты сверхдержавы до уровня нефтегазового придатка Европы, а в скором будущем и Китая, ее вопиющая технологическая, научная второразрядность, утрата влияния в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и т. д. многократно повышают цену положительного представления о себе. Без имиджа силы и внешнего авторитета российская элита утрачивает влияние внутри страны. Не случайно, придя к власти, Владимир Путин уделял столь большое внимание облику России, а его специальный представитель по вопросам развития отношений с Европейским союзом Сергей Ястржембский говорил о невыгодном для России постсоветском имидже, указывая, что «национальный имидж — это серьезная работа, которая не решается за счет разовых услуг информагентств»⁵.

Однако, ведя речь о важности собственно имиджа, не следует забывать о главном — имидж должен иметь под собой твердое, так

---

⁴ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. — М., 2008. — С. 70.

⁵ ИТАР–ТАСС. — 2007. — 30 янв.

сказать, материальное обеспечение. Экономический, социальный, политический негатив не может быть фундаментом уважительно-го восприятия страны. Сегодня по индексу человеческого развития Россия среди 178 стран занимает 65-е место, по качеству жизни — 105-е, по уровню миролюбия — 136-е (сказалась война с Грузией), по индексу социального развития — 75-е, а также 71-е место по уровню привлекательности для жизни людей, 111-е по качеству дорог и, как апофеоз, 172-е по «индексу счастья»⁶.

Вряд ли большинство жителей Центральной Азии знакомо с этими показателями, да и их собственные индексы едва ли выше, а скорее ниже российских, однако в качестве успешной Россия не воспринимается, тем более что возвращающиеся домой трудовые мигранты не рассказывают соотечественникам о ней слишком много лестного. Тем временем в проекте «Евразийский монитор» (<http://www.eurasiamonitor.org>) приводится любопытная статистика: в России своей жизнью удовлетворены 49% населения, а 45% ею не удовлетворены, тогда как в Казахстане эти показатели составляют 72% и 27% соответственно⁷.

Нынешняя Россия не способна выполнять ту цивилизационную миссию, которую она несла начиная с середины XIX в. Теперь для Центральной Азии образцами служат, с одной стороны, Запад, с другой — мусульманский мир. Причем авторитет и привлекательность и того, и другого относительны, а буквальное подражание им невозможно. Запад привлекает общей успешностью — благополучием, качеством жизни, высоким уровнем технологии. Приверженность исламской традиции позволяет ощутить принадлежность к великой цивилизации, в которой сформулированы принципы социальной справедливости, морали, нравственности, идеального государственного и общественного устройства. Принадлежность к исламской цивилизации компенсирует превосходство Запада, позволяет преодолевать «комплекс младшего брата», который был усвоен Центральной Азией в советские времена по отношению к русским, а после распада СССР стал воспроизводиться уже в отношении Америки и Европы.

России нет места в этой дихотомии. Она не в состоянии позиционировать себя в качестве великой державы, перестала быть равной Западу на глобальной политической арене. Россия в отличие от исламского мира не может бросить вызов Западу (или ответить на его

---

⁶ Кива А. Россия: путь к катастрофе или модернизации? // СоСис: социолог. исследования. — 2010. — № 11. — С. 134.

⁷ Интеграция в Евразии: социологическое измерение: Вып. 2. — М., 2008. — С. 11.

вызов), не силах предложить оригинальную альтернативу развития. Да, Россия не оказалась на обочине политики государств Центральной Азии, но вместе с тем она не является для них ориентиром, следуя за которым, подражая которому, можно рассчитывать на успех в самых разных сферах — от экономических реформ до развития системы гражданских и культурных ценностей.

Перед Россией — впрочем, как и перед другими действующими на этом поле игроками — стоит вопрос: следует ли воспринимать Центральную Азию как целостный регион? Само это понятие все чаще рассматривается как мифологема, основанная на истории и географии. Однако даже ее историческое прошлое отнюдь не гомогенно, оно охватывает самые разные культурные и политические пространства. Культура и образ жизни степных кочевников качественно отличались от присущих оседлым жителям Ферганской долины. «Никакой извечной “Центральной Азии” или какой-то другой территориальной общности нет»⁸. Возникали и исчезали самостоятельные независимые государства. Что действительно объединяет нынешнюю Центральную Азию — так это ее периодическое, чуть ли не перманентное «колониальное прошлое», захваты ее могучими соседями, которые и удерживали под своими контролем все эти земли. В XIX в. она вошла в состав Российской империи, а после ее падения — в СССР. Характерно, что в советской политической терминологии для региона не нашлось общей дефиниции. В учебниках того времени, в исторических книгах говорилось о «Средней Азии и Казахстане».

Спустя двадцать лет после распада СССР о Центральной Азии можно говорить только как о конгломерате национальных государств, у каждого из которых формируются собственные национальные интересы и векторы внешней политики. Консолидированные региональные интересы практически отсутствуют. Их заменяют разговоры о воссоздании «шелкового пути», о необходимости решения важной для всех водной проблемы, об общих угрозах, с которыми каждая страна фактически борется в одиночку. Отношения между странами региона остаются напряженными, периодически усугубляясь осложнениями.

Межгосударственные границы окончательно не устоялись, периодически вспыхивают локальные конфликты. Часть границы Узбекистана с Таджикистаном и Казахстаном на протяжении многих лет остается заминированной. В 2000 г. Туркмения дополнительно создала 21 пограничный пост (в Ташаузском и Лебапском вилайетах) на

---

⁸ *Абашиев С. Н.* Центральная Азия: какой мы ее видим // Политический процесс в Центральной Азии. — М., 2011. — С. 20–21.

границе с Узбекистаном, увеличив на 500 человек штат пограничных войск⁹. Примерно в то же время Казахстан и Узбекистан сформировали на общей границе дополнительные подразделения. Все это усугубляется межэтнической напряженностью, вылившейся в 2010 г. в кровавый конфликт между узбеками и киргизами в южной Киргизии. В результате граница со стороны Узбекистана была в 2010–2011 гг. закрыта в течение 18 месяцев.

Латентная нестабильность в Центральной Азии наряду с Карабахским конфликтом, выходом из состава Грузии Абхазии и Южной Осетии, нерешенностью вопроса о Приднестровье может рассматриваться как продолжение распада СССР.

Конечно, имеются обстоятельства, которые волей-неволей должны спланировать центральноазиатские страны. Это «угроза с юга», растущий исламский радикализм. Однако и они, несмотря на многочисленные официальные заявления, международные конференции и семинары, отнюдь не способствуют политической интеграции. Например, Туркмения была готова сотрудничать с Афганистаном при любой власти в этой стране. Не дожидаясь стабилизации там обстановки, Ашхабад при поддержке иностранных компаний инициировал строительство газопровода Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ), что, между прочим, можно считать косвенным свидетельством того, что этот маршрут представляется ему более надежным, чем транзит через Россию. В Таджикистане все чаще поговаривают, что афганская угроза не является вечной и с этой страной нужно развивать экономические отношения¹⁰. Положение в Афганистане не оказывает заметного влияния на Казахстан, где разговоры о внешней угрозе с юга являются ритуальными. Пожалуй, с наибольшими опасениями к развитию событий в Афганистане относятся в Ташкенте, где с талибами связаны местные радикалы из Исламского движения Узбекистана. Заметных самостоятельных усилий на региональном уровне по противостоянию исламскому радикализму не предпринималось. Активность в этом направлении опирается на внешних акторов — Россию и США.

Свидетельством отсутствия общерегиональных интересов является неспособность государств Центральной Азии самостоятельно, без участия внешних сил сформировать региональные организации. «Зависимость от центра (т. е. от Москвы. — *А. М.*) сменилась неза-

---

⁹ Юсупова М. Замки для границ // Оазис. — 2011. — № 23 (163). — Дек.

¹⁰ Ризоев М. Когда в соседях Афганистан // Оазис. — 2011. — № 19 (163). — Окт. — С. 4.

висимостью и от центра, и друг от друга»¹¹. У центральноазиатских государств «явно не хватает сил на создание структур регионального порядка, которые бы полностью соответствовали их интересам»¹². Не хватает взаимной заинтересованности, налицо эгоизм, отсутствие желания жертвовать национальными интересами во имя общерегиональных. «В ближайшем будущем полная интеграция центральноазиатских республик невозможна», — заключает турецкий исследователь Эсра Хатипоглу¹³. Таджикский исследователь Рашид Абдулло, отмечая, что страны региона «находятся лишь в начале пути становления в качестве национальных государств», пессимистически констатирует, что «до создания условий для интеграции “по-европейски” пройдет еще немало лет»¹⁴.

Всякий раз при попытке создать новую организацию немедленно обнаруживались внутренние противоречия, и начиналась борьба за лидерство. Эта ситуация остается неизменной на протяжении десятилетий. Еще в 1998 г. казахстанский ученый Санат Кушкумбаев писал, что «интеграционный процесс в центральноазиатском пространстве может опираться, главным образом, на позиции Казахстана и Узбекистана»¹⁵.

В августе 1991 г. накануне распада СССР руководители тогда еще советских среднеазиатских республик и Казахстана подписали соглашение об организации регионального консультативного совета, в 1993 г. на базе узбекско-казахского соглашения «О мерах углубления экономической интеграции на 1994–2000 гг.» была предпринята попытка наладить внутрорегиональное сотрудничество, впоследствии трансформировавшееся в Центральноазиатский союз, который просуществовал до 1998 г. В 1997 г. был подписан трехсторонний «Договор о вечной дружбе» между Казахстаном, Киргизией и Узбекистаном, в 2002 г. — договор о создании Организации центральноазиатского со-

---

¹¹ *Суюнбаев М.* Интеграция Центральной Евразии: геополитические и геоэкономические факторы // Центр. Азия и Кавказ [Лулдео, Швеция]. — 1998. — № 4 (16). — С. 54.

¹² *Казанцев А.* Многовекторность внешней политики и геополитическая неопределенность в Центральной Азии // Вестник Ин-та Кеннана в России. — 2011. — Вып. 19. — С. 23.

¹³ *Hatipoglu E.* Regional Cooperation between the Central Asian Republics and Integration Movements // Eurasian Studies [Ankara]. — 2000. — № 17. — Spring-Summer. — P. 64.

¹⁴ *Абдулло Р.* Таджикистан и региональная интеграция в Центральной Азии // Центр. Азия и Кавказ. — 2007. — № 2 (50). — С. 75.

¹⁵ *Кушкумбаев С.* Центральноазиатская интеграция в контексте истории и геополитики // Центр. Азия. — 1998. — № 4 (16). — С. 33.

трудничества, незаметно развалившейся после революции 2005 г. в Киргизии.

Казалось бы, Москве легче сохранять влияние, играя на противоречиях между бывшими советскими республиками. Однако шансов на их сплочение под российской эгидой, создание под российским главенством региональных организаций также становится все меньше.

Рассматривать политику России в Центральной Азии как некий единый курс неверно, поскольку эта политика складывается преимущественно из двусторонних отношений, и если с Казахстаном и Киргизией они вполне удовлетворительны, то с остальными странами противоречивы и отмечены периодическими конфликтами. Россия обречена на поиск индивидуального подхода к каждому отдельному государству.

Анна Матвеева отмечает, что политика Кремля в Центральной Азии скорее отражает его «прагматический оппортунизм», чем «попытку оживить переделенное пространство»¹⁶. С этим мнением можно согласиться только отчасти, поскольку в «прагматический оппортунизм» вплетаются идеологические установки. Впрочем, существует и иной взгляд, состоящий в том, что «...политика России в отношении членов СНГ так и не сложилась. Ей присущи хвостовство и отсутствие реализма. Россия приходит сюда, раз за разом принося с собой бездумные схемы»¹⁷.

Так или иначе, но в ближайшее время России не удастся полностью отойти от остаточной идеологизированности своей политики в Центральной Азии, хотя это обстоятельство осложняет ее отношения с южными соседями. Главной идеологемой является явная либо более или менее закамуфлированная установка на особость постсоветского пространства, а значит, на привилегированную роль, которую призвана играть на нем Россия. Сегодня эта идеологема состоит из двух частей — скрытого «постсоветизма» и евразийства. 14 сентября 1995 г. вышел указ президента Бориса Ельцина, в котором реинтеграция постсоветского пространства вокруг России была объявлена «важнейшим внешнеполитическим приоритетом»¹⁸. Очевидно, это было самое искреннее заявление Кремля относительно судьбы бывших советских территорий. Впоследствии столь прямолинейно эта

---

¹⁶ *Matveeva A. Russia's Policy in Central Asia // The Intern. Spectator [London]. — Vol. 42. — № 1. — 2007. — Mar. — P. 45.*

¹⁷ *Åslund A. Russia's Capitalist Revolution / Peterson Inst. for Intern. Economic. — Washington, DC, 2007. — P. 181.*

¹⁸ Указ президента РФ «Об утверждении Стратегического курса Российской Федерации с государствами — участниками СНГ» от 14 сентября 1995 г. № 940.

позиция формулировалась все реже, тем более что активизировались внешние игроки, а у самой России просто-напросто не хватало сил склеивать вокруг себя части бывшего СССР.

Но такая страгегема, пусть и в урезанном виде, все же сохранялась и как направление в политике, и как часть идеологии. В конечном счете она была откорректирована и помещена в рамки более нейтрального неоевразийства, главный тезис которого — оправдание с культурно-философских позиций главенства России в Евразии. Марлен Лярюэль называет его «новой прагматической трактовкой социализма, пришедшей на смену глобальному марксистско-ленинскому учению»¹⁹.

«Россия вынашивает новую Евразийскую мысль, — патетически восклицает идеолог неоевразийства Александр Дугин, — которой очевидно суждено стать “новым марксизмом”, новым геополитическим евангелием»²⁰. Дугинское сравнение евразийства с «новым марксизмом» только отталкивает от него партнеров, особенно мусульман Центральной Азии. Обращение же к евразийству в российской политике носит инструментальный, даже в чем-то вынужденный характер, поскольку иной, более привлекательной идеологии для сотрудничества на постсоветском пространстве создать не удалось.

Помимо России (нео)евразийство получило распространение в Казахстане и в меньшей степени в Киргизии. Для казахстанского правящего класса евразийство отнюдь не тождественно признанию доминирующей роли России, оно служит прежде всего обоснованием идентичности и самодостаточности своей республики. Главным проводником евразийства остается президент Нурсултан Назарбаев, еще до развала СССР (который, по его словам, «должен был рано или поздно произойти»²¹) задумывавшийся над поиском новой идеологии. В 1994 г. в Московском государственном университете он представил проект «О формировании Евразийского союза государств», а в 2011 г., выступая в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева (Астана), определил евразийство как «идею будущего, алмаз в короне интеграционных процессов»²². Евразийство для Казахстана — наиболее комфортабельная идеология, к тому же служащая обоснованием для его многовекторной политики. Очевидно,

---

¹⁹ Laruelle M. Russian Eurasianism: An Ideology of Empire. — Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 2008. — P. 221.

²⁰ Дугин А. Новый центр: Евразийское делание России // Евраз. обозрение: Спец. вып. — М., [б. г.].

²¹ Назарбаев Н. Без правых и левых. — Алма-Ата, 1991. — С. 244.

²² <http://www.nomad.su/print.php&a=3-201112070036>.

что и наследники Назарбаева останутся евразийцами, хотя и не столь эмоциональными.

Правящие же классы остальных стран Центральной Азии относятся к евразийству индифферентно и по большому счету полагают его орудием российской политики, а простые граждане о евразийстве вообще мало что слышали.

Евразийское пространство является географическим и лишь весьма условно общекультурным. Тем более Евразии не существует в политическом смысле. Полагать, что «геополитическая доминанта “военно-стратегическое сдерживание” в контексте евразийской интеграции может найти свое выражение в усилении интеграции в сфере военного сотрудничества, а впоследствии в создании единых механизмов военного строительства и управления», а «объединение военных потенциалов стран СНГ и других заинтересованных евразийских держав создаст для России и ее партнеров гарантии соблюдения их прав и законных интересов на международной арене, обеспечив возможность адекватного военного ответа любым угрозам»²³, как это делают адепты евразийства, значит предаваться несбыточным и вредным иллюзиям.

Создание некоей интегрирующей идеологии на географическом евразийском пространстве вообще невозможно, а главное, в перспективе и ненужно, особенно если исходить из отмеченной выше прагматичности российского подхода. С другой стороны, интерес к ее разработке сохраняется и порой принимает неожиданные формы. О Дугине уже говорилось. В России в конце 1990-х годов возникла мусульманская партия «Рефах», глава которой Абдул-Вахед Ниязов заявлял о приверженности принципам евразийства, а в 2001 г. зарегистрировал Евразийскую партию России. К пропаганде евразийства подключилось большинство духовных управлений мусульман. Ректор Нижегородского исламского института им. Х. Фаизханова Дамир Мухетдинов считает, что для интеграции возможно использовать исламскую базу, которая включает российские территории Северного Кавказа, Татарстан, Башкирию, Азербайджан и все государства Центральной Азии²⁴. Хотя подобный подход и представляется нереалистичным, он вполне может озвучиваться некоторыми мусульманскими политиками.

---

²³ *Вавилов А. Н.* Геополитические доминанты национальной безопасности России в XXI веке и евразийская интеграция // Евразийство — будущее России: диалог культур и цивилизация. — М., 2001. — С. 201.

²⁴ *Мухетдинов Д.* Исламская основа для интеграции в странах СНГ // Минарет [Нижний Новгород]. — 2009. — № 1–2. — С. 61–62.

«Россия, — считает историк и политолог Игорь Яковенко, — все время стремится стать ядром притяжения стран, отстающих в процессах модернизации, с тем чтобы создать второй центр силы и играть на этом»²⁵. Центр невозможно создать без соответствующих институтов, в том числе политических, а те, что уже существуют, далеко не в полной мере отвечают поставленной задаче.

Зато сильной стороной российско-центральноазиатских отношений является схожий авторитарный характер политических режимов. Российские и центральноазиатские лидеры ощущают своего рода генетическую близость, находят взаимопонимание в том, какой должна быть оптимальная политическая модель: жесткая, не ставящая под сомнение несменяемость вождя и отвергающая любую ему альтернативу. Ни у кого из них нет реальной (а не картонной) системной оппозиции. Внесистемная же оппозиция подвергается гонениям, причем если в России ее составляют светские либералы, а с недавнего времени националисты, то в Центральной Азии — исламские радикалы.

В отношениях между Россией и центральноазиатскими государствами практически не затрагиваются щекотливые для обеих сторон вопросы о гражданском обществе, демократии, о правах человека. В Москве, Ташкенте, других столицах постоянно подчеркивается, что проблемы демократии и прав человека искусственно раздуваются внешними силами, стремящимися в угоду своим интересам к изменению местной политической ситуации. И для центральноазиатских режимов, и для России это имеет особое значение в связи с «подозрением в спонсорстве цветных революций в Грузии, на Украине и в Киргизии»²⁶. Теперь к этому можно добавить обоюдный страх перед возможностью повторения событий на Ближнем Востоке и в Северной Африке, где были свергнуты пребывавшие многие годы у власти авторитарные президенты — аналогии здесь лежат буквально на поверхности.

Сходятся вожди и в том, что у подвластных им стран — особый путь развития, соответствующий их традиции, формировавшейся в ходе их исторического развития. Точкой взаимопонимания является провозглашение собственных, аутентичных моделей развития, построенных на крепком государстве и приоритете коллективных (общинных) ценностей над индивидуальными. Приверженность ав-

---

²⁵ Яковенко И. Конечная остановка: «Москва — Третий Рим» // Новая газ. — 2011. — 11 апр.

²⁶ Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. — 2008. — Vol. 27. — № 2. — June. — P. 186.

торитаристов традиции выражается в первую очередь в утверждении решающей роли государства (по сути их самих) во всех сферах жизни, а также приверженности семье, авлоду (большой семье), роду, клану. Обращение к традиции имеет и сугубо практическое значение, поскольку она используется авторитарными режимами в качестве средства самосохранения. По мнению российского либерального политика Бориса Немцова, «особый путь развития» означает «нарушение гражданских свобод, цензуру, отсутствие правосудия, беспредел чиновников, неслыханное мздоимство, всевластие госмонополий»²⁷. Несмотря на некоторую упрощенность такой оценки, ее автор абсолютно прав — достаточно посмотреть на любой отстаивающий свой «самобытный путь развития» авторитарный режим, будь то в Центральной Азии или в России.

Поиск основанной на традиции национальной идеи опирается на славное прошлое, он обращен во времена расцвета некогда существовавших на нынешних территориях центральноазиатских династий, к реальным или мифическим фигурам истории. Для Узбекистана это хан Тимур (1336—1405), для Таджикистана — правившая в IX—X вв. династия Саманидов, для Киргизии — мифический батыр Манас, давший название знаменитому эпосу, для Казахстана — создатель казахского протогосударства хан Аблай (XVIII в.). Характерно высказывание одного из узбекских официальных ученых: «Подобно Великому Темуру, мы тоже охвачены стремлением построить государство великого будущего»²⁸.

Несколько иначе выглядит апелляция к традиции в Туркмении, в истории которой не удалось отыскать ни устойчивой государственности, ни великого вождя. Сапармурат Ниязов нашел до гениальности простой выход, привязав величие и славу туркмен к собственной личности. Он принял титул Туркменбаши («отец всех туркмен»), написал новейший постмодернистский туркменский «эпос» «Рухнама» (можно усмотреть символику в том, что качественный перевод «Рухнамы» на русский язык был сделан именно в Москве поэтами Евгением Рейном, Игорем Шкляревским и Михаилом Синельниковым). Поиск основы для туркменской национальной идеи упростился до предела: ее основоположником и одновременно единственным демиургом стал первый президент.

К концу 2000-х годов дававшая Москве определенный гандикап общность взглядов на внутривосточное устройство несколько

---

²⁷ Немцов Б. Исповедь бунтаря. — М., 2007. — С. 62.

²⁸ Искандеров И. Амир Темура и созвучие времен: Тезисы международной конференции «Амир Темура и его место в мировой истории». — Ташкент, 1996. — С. 40.

утратила значение. Кстати, близость авторитаристской политической модели и идеологии никогда не означала безоговорочного взаимного доверия и уж тем более дальнейшего пребывания в российской орбите. Западные партнеры центральноазиатских режимов фактически соглашаются признать «самобытность» их путей развития, антидемократизм, вопрос о правах человека дебатруется все меньше и носит по большей части формальный характер. Наиболее показателен подход к событиям 2005 г. в Узбекистане, где Ислам Каримов жестоко подавил андижанское восстание. Поднявшаяся волна критики узбекского президента постепенно шла вниз, и хотя переоценки андижанской трагедии не произошло, в конце концов она была предана политическому и дипломатическому забвению. Правда, в 2011 г. Евросоюз решил ввести запрет на выдачу виз лицам, причастным к насилию в Андижане, а также на продажу оружия Узбекистану, отказавшемуся проводить независимое международное расследование андижанских событий. Однако одновременно с этим возникла перспектива бесплатного получения оружия от США в связи с выводом американских войск из Афганистана. Показательно, что андижанская тема не поднималась во время визита государственного секретаря Хиллари Клинтон в Узбекистан в конце 2011 г., а на сайте Государственного департамента в комментарии к ее визиту говорилось, что Каримов простил Америку за критику в 2005 г.²⁹

В свою очередь, местные режимы демонстрируют, что предпринимают некоторые шаги в направлении либерализации. На 2009 г. в Узбекистане действовало 5 тыс. неправительственных организаций. В стране, несмотря на сохраняющееся давление на внесистемную оппозицию, власть стала проявлять большую терпимость к некоторым «диссидентам», сокращая сроки заключения и даже выпуская их из тюрьмы. Правда, речь шла о тех, кто фактически отказывался от борьбы и превращался в прирученных «карманных оппозиционеров». Ташкент «вел игру с Западом, надеясь единичными актами помилования повысить позитивный имидж страны за границей»³⁰. Даже в Туркмении начиная с 2009 г. наметился определенный сдвиг, запретная прежде тема прав человека стала входить в речевой оборот президента Гурбангулы Бердымухамедова, и власть идет на сотрудничество с некоторыми неправительственными организациями и западными институтами³¹. Приближенный к власти входящий в административно-

---

²⁹ http://badnews.org.ru/news/khillari_klinton_v_uzbekistane_i_tadjikistane_zigzagi_.

³⁰ *Мальшева Д.* Республика Узбекистан: Политика // Центр. Евразия 2009: Аналит. ежегодник. — [S. I.]: CA&CC Press, 2010. — С. 371.

³¹ *Куртов А.* Туркменистан: Международная жизнь // Центр. Евразия 2009: Аналит. ежегодник. — [S. I.]: CA&CC Press, 2010. — С. 352.

интеллектуальную элиту таджикский аналитик А. Ахмедов отмечает, что «несмотря на то, что в политических системах Центральной Азии просматриваются некоторые авторитарные элементы, практически во всех государствах региона де-юре существуют многопартийные системы и провозглашается приверженность демократическим принципам»³². На самом деле «политическая модернизация... имеет место в контексте клановых, местных, семейных связей, обуславливающих идентичность, лояльность, выстраивание социальной и властной иерархии»³³.

Формальная «демократизация» происходит на фоне дальнейшего закручивания гаек, стремления подавить малейшие проявления несогласия. С этой точки зрения Узбекистан становится все более похожим на Туркмению, а Казахстан, где после парламентских выборов 2011 г. в Межилисе осталась только одна правящая партия «Нур Отан», — на Узбекистан. Интересно, что Назарбаев в январе 2012 г., решив, что однопартийность в Межилисе компрометирует политическую систему в глазах Запада и несколько снижает легитимность его власти, провел внеочередные парламентские выборы, и в результате в законодательном органе оказалось сразу две оппозиционных (фактически имитирующих оппозицию) партии — «Ак Жол» и Коммунистическая народная партия, но сами выборы, по мнению независимых экспертов, прошли с большим количеством нарушений, были подтасованы и лишней раз отразили ужесточение казахстанского авторитаризма.

Авторитаризация власти нарастает в Таджикистане, хотя позиции президента Эмомали Рахмона (в марте 2007 г. его изначальная фамилия — Рахмонов — лишилась окончания «ов») по сравнению с его центральноазиатскими коллегами не столь безоговорочно прочны.

После парламентских выборов 2011 г. Россия больше не остается для центральноазиатских режимов абсолютным эталоном поддержания порядка и сохранения авторитета верховной власти. Выступления в Москве, где протестовать против фальсификаций вышли десятки тысяч людей, а также в крупных городах (Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Челябинске и др.) оказали воздействие и на оппозиционеров в Центральной Азии, прежде всего в Казахстане, однако насколько велик их демонстрационный эффект, сказать непросто.

---

³² Ахмедов А. Специфика развития многопартийности в Центральной Азии и ее влияние на политическую культуру (на примере Республики Таджикистан). — Душанбе, [б. г.]. — С. 47.

³³ Звягельская И. Становление государств Центральной Азии. — М.: Аспект-Пресс, 2009. — С. 50.

Но вот парадокс: именно в то время, когда в Москве происходили массовые манифестации с острой критикой российской власти и конкретно премьера и президента, в казахстанском Жанаозене Нурсултан Назарбаев решительно, с использованием военных структур подавил выступление требовавших повышения зарплаты шахтеров, причем, по разным данным, было убито от 15 до 70 человек. Назарбаев преподавал соседям и союзникам предметный урок того, как в острой ситуации должен вести себя правитель, намеревающийся прочно удерживать власть, а заодно показал, что авторитаризм в Центральной Азии по ригидности далеко превосходит российский.

В Европе и США критика российского авторитаризма звучит решительнее, а требования к Москве относительно соблюдения прав человека, норм демократии явно выше тех, которые предъявляются тому же Назарбаеву и его коллегам. «Прощая» национально-историческую специфику государствам Центральной Азии, Запад отказывается признавать таковую за Россией, считая ее «полусвоей», т. е. близкой по культуре, по характеру гражданских ценностей к Западу. Последнее должно льстить российскому правящему классу и российскому обществу. Однако это же делает Россию чужой для Центральной Азии, и она воспринимается там как часть иного, еврохристианского мира. С этой точки зрения двусмысленно звучит утверждение бывшего заместителя главы президентской администрации, главного идеолога официальной России Владислава Суркова о том, что Россия «сделала для демократизации Восточной Европы и Центральной Азии гораздо больше, чем Вашингтон и Лондон»³⁴. Если это так, то центральноазиатским авторитаристам следует подходить к России с большей настороженностью.

Фактор межличностных отношений между лидерами имел большое значение с самого начала раздельного существования России и остальных советских республик. Когорта постсоветских президентов воспитывалась и получила образование в Советском Союзе, они часто общались в неформальной атмосфере, имели общий круг знакомых, у них общая политическая и бытовая фразеология. Они были «своими» друг для друга.

После распада СССР они психологически оказались в одинаковом положении, став лидерами новых самостоятельных государств, а привыкание друг к другу в новом президентском качестве обрелось в том числе при личном общении. Межгосударственные договоры и соглашения перед подписанием обсуждались, так сказать, в «семейном кругу». Символично, что такая обстановка сложилась и

---

³⁴ Сурков В. Тексты 97–07. — М.: Европа, 2008. — С. 122.

в декабре 1991 г. в Беловежской пуще, где был пописан договор, решивший судьбу Советского Союза.

Супруга бывшего президента Киргизии Аскара Акаева Майрам, вспоминая о близких семейных связях с Назарбаевым (сын Акаевых Айдар в 1998—2001 гг. был женат на младшей дочери Назарбаева Алии), рассказывала о «задушевных беседах, кратковременных походах, катании на лыжах, прогулках на теплоходе, авторских концертах на вершинах гор рядом с облаками»³⁵.

У Назарбаева и Акаева гармонично складывались отношения с российскими лидерами, зато приватное общение с Москвой не возникло у второго президента Киргизии Курманбека Бакиева. «Допустим, — пишет аналитик Александр Караваев, — у президента Узбекистана не сложилось дружеского взаимопонимания с Путиным, зато Нурсултан Назарбаев, очевидно, оказался под некоторым влиянием путинской харизмы и решимости углублять интеграцию»³⁶.

Путину вообще свойственно выстраивать доверительный характер общения, что заметно на примере его отношений с канцлером ФРГ Ангелой Меркель, президентом Франции Николя Саркози, премьером Италии Сильвио Берлускони. Даже к президенту «недружественных» Соединенных Штатов Джорджу Бушу Путин испытывал личную симпатию. Личностная составляющая присутствует и в отношениях Путина с некоторыми российскими политиками, здесь яркий пример — его привязанность к главе Чечни Рамзану Кадырову, что накладывает отпечаток на взаимодействие между федеральным Центром и Чеченской Республикой. Нечто подобное было присуще Борису Ельцину, который «дружил» с канцлером ФРГ Гельмутом Колем и был тепло расположен к Биллу Клинтону. В советские времена свои «любимчики» были и у Леонида Брежнева.

Личностный фактор отсутствует в отношениях Путина (тем более Медведева) с Эмомали Рахмоном. Что касается Сапармурата Ниязова, то он сравнительно быстро отстранился от неформального общения с равными себе и, если верить рассказам когда-то близких к нему политиков, даже пытался посорить центральноазиатских президентов между собой. У Путина с Ниязовым с самого начала никаких симпатий не возникло, о чем можно судить хотя бы по такому эпизоду: во время визита в 2000 г. Путина в Туркмению Туркменбаши, который к тому времени уже уверовал в собственное величие, обращался с ним, как с неразумным ребенком (для только что вступившего на прези-

---

³⁵ Акаева М. У надежды не бывает ночи. — М., 2003. — С. 258.

³⁶ Караваев А. Время Медведева и ресурсы Путина // НГ—Дипкурьер. — 2011. — 28 марта.

дентский пост Путина это было очень болезненно). А когда российский президент выступал перед туркменской колитической элитой, Ниязов попросил всех простить московского гостя, «если выйдет нескладно», а в конце добавил: «Вы не обращайте внимания, что он так выступал... он просто переживает»³⁷. Этот эпизод негативно сказался не только на частных, но и на межгосударственных отношениях между Россией и Туркменией.

Избрание в 2007 г. президентом России Дмитрия Медведева и образование «тандема Путин-Медведев» поставило президентов Центральной Азии в затруднительное положение. В Москве муссировались слухи о том, что между взглядами Медведева и Путина существуют известные расхождения, что новый президент России в большей степени, чем премьер, тяготеет к либерализму, ориентирован на западные ценности. Центральноазиатские президенты, привыкшие иметь дело с бесспорным национальным лидером, были вынуждены приспосабливаться к новой ситуации, стараясь понять, за кем в России остается последнее слово. На встречах с Медведевым они присматривались к новому главе государства, пытаясь определить меру его психологической самостоятельности, пределы амбиций. Однако постепенно сомнения исчезли, и лидером в их глазах продолжал оставаться Путин, что означало продолжение прежнего, ставшего для них привычным курса.

События последнего десятилетия показали, что ни в одной из центральноазиатских стран за исключением Киргизии не сложилось четкое структурированное пророссийское лобби, готовое в любой ситуации идти в фарватере Москвы. Более того, по мере постепенной смены поколений приходящие во власть новые люди менее сентиментально относятся к прошлому. Очевидно, окончательно качественный сдвиг в восприятии России произойдет тогда, когда на смену старшему и среднему поколениям будут приходиться те, кому к моменту распада СССР было 10–15 лет и кто не прошел через советскую индоктринацию. Марта Олкотт, рассуждая о Казахстане, отмечает «различия в ценностях между поколениями не только в элитах, но и среди населения»³⁸, и в еще большей степени это справедливо для остальных обществ Центральной Азии. «Будущие отношения между странами, положительный имидж России в регионе, формирование пророссийского сегмента в элитах этих стран пока зиждутся

---

³⁷ *Трегубова Е.* Байки кремлевского диггера. — М., 2003. — С. 289.

³⁸ *Olcott M. B.* Kazakhstan at 20: Commentary / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, Dec. 12, 2011.

на старом советском фундаменте»³⁹. Но резервы общего советского прошлого за прошедшие двадцать лет стремительно уменьшились и продолжают истаявать.

Советское прошлое для Центральной Азии в значительной степени является советско-русским, поскольку советизация происходила через внедрение русского языка, русификацию местной элиты и распространение русской культуры, которая одновременно являлась частью культуры европейской. Оставляя за скобками анализ оказанного русской культурой влияния, следует признать, что десоветизация в регионе проходит параллельно с дерусификацией. Узбекский писатель Александр Джумаев справедливо пишет о «неясной судьбе советского культурного наследия в Средней Азии, возвращенного на синтезе русско-европейских и национальных традиций»⁴⁰. Можно обратить внимание еще на одно обстоятельство: советская эпоха в сознании жителей Центральной Азии отождествляется с принадлежностью к великому государству, с социальной справедливостью, с торжеством коллективного начала. Социальная же справедливость, коллективизм ассоциируются также с исламской традицией. Возникает странный симбиоз: ислам и советскость вопреки междоусобному противостоянию оказываются близки или совпадают в социальных постулатах. В такой ситуации замена советского мировоззрения на исламское оказывается в каком-то смысле понятной.

Главная цель десоветизации — не устранение социальных ценностей советской эпохи, которые быстро и органично «растворились» в традиции. «Десоветизаторы» стремятся прежде всего предать забвению прежнюю державу, поставив на пьедестал «свою империю» с собственной великой историей, преодолеть комплекс младшего брата. В Узбекистане, например, ведется борьба с памятью о советском государстве. В 2011 г. был разрушен мемориал в честь заводчан, ушедших на фронт с «Ташсельмаша». Снесен памятник кузнецу Шахамудову, который вместе с женой Бахри Акрамовой во время войны усыновил 15 детей разных национальностей, в 2008 г. в Самарканде был разрушен памятник Юрию Гагарину, в 2009 г. был уничтожен монумент Свободе, вырублен парк с полустаростлетними чинарами бывшего русского Ташкента, вместе с ним разрушено здание церкви XIX в., построенное по проекту Александра Бенуа. За последние 19 лет переименовано 90–95% улиц городов и поселков с русскими,

---

³⁹ *Старчак М. В.* Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать? // <http://www.fondedin.ru/dok/starchak.pdf>.

⁴⁰ *Джумаев А.* К историко-культурным основаниям близости Средней Азии и России: взгляд из Узбекистана // Дружба народов. — 2010. — № 7. — С. 157.

корейскими, казахскими, вообще европейскими названиями⁴¹. Зато в 2007 г. Ислам Каримов объявил о создании двух памятников жертвам российского колониального режима. Советский режим ассоциируется с имперским, дореволюционным и признается его преемником. Например, парламент Киргизии охарактеризовал восстание киргизов в 1916 г. во время Первой мировой войны как реакцию против угнетения в царской армии. Басмаческое движение 1920-х годов рассматривается как освободительное. Если в балтийских республиках и Грузии «война памятников» — свидетельство давних и недавних обид, то в Центральной Азии — стремление полностью отмежеваться от связанного с Россией прошлого, вычеркнуть ставшую ненужной и даже опасной Россию из своей истории.

Явная и ползучая дерусификация имеет место во всех центрально-азиатских государствах. Одно из ее главных направлений — избавление от русского языка как конкурента языка национального. С одной стороны, это объективный процесс, поскольку в советские времена применение национальных языков было ограничено, тогда как без качественного знания русского невозможно было сделать значимую карьеру даже в пределах собственной республики. Национальное же государство не может состояться без поддержки, развития (некоторые языки нуждаются именно в развитии) и обретения полноценного национального языка. С другой стороны, вытеснение русского языка есть следствие желания избавиться от всего, что изначально не входит в кластер национального культурного достояния. В этом случае упор делается на то, что русский — это язык колонизаторов. Нечто похожее имело место в некоторых других деколонизированных странах, например, в Алжире, где в 1960-х годах был провозглашен курс на арабизацию, но французский язык по-прежнему оставался признаком принадлежности к образованному слою (первое поколение независимых алжирских политиков владело арабским недостаточно). Очевидно, судьба русского языка в Центральной Азии станет более печальной, чем судьба французского и английского в бывших колониях. Дело здесь еще и в том, что русский не сопоставим с английским и даже французским в плане распространения в мире. Со временем по мере ослабления связей с Россией английский язык, хотя и в ограниченном масштабе, будет приходить на смену русскому.

Русский язык постепенно изымается из обращения во всех центральноазиатских государствах. Из тюркоязычных стран только в

---

⁴¹ Узбекистан: в Ташкенте ломают мемориал памяти погибших в Великой Отечественной войне работников завода Ташсельмаш // <http://www.ferhananews.com/article.php?id=6888>.

Киргизии, да и то скорее всего лишь на ограниченный срок, сохранилась кириллица. По словам Нурсултана Назарбаева, перевод казахского алфавита на латиницу был обусловлен тем, что «латинская графика доминирует сегодня в коммуникационном пространстве»⁴². В Таджикистане осуществляется переход на арабский алфавит. Все это в конечном счете приводит к тому, что из обихода постепенно выводится русская и мировая литература, ибо Шекспир и Гюго переводились на русский язык, а если и переводились на национальный, то с помощью кириллицы. Можно возразить, что русский был в каком-то смысле передаточным звеном между своей и внешней культурой, зато теперь открывается возможность знакомиться с ней без посредника. Это так. Но потребуется немало времени, чтобы даже самая продвинутая часть общества изучила новый иностранный язык (преподавателей для него практически нет), а тем временем два-три (в лучшем случае) поколения могут оказаться в культурной изоляции.

В то же время русский язык по-прежнему распространен на уровне молодежной субкультуры. Эстрадные песни на русском звучат в столицах и крупных городах, а также на рынках, в такси, популярны российские детективы, раскупаются «глянцевые» журналы. Из российской прессы заметен еженедельник «Аргументы и факты», в меньшей степени «Комсомольская правда». Еще несколько периодических изданий читаются в интернет-варианте. Иногда номера российских газет, например, «Независимой», содержащие критические материалы в адрес местного руководства, негласно запрещаются к распространению. В 2002 г. Туркменбаши запретил подписку и ввоз в страну зарубежных газет и журналов. Было, в частности, заявлено «об экономической невыгодности» доставки российских СМИ. Правда, в 2011 г. его наследник Бердымухамедов отменил это решение и даже выделил 5 млн руб. на подписку российских СМИ⁴³, но читатели за полтора десятилетия от них уже отвыкли.

Сокращается трансляция российских телеканалов, а местные русскоязычные программы имеют сравнительно широкую аудиторию только в Казахстане и Киргизии. Вопрос о том, насколько широко русскоязычное пространство в Интернете, остается открытым. Однако вряд ли Интернет может оказаться «хранителем» русского языка, тем более что за исключением Киргизии центральноазиатские власти всячески препятствуют свободному обмену мнениями. Международ-

---

⁴² Косолапов Н., Стрежнева М. Постсоветское пространство: условность или реальность // Транснациональное политическое сотрудничество: новые реальности международного развития. — М., 2010. — С. 47.

⁴³ Панфилова В. Российские газеты дойдут до Туркмении // Независимая газ. — 2011. — 15 июня.

ная организация «Репортеры без границ» в 2010 г. включила Туркмению и Узбекистан в «список врагов Интернета».

Сужение русскоязычного пространства напрямую связано с уменьшением количества школ с преподаванием на русском языке. В Туркмении на протяжении 1990-х годов оно снизилось более чем на две трети, в Казахстане и Узбекистане — наполовину. В Таджикистане число русскоязычных школ сократилось втрое (с 90 до 30), а смешанных — на треть. В Туркмении в 2001 г. все русскоязычные школы были преобразованы в смешанные и переведены на заимствованную у Турции девятилетнюю систему обучения. В Узбекистане количество учеников русскоязычных классов и школ к началу 2000-х годов сократилось вдвое (с 668 до 327 тыс. человек), хотя численность русского населения в республике за этот период по данным официальной статистики снизилась не более чем на четверть. К началу 2000-х годов образование на русском языке получали всего около 1% учащихся Таджикистана. Несколько лучше обстояли дела в Казахстане и Киргизии, где число обучающихся на русском школьников составляло соответственно 50% и 20% ⁴⁴.

Повсеместно происходит снижение статуса русского языка — от официального, каким он остается в Киргизии, до «языка межнационального общения» в Таджикистане и просто иностранного в Узбекистане. Даже в Казахстане, где русские составляют до четверти населения, в сентябре 2011 г. группа местных общественных деятелей и политиков направила Назарбаеву письмо, в котором требовали исключить из Конституции положение об употреблении русского языка наравне с казахским. С 1 сентября 2011 г. прекращено вещание русской редакции на государственном телеканале Казахстана.

Нельзя сказать, что Россия не предпринимает попыток сохранить русский язык. Основанный в 2007 г. фонд «Русский мир» проводит конференции и семинары, устраивает разного рода выставки и презентации, им открыто девять «Русских центров» — по три в Казахстане, Киргизии и Таджикистане ⁴⁵. Однако все это не более чем паллиатив, и сокращение сферы распространения русского остановить уже не удастся.

Главнейшей причиной является отъезд русского (русскоязычного) населения. Из Таджикистана с 1991 г. уехало 80% русских, из

---

⁴⁴ Шустов А. Русские школы вытесняются турецкими // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1263385020/>

⁴⁵ Русскоязычные в Центральной Азии: Социальный портрет / Фонд «Русский мир». 9 апреля 2010 г. // <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/news/fund/news0274.html?print=true/>.

Узбекистана — 50%, из Туркмении — более двух третей ⁴⁶. Численность русского населения Центральной Азии в 2007 г. составила от 5,5 до 5,7 млн человек против почти 9 млн накануне распада СССР. В Узбекистане в 2007 г. русских осталось около 1 млн, в Киргизии — примерно 470 тыс., в Туркмении — не более 90 тыс., а в Таджикистане 45–50 тыс. ⁴⁷ Число русских продолжало сокращаться и дальше, в настоящее время в Киргизии их осталось менее 400 тыс. Что касается Туркмении, то в связи с обменом заграничных паспортов в 2011 г. в печати промелькнула цифра 120 тыс. ⁴⁸, но, очевидно, она завышена.

Политическое поведение русской общины в Центральной Азии всегда отличалось пассивностью. Правда, в начале 1990-х годов в некоторых странах организовались движения русского населения, самое известное из них — возникшее в 1992 г. в Казахстане Славянское движение «Лад», но и оно не сумело включиться в политический процесс, а многие его активисты переехали на постоянное жительство в Россию. Русские быстро, хотя и болезненно, переформатировались из главного, доминировавшего в советскую эпоху народа в депрессивное этническое меньшинство, не способное оказывать сколь-нибудь заметное влияние на принятие главных политических решений. В том же Казахстане «титовская нация» — казахи — составляет более 90% руководящего состава государства ⁴⁹. В других странах эта доля еще выше.

Россия не оказывала и не оказывает существенной поддержки русским. «Русский вопрос» практически не поднимается ни на саммитах СНГ, ни на других мероприятиях Содружества. Москва не хотела портить отношения с центральноазиатскими партнерами, что, между прочим, принципиально отличало ее подход к странам Балтии, где она всячески позиционировала себя в качестве защитницы интересов русского населения. Один из широко практикуемых при этом приемов — демонстрации перед посольствами Латвии и Эстонии. А вот перед посольствами Туркмении и Узбекистана демонстраций не было. Созданный в 1992 г. Конгресс русских общин, обозначивший себя как международное и общероссийское общественно-политическое объединение соотечественников и патриотических организаций,

---

⁴⁶ В постсоветской Центральной Азии русский язык уходит на второй план // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1317414420>.

⁴⁷ *Шустов А.* Сколько русских осталось в Центральной Азии? // Рус. нар. линия: Информ.-аналит. служба. — 2007. — 20 нояб.

⁴⁸ *Дубнов А.* Бердымухамедов станет отцом всех туркмен // Моск. новости. — 2011. — 14 дек.

⁴⁹ *Панфилова В.* Не по доброй воле // Независимая газ. — 2011. — 7 сент.

использовал проблемы русских меньшинств в интересах борьбы за влияние в России.

Для государств Центральной Азии отказ России от борьбы за права соотечественников был лишним свидетельством стремления не обострять отношения, избегать острых углов и не вмешиваться в их внутренние дела.

Может ли Россия существенно влиять на политическую обстановку в странах региона, изменяя ее, подстраивая под свои интересы? Очевидно, уже нет. Российский фактор оказывает воздействие на принятие некоторых, в том числе важных решений, но кроме Киргизии роль России более нигде не является решающей. Да и там ее влияние нельзя назвать единственным и абсолютным.

У России нет достаточных рычагов, чтобы воздействовать на то, кто станет преемником Назарбаева в Казахстане и Каримова в Узбекистане. Это сугубо внутреннее дело тамошних правящих классов, от расклада внутри которых и будет зависеть, кто станет следующим вождем. Конечно, внешний фактор будет присутствовать, но он, как и вся политика центральноазиатских государств, останется многовекторным, т. е. зависимым от системы сдержек и противовесов, сложившихся в треугольнике Китай — Россия — США. Россия может присматриваться, даже поддерживать потенциальных кандидатов, но вряд ли кто-либо из них рискнет демонстративно заручиться лишь ее поддержкой.

Кстати, для Кремля не прошел даром украинский опыт, когда считавшийся самым верным союзником России Виктор Янукович, став президентом, стал проводить собственную линию, которая отнюдь не всегда согласовывалась с Москвой. Эта ситуация может повториться в любом государстве Центральной Азии.

Показательной была смена власти в Туркмении в 2005 г., когда Россия никак не вмешивалась в выбор нового главы этого государства. Более того, существует мнение, что в Москве даже не имели ясного представления о том, кто может стать следующим президентом. Участвовавший в похоронах Сапармурата Ниязова известный российский политик Алексей Митрофанов рассказывал, что возглавлявшаяся тогдашним премьер-министром Михаилом Фрадковым делегация России после похорон немедленно отбыла на родину, и только он присутствовал на так называемой закрытой части похорон, где мог общаться с местными политиками⁵⁰. В дальнейшем Москва никак

---

⁵⁰ Что будет в Туркменистане? «Круглый стол» в рамках программы «Религия, общество и безопасность» 23 января 2007 г. — М., 2007. — С. 6. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; № 1).

не могла повлиять на внутреннюю ситуацию в Туркмении, да и не пыталась это делать.

Российское влияние в Таджикистане более ощутимо, хотя далеко не абсолютно. Здесь имеются некоторые нюансы. Во-первых, Россия принимала самое активное участие (вместе с Ираном) в разрешении внутритаджикского конфликта и добилась подписания в 1997 г. соглашения между Объединенной таджикской оппозицией и Народным фронтом Эмомали Рахмонова. Это вообще едва ли не главное достижение политики России на площадке СНГ. Поддержав Рахмонова, Москва повлияла на расстановку политических сил в Таджикистане, на состав правящей элиты. «Характеризуя Россию как “третью сторону”, не следует забывать тот факт, что она с самого начала своего вмешательства в конфликт выступала скорее на стороне одного из его участников»⁵¹. Это высказывание принадлежит шведской исследовательнице Лене Йонсон, которая определяет гражданскую войну в Таджикистане как «вызов российской политике».

Таджико-таджикская война, карабахский, приднестровский и грузино-абхазский конфликты выглядели вызовами России, которые она принимала, пытаясь разрулить кризисные ситуации. Однако на деле они оказались не «случайностями», не частными спорадическими кризисами, но имманентной обстановкой на бывшем советском пространстве, продолжением распада СССР. Таджикский же вызов в таком контексте выглядел исключением, единственным, на который Россия оказалась способна дать успешный ответ. Остальные конфликтные ситуации до сих пор не урегулированы, Москва не подбрала ключ к их решению.

Следствием подписания соглашения между враждующими сторонами стало сохранение военного присутствия России, которое остается косвенным фактором влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в стране. Распространено мнение, что именно российские военные (на базе дислоцированной в Таджикистане с 1993 г. 201-й дивизии в 2005 г. была сформирована военная база) в 2007–2008 гг. спасли режим Рахмона, когда страна была поражена тяжелым экономическим кризисом, население буквально замерзло в зимние холода и возрасставшее недовольство грозило перерасти в массовые антиправительственные выступления. В тот момент выбор Кремля в пользу Рахмона обеспечил стабильность в стране (по рассказам находившихся в то время в окружении президента людей он сам просил Москву оказать в крайней ситуации силовую поддержку).

---

⁵¹ *Jonson L.* The Tajik War: A Challenge to Russia Policy. — [S. l.], 1998. — P. 5. — (Discussion Paper / The Royal Inst. of Intern. Affairs [Great Britain]; 74).

Вмешательство в обстановку в Киргизии хотя и имело место, но носило мягкий характер. Москву раздражали местные «оранжевые» революции (первая киргизская революция 2005 г. получила название «тюльпановой», поскольку женщины-оппозиционерки раздавали манифестантам эти цветы), но в целом было очевидно, что кто бы из революционеров ни пришел к власти, они не станут портить отношения с Москвой. В этом смысле обе киргизские революции зримо отличаются от произошедших в 2003–2004 гг. в Грузии и на Украине. Россия снисходительно отнеслась к революционерам, потому что их противники президенты Аскар Акаев и Курманбек Бакиев были не в состоянии удержать ситуацию под контролем, а главное — к ним обом у Москвы накопились определенные претензии.

Акаев, несмотря на его возраставший авторитаризм, казался излишне демократичным, позволял действовать на территории страны сотням связанных с Европой и Америкой неправительственных организаций. Выходец из научной среды (он был президентом Академии наук Киргизии), он отличался образом мыслей от остальных постсоветских президентов Центральной Азии. Свергнутый в 2010 г. Бакиев не вызывал доверия у Кремля своими бесконечными обманами, прежде всего в отношении американской базы в Манасе, которую то обещал Москве закрыть, то брал свои слова назад. В результате Кремль перестал оказывать ему поддержку и помог лишь единожды, разрешив пролет над своей территорией самолету, на котором Бакиев улетал в эмиграцию в Белоруссию (первоначально его вывезли из Киргизии на казахском самолете в Казахстан).

После падения бакиевского режима Кремль какое-то время присматривался к кандидатам на президенты, однако больше всего его заботила перспектива замены президентской системы на парламентскую. При парламентаризме Россия, привыкшая работать на постсоветском пространстве с авторитарными вождями, действительно могла столкнуться с неожиданностями. В Москве полагали, что попытка перестроить политическую систему будет сопровождаться очередной дестабилизацией. Президент Медведев счел парламентскую форму правления «не подходящей ни для Киргизии, ни для России» и заявил, что попытки ее ввести могут привести к «катастрофическим последствиям»⁵².

В ходе длившейся в Киргизии вплоть до конца 2011 г. политической чересполосицы многие политики неоднократно обращались за поддержкой к Москве, причем соперничество велось не за кресло президента, исполнять обязанности которого стала возглавившая ре-

---

⁵² <http://www.pr.kg/news/kg/2010/09/22/17410>.

волюционное движение Роза Отунбаева, а за становившийся более влиятельным пост премьер-министра. В Москве, однако, не спешили «спонсировать» кого-то одного и ограничивались обещаниями. Показательно, что Россия согласовывала свои ходы с позицией Астаны, в которой тоже долго не могли прийти к окончательному решению. Одно время казалось, что наиболее приемлемым премьером для России и Казахстана может стать Феликс Кулов, министр внутренних дел при Аскаре Акаеве, человек, спасший Киргизию от погромов во время «тюльпановой революции» (в 1987–1992 гг. он был министром национальной безопасности, в 2005–2007 гг. — премьер-министром). Однако и его кандидатура в силу ряда обстоятельств, в том числе по причине «политической усталости» этого незаурядного человека, отпала. Были и другие претенденты, но все они так или иначе нуждались в совместной апробации Москвы и Астаны. В итоге премьером стал Алмазбек Атамбаев, в конце 2011 г. избранный президентом Киргизии. За Атамбаева проголосовали 63,2% избирателей, и это в значительной степени объясняется его пророссийской ориентацией. Между прочим, в Бишкеке и других городах республики от самых разных людей в 2000-х годах мне доводилось слышать, что самый популярный в республике политик — Владимир Путин.

Но в Казахстане, Узбекистане и Туркмении ни один политик в случае затруднений (или добиваясь успеха) не будет открыто демонстрировать свою однозначно пророссийскую ориентацию. «Россия лишается прямого контакта с будущими поколениями управленцев центральноазиатских стран и не может формировать элиту, понимающую российские реалии»⁵³.

Еще одним свидетельством невмешательства России во внутренние дела соседей является то, что она никогда не имела дела с явными и скрытыми местными оппозиционерами. Мнение, что «Россия пыталась, в частности, развивать приватные контакты с различными светскими политическими группировками»⁵⁴, представляется спорным. Российские спецслужбы, разумеется, собирают информацию о местных интригах, она доводится до сведения руководства, однако серьезного практического применения не находит. Опять-таки исключением является Киргизия, поскольку там переход из оппозиции во власть стал рутинным делом.

Никто из заметных оппозиционеров Казахстана, Узбекистана, Таджикистана поддержку от Москвы не получал. В Кремле, конечно, общались с критиками того или иного режима, но только до той поры,

---

⁵³ Старчак М. В. Указ соч. — С. 9.

⁵⁴ Allison R. Op. cit. — P. 194.

пока они не оказывались в публичной бескомпромиссной конфронтации с властью и не требовали ее смены. Ни открыто выступивший против Назарбаева бывший в 1994—1997 гг. премьером Казахстана Акежан Кажегельдин, ни зять Назарбаева Рахат Алиев, ни составивший на первых президентских выборах реальную конкуренцию Исламу Каримову узбекский оппозиционный политик Магомед Салих не могли рассчитывать на поддержку России и эмигрировали — кто в Европу, кто в Турцию. Центральноазиатская оппозиция никогда не полагалась на помощь России, хотя, например, Кажегельдин в 1998 г. вспоминал, что, будучи в Москве, встречался с «потенциальными наблюдателями, с потенциальными союзниками», с теми, кто «был готов его поддержать»⁵⁵. Имен этих людей он, однако, не назвал.

Никто из оппозиционеров Центральной Азии не получил политического убежища в России и не мог там находиться из-за угрозы выдачи на родину. Исключением стали лишь представители туркменской оппозиции — бывший министр иностранных дел (1990—1992 гг.) Авды Кулиев, семья другого бывшего главы МИДа (до 2000 г.) Бориса Шихмурадова, бывший вице-премьер (1991—1994 гг.) Назар Суюнов и некоторые другие, которым удалось не только осесть в Москве, но даже продолжать — хотя в очень ограниченных масштабах — борьбу с официальным Ашхабадом. Так, Кулиев издал четыре номера небольшого объема журнала «Эркин Туркменистан», а Суюнов стал во главе исполкома российской Ассоциации по связям с соотечественниками «Родина». Но их активность в России никак не сказалась на обстановке в Туркмении. Туркменские оппозиционеры общались с российскими правозащитниками, особенно часто с журналистом Виталием Пономаревым, который подробно описал, как в 1995 г. пытался содействовать Авды Кулиеву в попытке возвратиться на родину⁵⁶. В то же время не прекратившие оппозиционную деятельность бывший посол Туркмении в США, а ныне глава Республиканской партии Нурмухаммед Ханамов, а также бывший вице-премьер, ныне председатель партии «Ватан» Худайберды Оразов предпочли эмиграцию соответственно в Австрии и Швеции.

Отошел от политики эмигрировавший с семьей в Москву Аскар Акаев. Он вернулся к научной работе, стал главным научным сотрудником Московского государственного университета, а с 2009 г. еще

---

⁵⁵ Акежан Кажегельдин готов составить конкуренцию Нурсултану Назарбаеву // Сегодня. — 1998. — 31 окт.

⁵⁶ Пономарев В. История одной поездки, или Как меня высылали из Ашхабада // Индекс/Досье на цензуру. — 1998. — № 4–5. — С. 270–278.

и координатором подпрограммы «Комплексный системный анализ и моделирование мировой динамики» Президиума Российской академии наук.

Сокращая вмешательство во внутренние дела центральноазиатских государств, Россия тем более устраняется от участия в урегулировании двух- и многосторонних отношений между ними. Если поначалу ее инертность можно было объяснить тем, что в Москве полагали, будто страны Центральной Азии и так никуда не денутся, то теперь для вмешательства во внутрирегиональные отношения у России попросту нет ни сил, ни достаточных средств. Кроме того, я бы присовокупил к этому низкий уровень профессионализма работников российских посольств, незнание ими местных языков, традиций, восприятие центральноазиатских стран как второстепенное направление в дипломатии, расчет на то, что большинство проблем можно уладить на «хозяйственном» уровне, что также вписывается в постсоветский подход к региону.

Россия утратила способность быть медиатором во внутрирегиональных отношениях. В частности, это касается неурегулированности государственных границ. Этот вопрос является одним из ключевых в плане региональной стабильности и касается практически всех государств. Искусственные, создававшиеся на протяжении истории СССР межреспубликанские границы, внезапно оказавшиеся государственными, регенерируют межэтнические конфликты давнего прошлого, в том числе средневекового.

Большая или меньшая напряженность существует по всему периметру Узбекистана. С 2009 г. республика возвела на некоторых участках границы с Киргизией семиметровые бетонные столбы и устроила рвы глубиной до трех метров. Ранее были заминированы участки ее границ с Таджикистаном, Казахстаном, Туркменией, установлены противопехотные мины напротив киргизского Баткена. Узбекистан (разумеется, в неофициальном порядке) имеет претензии к Таджикистану (Худжанд), Туркмении (Ташауз и территории вокруг него), Казахстану (Шимкент). Нерешенность пограничных проблем подогревается внутрирегиональной трансграничной миграцией, обусловленной различием материального положения населения этих республик. В течение некоторого времени Москва пыталась играть роль посредника в пограничных вопросах, однако успеха не добилась, зато лишней раз убедилась, что имеет дело не с бывшими советскими республиками, но с независимыми государствами с собственными национальными интересами и амбициями. Весьма наивно было бы думать, что они «будут пытаться реализовывать свои взаимные территориальные претензии военным путем, прибегая к помощи находящихся под российской эгидой формирований Корпуса сил быстро-

го реагирования» (в составе Организации Договора о коллективной безопасности — ОДКБ)⁵⁷. Как выражается автор этого высказывания украинский ученый Руستم Жангожа, даже в гипотетической интерпретации такое в обозримом историческом будущем невозможно.

Безуспешность российского посредничества отчетливо проявляется на примере водной проблемы, от которой зависит в буквальном смысле слова выживание стран и народов Центральной Азии и которая в будущем только усугубится из-за климатических изменений, в частности, таяния ледников на Памире.

Водно-земельные конфликты имели место еще в советские времена. В 1980-х годах происходили столкновения между таджиками и киргизами в селениях Ворухе-Танги (1982 г.) и Матче-Актахыре (1988 г.), а в 1989—1991 гг.⁵⁸ напряжение еще больше возросло. Водная проблема приобрела такую остроту, что встал вопрос о перераспределении воды в пользу Средней Азии, проектировался переброс воды из Оби на юг. «Проект века» вызвал критику ученых и части русской интеллигенции. Одним из главных противников проекта выступил тогда известный советский писатель Сергей Залыгин. Этот проект, который, по словам выдающегося биолога Николая Реймерса, «противоречил научным законам развития мира», тем не менее получил широкую поддержку в регионе. Реймерс указывал, что в Средней Азии ежегодно теряется 49 кубических километров воды, и попутно отмечал, что повышение количества воды будет способствовать еще большему росту рождаемости, консервации традиционного общества⁵⁹.

Среднеазиатские же сторонники переброса сибирских вод утверждали, что «кампания против переброски части стока сибирских рек опирается на надуманную демагогическую платформу, ничего общего не имеющую с наукой», и ссылались на постановление ЦК КПСС и правительства, в котором отмечалась необходимость «дальнейшего изучения экологических и экономических аспектов перераспределения водных ресурсов». «Мы верим, — писали они, — что канал Обь — Арал станет чудом, которое люди сотворят своими руками»⁶⁰.

---

⁵⁷ *Zhangozha R.* Russia and the Newly Independent States of Central Asia: Relations Transformed // *Russia: The Challenges of Transformation* / Ed. by P. Dutkiewicz. — [S. l.]: New York Univ. Press, 2011. — P. 395.

⁵⁸ *Большаков А.* Внешняя политика Киргизии в контексте изменения конфликтности на постсоветском пространстве // *Политэкс: Полит. экспертиза.* — 2010. — Т. 6. — № 2. — С. 111.

⁵⁹ *Реймерс Н. Ф.* «Проект века» противоречит научным законам развития мира // *Наука и жизнь.* — 1987. — № 12, 1988. — № 8.

⁶⁰ *Атчабаров Б., Шарманов Т.* Вода для региона // *Звезда Востока.* — 1990. — № 4. — С. 117.

Таджикистан и Киргизия в силу географического положения находятся в более благоприятных условиях, поскольку именно на их территории расположены истоки крупнейших в регионе рек — Сырдарья, Вахша, Амударья. В летний период Узбекистан, Туркмения и Казахстан ощущают недостаток воды. В СССР шлюзы зимой закрывались, а энергоресурсы Таджикистан и Киргизия по закольцованной сети получали из Узбекистана и Казахстана.

Взаимоприемлемое решение водной проблемы по-прежнему практически невозможно. Согласно многим оценкам в ближайшие 10–15 лет потребность в воде в регионе вырастет на 40%⁶¹. С середины 1990-х годов размеры орошаемых полей уже возросли на 7%. Водные ресурсы используются крайне неэффективно: 40% подаваемой на поля воды испаряется или уходит при фильтрации. Расход воды на душу населения в Центральной Азии в 10–20 раз выше, чем в развитых странах: на центнер хлопка-сырца в Израиле уходит 1,5 куб. м воды, а в Центральноазиатском регионе — 6–10 куб. м⁶². Решение проблемы нехватки воды лежит в совершенствовании механизмов ее использования, а не на экстенсивном пути расходования большего ее количества. Поэтому нынешние попытки решения водной проблемы ведут в тупик.

Особую остроту приобрел конфликт между Таджикистаном и Узбекистаном в связи со строительством на реке Вахш Рогунской ГЭС, сооружение которой таджикские власти доверили российской компании РУСАЛ, с которой в 2004 г. был подписан соответствующий контракт (подготовка к строительству началась еще в 1976 г.). Таджикская сторона настаивала на постройке плотины высотой 335 м, тогда как РУСАЛ, а также власти Узбекистана считали, что целесообразно ограничить ее 260–280 м. Кроме того, Узбекистан настаивал на бетонной плотине, тогда как таджики полагали сделать ее каменно-набросной. В действительности дело сводилось к тому, что в Ташкенте не без основания полагали, что столь высокая плотина обеспечит Таджикистану абсолютный контроль над водосбросом и поставит Узбекистан в полную водную зависимость от восточного соседа. Характерно, что в этом конфликте Россия даже не пыталась играть роль посредника, изначально заняв проузбекскую позицию. В конце концов в 2007 г. Душанбе вообще аннулировал контракт, а заодно отказался продать РУСАЛУ в обмен на российские инвестиции алюминиевый

---

⁶¹ Чуфрин Г. Россия в Центральной Азии. — Алматы, 2010. — С. 95.

⁶² Рогожина Н. Водные ресурсы в странах Центральной Азии: интересы России // Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе / ИМЭМО РАН. — М., 2008. — С. 111–126.

завод. Проиригнорировав позицию Ташкента, Таджикистан возобновило строительство ГЭС.

Москва отказалась от вмешательства в урегулирование водных проблем, не без основания полагая, что предложить их оптимальное решение она не в состоянии. Показательно, что еще в 1995 г. она не участвовала в состоявшемся в Бишкеке международном семинаре по проблемам водопользования, на котором присутствовали представители Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Туркмении, а также эксперты из США ⁶³.

Правда, в августе 2006 г. на саммите Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в Сочи его участники приняли решение о разработке концепции эффективного использования водно-энергетических ресурсов, была даже сформирована специальная группа ⁶⁴, а в октябре 2007 г. на заседании межгосударственного совета ЕврАзЭС Россия выдвинула инициативу по разработке концепции такого использования водно-энергетических ресурсов. Однако дальше этого дело так и не пошло.

Тем временем помощь и посреднические услуги стали предлагать американцы и европейцы. Так, США до 2008 г. выделили на трансграничные ирригационные проекты 39 млн долл. ⁶⁵ Евросоюз начал «Европейскую водную инициативу», координируемую Италией и Еврокомиссией. ЕС следует учитывать провал предыдущего ирригационного проекта «Mercy Corps» и Швейцарского агентства развития и сотрудничества ⁶⁶. Таджикистану придает уверенности в его противостоянии с Узбекистаном поддержка Евросоюза. В частности, руководитель группы по охране окружающей среды Европарламента Струан Стивенсон, приехавший в Таджикистан в июне 2011 г., подтвердил безопасность проекта, подчеркнув, что он крайне необходим Таджикистану, который «находится в состоянии постоянного энергокризиса». В июне 2011 г., совершая поездку по Европе, Рахмон получил от Евробанка первый кредит и грант в размере 21 млн долл. на развитие энергосектора ⁶⁷.

---

⁶³ *Усубалиев Т. У.* Вода — дороже золота. — Бишкек, 1998. — С. 29.

⁶⁴ *Кирсанов И.* Битва за воду в Центральной Азии // Независимый обозреватель стран Содружества. — 2006. — № 12 (<http://www.fundeh.org/publications/articles/48/>).

⁶⁵ *Файгенбаум Э.* Шанхайская организация сотрудничества и будущее Центральной Азии // Россия в глоб. политике. — 2007. — Ноябрь.—дек. — С. 123.

⁶⁶ Is the EU—Central Asia Strategy running out of steam? — [S. I.], May 2011. — P. 4. — (Policy brief / EUCAM; № 17) (<http://www.eucentralasia.eu>).

⁶⁷ *Панфилова В.* Медведев и Каримов пообщались в блиц-режиме // Независимая газ. — 2011. — 15 июня.

«Самовыдавливание» России из этой острейшей проблемы Центральноазиатского региона продолжается. Пожалуй, самым громким аккордом в этой истории стала внезапная инициатива известного своей внешнеполитической экстравагантностью тогдашнего мэра Москвы Юрия Лужкова, в 2002 г. попытавшегося возродить, казалось, забытый проект поворота в Центральную Азию сибирских рек и даже опубликовавшего по этому поводу книгу «Вода и мир»⁶⁸. Идея Лужкова была поддержана Нурсултаном Назарбаевым, который в 2006 г. в Астане заговорил о необходимости вновь к ней вернуться. А в 2008 г. в Узбекистане состоялась презентация проекта судоходного канала Обь — Сырдарья — Амударья — Каспийское море. Однако стоимость подобных проектов теперь значительно возросла — «поворот рек» обойдется по предварительным оценкам в 40 млрд долл., а суперканал — в 100–150 млрд⁶⁹. Приблизительные оценки «проектов века» указывают на невозможность их претворения в жизнь в обозримом будущем. Наконец, даже если представить, что средства найдутся, то поворот рек, строительство трансрегионального канала сделают страны региона полностью зависимыми от России, в чем не заинтересованы ни они сами, ни внешние игроки. Таким образом, как и прежде, этот проект остается утопией.

Влияние России на страны Центральной Азии продолжает снижаться. Москва более не располагает возможностями всякий раз продавливать нужные ей решения, не влияет на расстановку местных политических сил. Преодолев исторические реминисценции, избавляясь от груза советского наследия, центральноазиатские элиты чувствуют себя достаточно самостоятельными, чтобы руководствоваться своими интересами, не боясь, что это не понравится Москве.

Россия более *не присутствует* в регионе, являясь пусть и специфическим, но тем не менее внешним субъектом в его политике. Она не выбирает местные режимы, но все чаще вынуждена подстраиваться к ним. Москва не играет принципиально важной для нее роли посредника. Она может быть важным союзником, партнером, сотрудничество с которым определяется национальными интересами каждого конкретного государства. Россия не может толком защитить права русского населения, что является показателем ограниченности ее возможностей.

---

⁶⁸ Лужков Ю. Вода и мир. — М.: Моск. учебники и картолитография, 2008.

⁶⁹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/247520>.

ГЛАВА ВТОРАЯ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ВЛИЯНИЯ

Приоритетность двусторонних отношений России с государствами Центральной Азии не отменяет ее настойчивых попыток развивать региональные отношения, создавать и использовать во имя укрепления своего влияния и авторитета международные организации. Важность «задействования возможностей» СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности, ЕврАзЭС, а также Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) систематически отмечается в официальных российских документах¹. ШОС из этой парадигмы, однако, логично исключить, поскольку инициатива ее создания исходит не от России, а от Китая, хотя заявленные ее участниками стратегические цели тождественны тем, что декларированы пророссийскими структурами.

Активность этих рыхлых и малоэффективных организаций снизилась до критического минимума на Украине, в Молдавии, на Южном Кавказе. Белоруссия длительное время выстраивала отношения с Россией по особым лекалам, спекулируя на возможности создания единого российско-белорусского государства. Таким образом, деятельность СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, поддержание их существования зависело от степени «задействования» в них государств Центральной Азии. Именно здесь прежде всего были сосредоточены усилия России по интеграции под ее эгидой на постсоветском пространстве. Использовать эти институты для укрепления российско-украинских, российско-азербайджанских отношений было неперспективно, да попросту невозможно.

Специалист по Центральной Азии Рой Аллисон пишет, что Россия пытается выступать с позиций «охранительной интеграции»², полагая, что она предлагает услуги по интеграции, гарантирует ее выгоду и свое покровительство, но все это при условии сохранения ее роли

---

¹ Обзор внешней политики Российской Федерации / МИД России // http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD.

² Allison R. Virtual regionalism, regional structures and regime security in Central Asia // Central Asian Survey. — 2008. — Vol. 27. — № 2. — June. — P. 190.

интеграционного центра. Из Москвы такой подход выглядит совершенно естественным уже хотя бы потому, что любая организация на постсоветском пространстве без ее участия вообще неработоспособна. Единственная попытка выстроить влиятельную международную структуру помимо России — ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия), которая после подключения к ней Узбекистана изменила название на ГУУАМ, закончилась неудачей.

Само по себе главенство или попытка главенства России в той или иной организации отнюдь не устраняет противоречий между ее участниками. России непрестанно приходится заботиться о консенсусе между членами, что не всегда удается. В то же время она (во всяком случае, при нынешнем руководстве) продолжает поддерживать уже существующие структуры и пытается создавать новые.

Такой новой организацией призван стать Евразийский союз, к формированию которого Россия практически приступила в 2011 г. Далекой предтечей ЕАС можно считать ЕврАзЭС, в рамках которого зародилась идея его образования, а в 2007 г. было принято решение о создании Таможенного союза (ТС) в составе Белоруссии, Казахстана и России. Заработал первый на постсоветском пространстве наднациональный орган — Комиссия Таможенного союза. Плюсы и минусы ТС оцениваются по-разному. С одной стороны, по словам заместителя премьер-министра Казахстана Умирзака Шукеева, объем взаимной торговли между членами Таможенного союза только в его стране вырос на 57%³. С другой стороны, существует мнение, что в рамках ТС Россия теряет до 1 млрд долл. ежегодно. Известно также, что в ТС на Россию приходится 87,97% всех пошлин⁴. Многие касающиеся деятельности Таможенного союза решения принимались в острой, по выражению Шукеева, «непротокольной» дискуссии⁵. Оценки Таможенного союза внешними независимыми наблюдателями весьма противоречивы. Он рассматривается и как шаг вперед на пути интеграции, и как «своего рода забор, который мы возвели, окружив экономики трех стран»⁶.

С января 2010 г. в рамках ТС был введен единый таможенный тариф, с 1 июля 2011 г. был снят таможенный контроль на границах

---

³ Попытка доминирования остановит интеграцию: Первый вице-премьер Казахстана о Евразийском союзе // Коммерсантъ. — 2011. — 23 нояб. (<http://kommersant.ru/doc/1822396>).

⁴ Сапожков О. Комиссары Евразии // Коммерсантъ. — 2011. — 31 окт. (<http://kommersant.ru/doc/1807225>).

⁵ Попытка доминирования остановит интеграцию...

⁶ Эксперт: Таможенный союз — это вызов на выживание // <http://www.regnum.ru/news/1479510.html>.

между Россией, Казахстаном и Белоруссией⁷. 1 января 2012 г. ТС заработал в полную силу, однако размеры взаимных выгод от его существования станут ясны только спустя некоторое и, видимо, значительное время. Имеется, например, такой непростой вопрос, как миграция. С 2012 г. в рамках ТС введено свободное движение рабочей силы. Для России и Казахстана это не имеет большого значения. Зато в Белоруссии заметно вырастет количество выезжающих на заработки. Разрешение на свободное движение рабочей силы скажется на миграционном потоке из Киргизии и Таджикистана, если эти страны присоединятся к ТС.

ТС еще не заработал, когда Россия и Казахстан при участии Белоруссии заговорили о создании Единого экономического пространства (ЕЭП). В конце 2009 г. в Алматы президенты трех стран приняли план по созданию ЕЭП. В течение года была разработана правовая база, подписано 17 базовых соглашений. Тогда же было отмечено, что для начала полноценного взаимодействия участникам ЕЭП потребуется четыре года, в течение которых необходимо подписать свыше полусотни соглашений и провести более 70 мероприятий, обеспечивающих последующее функционирование этой структуры. Сюда входят оптимизация и согласование работы экономик стран ЕЭП, создание общего финансового рынка с проведением согласованной валютной политики, энергетического рынка, рынка труда, согласование национальных законодательств и многое другое. Предполагалось также, что участники ЕЭП будут предоставлять друг другу на взаимной основе доступ на свой (национальный) рынок, подпишут соглашение о взаимном признании лицензий. Наконец, эффективность ЕЭП напрямую зависит от принятия его участниками общей торговой политики в отношении третьих стран.

Дальнейшие планы по развитию ЕЭП включают единый режим в области государственных закупок, недискриминационный режим допуска его членов на рынок банковских и страховых услуг, создание равных условий для инвестиционной деятельности. Более того, к 2015 г. планируется выработка общих рыночных (или, иначе выражаясь, равнодоходных) цен на газ. Последнее представляется крайне сложным, поскольку вопрос о ценах на энергоносители является одним из ключевых и наиболее болезненных в отношениях России с ее партнерами.

---

⁷ Надо сказать, что снятие таможенного контроля на внутренних границах привело к немалым затруднениям для пассажиров. В аэропортах для уезжающих в страны ТС были выделены отдельные «накопители», где собирались толпы раздраженных людей. Не было буфетов и ресторанов. Кроме того, пассажиры не могли пользоваться магазинами беспошлинной торговли.

О возможности подключения к ЕЭП размышляют в Киргизии. В Таджикистане же пока намекают на вероятность его подключения только к ТС. Однако до них это могут сделать Армения и Абхазия. Включение в эти организации Абхазии, независимость которой не признана мировым сообществом, неизбежно вызовет немалые трудности, поскольку все страны на постсоветском пространстве строго придерживаются принципа территориальной целостности.

Реальность создания ЕЭП всегда была напрямую связана с участием Украины, без которой оно обесценивается, теряет привлекательность в глазах реальных и потенциальных участников. Кроме того, присутствие в ЕЭП Украины стало бы подтверждением способности Кремля оказывать воздействие на второе по значимости постсоветское государство. Попытки привлечь Украину к участию в ЕЭП и ТС не принесли желаемых результатов. По целому ряду причин, в том числе из-за противоречий в сфере энергетики, Москва не сумела добиться согласия Киева и вряд ли может рассчитывать на него в будущем. Украина неоднократно намекала на возможность участия в проектах, подчеркивала важность интеграции, но на поверку все это оказывалось не более чем дипломатическими приемами. «Вхождение Украины, — по мнению советника президента Казахстана Ермухамета Ертысбаева, — придало бы просто невероятный мощный вес (ЕАС. — *А. М.*), и появление такого сильного экономического пространства позволило бы нашим странам быть конкурентоспособными на мировых рынках». В противном случае «вся граница (с третьими странами. — *А. М.*), мы требуем этого от России, должна быть очень жестко закрыта в плане таможенных пунктов для того, чтобы экономический союз эффективно функционировал»⁸.

Поведение Украины в известной степени можно сравнить с позицией Узбекистана, который также не раз заявлял о приверженности интеграции, но всегда избегал принимать окончательное решение. Отсюда вывод, что если Ташкент в конце концов проигнорирует ЕАС, то и его границы с Казахстаном также могут оказаться закрытыми «в плане таможенных пунктов».

В целом формирование ЕЭП происходило ни шатко ни валко, и казалось, что оно обречено остаться идеологемой, даже мифологемой — изящным намеком на интеграционный процесс. Полноценное функционирование ЕЭП, причем совершенно непонятно, в каком составе, может начаться лишь в 2016 г.

---

⁸ Только интеграция может спасти постсоветские республики — советник Назарбаева // <http://www.islamsng.com/kaz/news/3546>.

Еще одним, пусть не очень весомым, зато конкретным шагом на пути интеграции и формирования ЕАС стало подписание в октябре 2011 г. на саммите глав правительств СНГ договора о Зоне свободной торговли (ЗСТ). Договор подписали Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан и Украина. Азербайджан, Туркмения и Узбекистан окончательное решение о присоединении к этому договору отложили. ЗСТ по значимости уступает ТС. Директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития Евгений Винокуров считает, что с созданием ЗСТ в отношении ее членов с Россией ничего не меняется. Например, потоки из Киргизии останутся пока без изменений⁹. Однако и ЗСТ является подвижкой в интеграционном направлении.

В целом вплоть до 2011 г. механизмы интеграции работали скорее формально, отдача от них была невелика. Деятельность ЕврАзЭС, ТС и прочих институтов отягощалась сложностями двусторонних отношений России с ее партнерами, в частности, в энергетической и прочих областях, а сама интеграция носила половинчатый и «необязательный» характер. Несмотря на принятие множества документов, построение нерушимой «интеграционной вертикали» откладывалось на неопределенное время. Порой возникало ощущение, что и для России преобразование старых малоэффективных структур во что-то качественно иное становится неосуществимой мечтой, и она готова смириться со сложившейся ситуацией. Издержкой или тактической ошибкой Москвы можно считать то, что в Кремле не оставляют надежд на вовлечение в интеграционный процесс как можно большего числа государств. Однако в 2000-х годах отчуждение от России преваляло над сближением. Свидетельством тому стало и охлаждение ее отношений с Туркменией, Узбекистаном и Таджикистаном.

Постепенно в Москве стали приходиться к заключению, что необходимо торопиться, делая упор на скорость интеграции, а не на максимально большое количество ее участников, ибо промедление неизбежно ведет к ослаблению позиций России. Кремль решил, что настала пора решительных действий.

Мне доводилось слышать мнение, что всплеск российской активности на постсоветском пространстве можно объяснить предвыборной ситуацией в самой России, расчетом правящего класса на то, что это добавит правящей партии «Единая Россия» голосов на выборах в 2011 г., а затем и Владимиру Путину в 2012-м.

Такое мнение спорно, поскольку их успех или неуспех на выборах определялся сугубо внутренними факторами. Более того, наоборот,

---

⁹ Бизнес & власть [Алматы]. — 2011. — 21 окт.

идея тесного сотрудничества с центральноазиатскими государствами вряд ли вызывает особый восторг в российском обществе, где нарастают националистические тенденции, антимиграционные настроения и очень популярен лозунг «Россия для русских».

Например, в 2005 г. лишь 12% жителей России хотели бы видеть Казахстан в качестве союзника (в Белоруссии — 25%)¹⁰. Желание иметь союзнические отношения с остальными странами Центральной Азии наверняка еще меньше, чему в огромной степени способствует масштабная миграция из региона. Восприятие Центральной Азии напоминает начало 1990-х годов, когда в России существовала устойчивая иллюзия, что избавление от мусульманских окраин принесет ей только пользу.

Главной, непосредственной ступенью к ЕАС стал предложенный в 2011 г. Владимиром Путиным Евразийский интеграционный проект (ЕИП), призванный максимально сблизить более других готовые к интеграции бывшие советские республики под крышей России. В ноябре 2011-го президенты Александр Лукашенко, Дмитрий Медведев и Нурсултан Назарбаев подписали Декларацию о Евразийской экономической интеграции, которая в 2015 г. должна увенчаться созданием Евразийского союза, а также Договор о Евразийской экономической комиссии. С 1 января 2012 г. эта комиссия стала единым наднациональным постоянно действующим органом, регламентирующим отношения внутри Таможенного союза и ЕЭП. С этого же дня вступили в силу 12 соглашений о ЕЭП и множество других регулирующих его документов. Регулировать создаваемый общий рынок будут также наднациональные организации. Занимавший в то время пост премьера Путин был уверен, что это «самый прямой путь к формированию Евразийского экономического пространства» и «снятие торговых барьеров позволит создать континентальный рынок емкостью в триллионы долларов, это выгодно не только российскому, но и европейскому бизнесу». Но, по мнению экспертов, когда это произойдет, сказать пока затруднительно¹¹.

По словам Путина, цель состоит в «превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей и любой иной конъюнктуры». При этом он сделал оговорку, что «речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР»¹².

---

¹⁰ Интеграция в Евразии: социологическое измерение. — М., 2008. — С. 74.

¹¹ *Ольшевский А.* 500 дней после Союза // Независимая газ. — 2011. — 30 сент.

¹² *Путин В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 4 окт.

По замечанию аналитика Сергея Шиптенко, «Евразийский союз не ставит крест на предыдущих стадиях постсоветской евразийской интеграции»¹³. Интересно, что Шиптенко отождествляет постсоветскую интеграцию с евразийской, тогда как в этих дефинициях обязательно должны присутствовать различия, поскольку Евразия как геополитическое понятие не тождественна СССР.

Собственно, ЕАС, как он предварительно выглядит, есть по сути объединение России и Казахстана, к которому прилеплена слабая, экономически беспомощная Белоруссия, вхождение которой обусловлено стремлением ее руководства выстроить через новую организацию выгодные для себя отношения с Россией. «Александр Лукашенко всеми силами старается выторговать своей стране наиболее комфортные условия нахождения в экономическом объединении, стараясь компенсировать недостаток ресурсов и нехватку либерализма в экономике методами политического торга»¹⁴.

Некоторые приближенные к российской власти эксперты высказывают мнение о возможном расширении пока еще не созданного ЕАС за счет «внешних» стран, например, Монголии и даже Вьетнама и Кубы¹⁵. Это выглядит совсем маловероятно и даже комично. Так что, несмотря на заявленную Путиным и его коллегами открытость ЕАС, он вряд ли станет привлекательным, и масштаб его останется ограниченным.

Я здесь веду речь не о постсоветском пространстве вообще, а о конкретном его сегменте — Центральной Азии. Роль ЕАС в масштабах региона не столь уж внушительна. Его создание никак не скажется на Узбекистане и Туркмении и скорее всего не повлияет на положение в Таджикистане.

Общая предложенная Москвой схема проста: от Таможенного союза (Россия, Казахстан, Белоруссия) к Единому экономическому пространству, а от него уже собственно к Евразийскому союзу. Внешне она выглядит убедительно, однако «логика и принципы... интеграционного проекта прописаны довольно поверхностно»¹⁶. Во-первых, реальным содержанием обладают лишь структуры, формируемые в рамках ТС и ЕЭП, во-вторых, совершенно не очевидны условия, на которых к ТС будут присоединяться другие страны (о ЕЭП говорить

---

¹³ Шиптенко С. Евразийский союз: возрождение на геополитическом пепелище // <http://pegnum.pf/news/1474084.html>.

¹⁴ <http://www.kursiv.kz/print:page,1,1195216394-ne-rubl-edijnij.html>.

¹⁵ См., например, интервью Игоря Панарина: <http://www.youtube.com/watch?v=XveMNQnGuWa>.

¹⁶ Тостов С. Перспективы Евразийского интеграционного проекта // Независимая газ. — 2011. — 31 окт.

вообще рано). В-третьих, далеко не всегда очевидны выгоды от всего этого для отдельных стран.

Безусловно, все страны заинтересованы в расширении рынка. Однако уже при подписании документов о начале формирования ЕАС политики и экономисты в Казахстане и России поставили огромное количество вопросов о его целесообразности вообще. Например, директор Центральноазиатского института свободного рынка Мисулжан Намазалиев считает, что ТС выгоден именно России. «Объединяться в такой союз таким небольшим странам, как Киргизия и Таджикистан, и даже Украине — необязательно. Да и Казахстан проигрывает, войдя в состав Таможенного союза»¹⁷. Директор алмагитинского Центра актуальных исследований «Альтернатива» Андрей Чеботарев считает, что «Евразийский союз наиболее выгоден России», так как он «позволит ей вернуть влияние в Центральноазиатском регионе», поскольку «СНГ уже давно утратило свои интеграционные потенциалы»¹⁸.

Бывший советник президента Узбекистана Рафик Сайфулин подчеркивает, что в сложившейся ситуации у Узбекистана есть выбор: развивать многовекторность внешней политики, которая может быть подкреплена инвестициями США, но осложнена действиями России, либо сосредоточиться на тесных стратегических отношениях с Москвой. Упомянутые российские действия — это, по его мнению, те рычаги воздействия, которые Россия уже использовала в отношении некоторых постсоветских стран, игнорирующих ее национальные интересы. Он полагает, что Россия даже может перекрыть узбекский транзит поставок в Афганистан.

В декабре 2011 г. Ислам Каримов фактически отверг идею вступления Узбекистана в ЕАС, более того, он открыто заподозрил Кремль в том, то главная цель ЕАС лежит в сфере политики. Выступая в Карши, он сказал: «К сожалению, кое-где на пространстве бывшего Союза есть определенные силы, которые вынашивают мысли о возрождении в новой форме империи, носившей название СССР»¹⁹. Здесь усматривается прямой намек на Путина, говорившего, что распад СССР был «крупнейшей геополитической катастрофой века»²⁰.

В общем, при наиболее благополучном для ЕАС развитии событий он окажется объединением четырех стран, две из которых (Белорус-

---

¹⁷ Абишев Г., Сатпаев Х. Кыргызстан взяли в ТС // Курсив [Алматы]. — 2011. — 20 окт.

¹⁸ Бизнес & власть. — Алматы. — 2011. — 21 окт.

¹⁹ Панфилова В. Отложенная партия Ислама Каримова // Независимая газ. — 2011. — 7 дек.

²⁰ <http://www.rg.ru/2005/04/25/poslanie-text.html>.

сия, а в будущем Киргизия) будут играть прикладную роль. В результате он останется главным образом формой продолжения двусторонних российско-казахстанских отношений, притом что экономически Казахстан все больше ориентируется на Китай, являющийся его основным торговым партнером (20% экспорта и почти 30% импорта²¹). Главным же зарубежным инвестором в Казахстане являются США — американские компании дают до 30% прямых иностранных инвестиций.

ЕАС — проект крайне асимметричный, в его рамках соблюдать паритетность очень непросто: казахстанский ВВП меньше российского в 11 раз. Неравенство проявилось уже в ходе создания Евразийской экономической комиссии, где при так называемом взвешенном голосовании Россия имеет 57% голосов, против чего возражали остальные ее члены²². В принципе в таком раскладе нет ничего необычного, подобные ситуации хорошо известны из мирового опыта. Однако асимметричность ЕАС усиливает понятный страх партнеров Москвы перед российским «политическим гегемонизмом», который витает в сознании центральноазиатских элит и лишний раз был подогрет путинским замечанием, что интеграция должна осуществляться «на ценностной, *политической* (курсив мой. — А. М.), экономической основе»²³.

В самом деле, рассуждения об экономическом значении ЕАС не могут закамуфлировать его политический подтекст, о котором в Москве предпочитают умалчивать. Экономическое взаимодействие невозможно без политического, которое в условиях экономического преобладания России ставит вопрос о ее политической гегемонии. Как к этому относятся в Узбекистане, отмечено выше. Очевидно, что возвращения под главенство Москвы не хотят и в Казахстане, да и вообще где бы то ни было. В апреле 2012 г. в интервью телеканалу «Вести-24» Назарбаев вновь подчеркнул, что речь идет о создании к 2015 г. *экономического* союза²⁴. Приведу осторожное и двусмысленное мнение руководителя Информационно-аналитического центра изучения процессов на постсоветском пространстве Алексея Власова, который полагает, что «постсоветское пространство должно кон-

---

²¹ Никитин А. Сколько придется заплатить России за восстановление СССР // Итоги. — 2011. — 24 окт. — С. 29.

²² Сапожков О. Комиссары Евразии // Коммерсантъ. — 2011. — 31 окт.

²³ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии...

²⁴ Ходасевич А. Бонус для Лукашенко // Независимая газ. — 2012. — 17 апр.

солидироваться прежде всего экономически, а политически уж как получится»²⁵.

Восприятие ЕАС в США и вообще на Западе неоднозначно. С одной стороны, к новому проекту отношение весьма спокойное, поскольку у России не хватит сил для создания межгосударственной организации, способной изменить обстановку в Центральной Азии, кардинально усилив позиции Москвы. Да и экономический потенциал России не настолько высок, чтобы сделать ее безальтернативным партнером для Казахстана и других потенциальных членов ЕАС. С другой стороны, ЕАС воспринимается как очередная, возможно, последняя попытка России создать подконтрольную ей структуру, повысить свой геополитический рейтинг, еще раз попробовать материализовать уходящую в небытие тоску по прошлому. Весьма обидно для Кремля высказался в этой связи Збигнев Бжезинский, заметивший, что концепция евразийской России и Евразийского союза «абсурдна», и это «действительно заставляет задуматься о том, насколько реалистичны взгляды Путина»²⁶.

ЕАС предполагает вечность ныне существующих авторитарных режимов включая и российский. Однако поведение авторитарных режимов в Центральной Азии свидетельствует не столько об их искренней заинтересованности в сотрудничестве с Москвой, сколько о систематическом поиске иных, более выгодных партнеров. Судя по устойчивому охлаждению к России Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, интерес к ЕАС будет угасать, тем более что, по признанию самих участников проекта, требуется время, чтобы подтвердить его эффективность. Например, известно, с какой решительностью Нурсултан Назарбаев фактически отверг идею наделения (пусть и в отдаленном будущем) рубля статусом общей валюты для ЕАС, призвав «не торопиться с этим вопросом» и назвав введение единой валюты «делом будущего»²⁷. Он особо подчеркнул, что «сначала нам надо доказать для себя выгодность и равноправность нашего экономического пространства»²⁸.

Также нельзя полностью игнорировать возможность политических перемен в регионе. Каково будет отношение новых правителей,

---

²⁵ Канафина Ж. Нерушимые наши союзы // Караван [Алматы]. — 2011. — 25 нояб.

²⁶ <http://www.newsland.ru/news/detail/id/807276>.

²⁷ Не рубль единый // <http://www.kursiv.kz/print:page,1,1195216394-ne-rubl-edijnij.html>.

²⁸ <http://ibra.com.ua/valyuta/34073-nazarbaev-the-rubl-is-not-ready-to-become-the-co>.

чей приход в Казахстане и Узбекистане ожидается, к российскому проекту, уверенно предсказать невозможно.

Вопросы возникают и относительно самой России, где в 2011–2012 гг. обозначились контуры перемен. События 2011–2012 гг. — парламентские и президентские выборы, массовые протестные выступления, которыми они сопровождались, — ставят вопрос о политическом будущем России, в частности, насколько велик шанс сохранения в мышлении ее элиты приверженности евразийско-постсоветскому направлению, не изменятся ли ее внешние приоритеты (например, насколько сохранится желание поддерживать Александра Лукашенко). Да и вообще, будет ли Россия готова — при любом правительстве — и дальше платить за свое политическое влияние в Центральной Азии.

Вряд ли старт нового интеграционного проекта окажет переломное влияние на экономическую ситуацию. Очевидно, что он никак не скажется на политической обстановке в странах региона. При всей активности России на этом направлении «новый интеграционный проект для Евразии» имеет все шансы остаться таким же фантомом, как и его предыдущая версия — ЕврАзЭС. Евразийский союз может оказаться лебединой песней интеграционной стратегии не только путинского режима, но и, возможно, всей российской политики на южном и в целом на постсоветском направлении.

Борьба за его создание окончательно девальвирует остальные про-российские организации на территории Центральной Азии, в первую очередь ЕврАзЭС. Директор казахстанского Центра макроэкономических исследований Олжас Худайбергенов считает, что «по мере вовлечения в ЕАС всех стран — участниц ЕврАзЭС последнее прекратит свое существование»²⁹.

Активность ЕврАзЭС всегда была ограниченной, а его перспективы выглядели неотчетливо. ЕврАзЭС образовали в 2000 г. Россия, Белоруссия, Таджикистан, Казахстан и Киргизия. Изначально при голосовании о принятии решений в ЕврАзЭС Россия получила 40% голосов, Белоруссия, Казахстан и Узбекистан — по 15%, Киргизия — 7,5%, что давало «центральноазиатским лидерам от такой “покровительственной интеграции” политические выгоды»³⁰. В качестве наблюдателей с ним сотрудничали Армения, Украина, Молдавия. Узбекистан со свойственной ему непоследовательностью то вступал в ЕврАзЭС, то выходил из него. Общий абрис ЕврАзЭС производит внушительное впечатление: оно охватывает 15% обитаемой суши, его

---

²⁹ Канафина Ж. Нерушимые наши союзы....

³⁰ Allison R. Op. cit. — P. 192.

доля в мировом ВВП составляла в 2010 г. 4,4%, в его границах сосредоточено 25% мировых запасов природного газа и 8,5% нефти, а также свыше 20% мировых запасов пресной воды и лесного покрова³¹. Рынок ЕврАзЭС составляет примерно 181 млн потребителей.

Перед сообществом было поставлено множество задач — от «формирования общих финансового и энергетического рынков» и «согласования принципов и условий перехода на единую валюту» до «сближения и гармонизации национальных законодательств». Практическая активность рамках ЕврАзЭС была невелика и зачастую сводилась к оказанию Россией помощи его членам. В 2011 г. в момент паралича белорусской экономики Москва передала через ЕврАзЭС Минску 3 млрд долл., что формально было представлено как сотрудничество в рамках сообщества. В 2011 г. кредит в 106 млн долл. был обещан Москвой (также через ЕврАзЭС) оказавшейся в тяжелом экономическом положении Киргизии³².

Главная цель ЕврАзЭС заключалась в том, чтобы «решительно идти по пути взаимного сотрудничества с перспективой выхода на реальную интеграцию», о чем и было заявлено в 2000 г. при его создании³³. В рамках сообщества создавался единый таможенный союз, предпринимались попытки формирования ЕЭП. Таким образом, ЕврАзЭС можно рассматривать как своего рода «кокон» для последних интеграционных процессов, а о его результативности можно судить по тому, насколько успешны эти проекты, точнее, главный проект — создание ЕАС. В общем, в отличие от громоздкого, обращенного в прошлое СНГ ЕврАзЭС при всех его издержках было все же в большей степени обращено в будущее.

Создавая ЕврАзЭС, Россия преследовала прежде всего экономические цели. Другое сформированное ею объединение — Организация Договора о коллективной безопасности — было ориентировано на политическое и военно-политическое сотрудничество, призванное компенсировать снижение экономического и финансового влияния России. 15 мая 1992 г. Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан подписали Договор о коллективной безопасности. В 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия. Договор выглядел как слабая имитация исчезнувшего Варшавского договора, который обеспечивал полное подчинение

---

³¹ Данные Статистического комитета СНГ. См.: Мансуров Т. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь // Казахстан. правда. — 2011. — 6 дек.

³² Панфилова В. Москва дает Бишкеку шанс // Независимая газ. — 2012. — 20 февр.

³³ Евразийское экономическое сообщество: Сборник базовых документов. — М., 2008. — С. 23.

подписавших его Советскому Союзу. Психологически в новом договоре можно было усмотреть надежды Москвы на восстановление СССР. Возможно, изначально так и было. Вероятно, в первой половине 1990-х годов в политических элитах постсоветских стран на самом деле сохранялось чувство, что участие в этом пророссийском блоке способствует поддержанию внутренней и внешней безопасности, устойчивости. На фоне аморфного СНГ Договор выглядел конкретнее, материальнее, создавая иллюзию, что Москва готова гарантировать безопасность бывшим советским республикам при условии их лояльности.

Правда, сомнения в гарантиях региональной безопасности имели место. Сохранялся неурегулированный конфликт вокруг Нагорного Карабаха, развивались сепаратистские движения в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, которые Россия не только не пыталась предотвратить, но фактически поощряла, росла напряженность в Таджикистане.

Постепенно скепсис относительно эффективности Договора о коллективной безопасности нарастал, а сама ОДКБ слишком откровенно выглядела политическим инструментом России. Как следствие этого в 1999 г. только Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали протокол о продлении срока своего пребывания в нем на следующий пятилетний период. Азербайджан, Грузия и Узбекистан подписывать его отказались: Азербайджан из-за нерешенного конфликта вокруг Нагорного Карабаха, Грузия ввиду поддержки Россией абхазского и южноосетинского сепаратизма. Узбекистан, претендуя на роль регионального лидера, опасался, что участие в Договоре сделает его зависимым от России и одновременно ограничит возможности выстраивать отношения с США и Китаем. И если Пекин относился к Договору по-китайски мудро — достаточно индифферентно, понимая, что он не может быть угрозой его влиянию, то Соединенные Штаты воспринимали его как помеху своему проникновению в регион.

В 2002 г. по инициативе России было решено преобразовать Договор в Организацию Договора о коллективной безопасности, что добавляло этому союзу солидности, а также давало возможность быть сопоставимым с другими влиятельными международными организациями. Образование ОДКБ закрепляло особый статус России на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии. К тому же членство в ОДКБ становилось для государств региона своего рода козырем в общении с внешними игроками, прежде всего с США. Например, когда президент Узбекистана Каримов подвергся серьезнейшей критике за подавление волнений в Андижане в 2005 г., он, «оби-

девшись» на Вашингтон, понизил уровень отношений с Америкой и демонстративно присоединился к ОДКБ.

Главными целями ОДКБ согласно ее уставу является «укрепление мира и региональной безопасности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности государств-членов». Среди основных направлений — «борьба с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, с организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами»³⁴. В какой степени реально выполнение этих задач, говорить не приходится, поскольку в военных конфликтах ОДКБ не разу не участвовала, наркотрафик растет, а проблемы нелегальной миграции только усугубляются. При этом наркотиками и мигрантами помимо ОДКБ в основном занимаются другие, более функционально приспособленные для этого структуры.

Сотрудничество осуществляется в военной сфере и выражается в создании особого воинского контингента ОДКБ, в сохранении на территории стран-участниц российских военных баз, в проведении совместных маневров, а также в поставках российского оружия.

В 2001 г. была достигнута договоренность о создании Коллективных сил быстрого реагирования (КСБР), состоявших первоначально из 4 батальонов — по одному от России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана. К 2008 г. в составе КСБР было уже 10 батальонов — 5 от России, по 2 от Таджикистана и Казахстана, один от Киргизии. На вооружении у КСБР находится 300 танков и БМП, они получили возможность использовать базу российских Военно-воздушных сил в киргизском Канте.

В 2009 г. члены ОДКБ приняли решение о создании Коллективных сил оперативного развертывания (КСОР), задачи которых практически тождественны задачам ОДКБ и заключаются в отражении внешней агрессии, борьбе с терроризмом и экстремизмом, наркотрафиком, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Общая численность контингента КСОР составила около 4 тыс. человек. В состав КСОР включены высококомобильные воинские подразделения, оснащенные тяжелой боевой техникой. Авиационное прикрытие осуществляется 10 самолетами и 14 вертолетами, базирующимися в Канте.

Белоруссия, у которой в то время были трения с Москвой, поначалу подписывать документы о КСОР не хотела и сделала это позже.

---

³⁴ Устав Организации Договора о коллективной безопасности // <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm>.

Узбекистан, чьи отношения с Западом стали улучшаться, их вообще не подписал. Ташкент также выступил против предложения Казахстана подключить к КСОР национальные министерства по чрезвычайным ситуациям, министерства внутренних дел и спецслужбы, а заодно заявил, что узбекские военные будут делегироваться в КСОР лишь для проведения отдельных операций.

После преобразования КСБР в КСОР ОДКБ превратилась в организационно полноценный военно-политический союз. За время существования ОДКБ подразделениями стран-участниц было проведено восемь совместных комплексных учений — «Взаимодействие-2010», «Учения РУБЕЖ», «Кобальт-2010» и др. В 2009 г. во время учений «Союз-2009—Казахстан» в них впервые приняли участие КСОР.

Одной из привлекательных с точки зрения Москвы сторон ОДКБ является то, что ее члены закупают российское вооружение и специальную технику по внутренним российским ценам. Действительно, получать дешевое вооружение для центральноазиатских стран весьма выгодно. К тому же оно просто в обращении, да и переучиваться не надо, ибо это оружие центральноазиатским офицерам хорошо знакомо со времен СССР. Проблема в том, что «советско-российское» оружие быстро устаревает. Руководитель Центра военного прогнозирования, доцент МГУ, полковник Анатолий Цыганок в любопытнейшей книге «Россия на Южном Кавказе», посвященной грузино-российской войне 2008 г., критически оценивая качество российского вооружения и сравнивая его с полученной Грузией американской техникой, пишет: «Не дай бог снова вступить в боевые действия с тем, что имеем»³⁵. В самом деле, за последние годы у России возникло немало проблем с реализацией ее устаревающего оружия. Ему на смену приходит более качественное, изготавливаемое в других странах. Кстати, Россия сама все чаще стремится закупать вооружение у иностранных производителей.

Если предположить, что центральноазиатские государства оснащают свои армии, исходя из возможности масштабных военных действий, то в конечном счете они обратятся к тем, кто может предоставить более эффективное оружие. Полностью исключить военные конфликты между странами СНГ нельзя. Сегодня противостоящие друг другу Армения и Азербайджан в основном оснащены оружием российского производства. Но в Баку уже стремятся разнообразить его иным, более совершенным. Новым оружием оснащает свою армию Грузия. Вряд ли и в Узбекистане будет вечно довольствоваться

---

³⁵ Цыганок А. Россия на Южном Кавказе. — М., 2010. — С. 217.

российскими пушками и танками. В плане военно-технической помощи Россия со временем может лишиться монополии, что отнюдь не способствует притягательности ОДКБ. Падению интереса к российскому оружию способствует и информация о том, что США после вывода войск из Афганистана якобы готовы передать центральноазиатским странам некоторое количество оставляемой ими там боевой техники.

ОДКБ можно считать гарантией сохранения на постсоветском пространстве российских военных объектов. В Армении это Гюмри, где стоят зенитно-ракетные комплексы С-300 и истребители МиГ-29, в Казахстане — действующий космодром Байконур, а также испытательный полигон противоракетных систем в Сары-Шагане, в Киргизии — база ВВС в Канте и испытательная база торпедного оружия в Караколе на озере Иссык-Куль, в Таджикистане — 4-я военная база и оптико-волоконный комплекс «Окно», в Белоруссии — радиолокационная станция. Конечно, ряд военных баз России остается и за пределами ОДКБ: в азербайджанской Габале действует радиолокационная станция «Дарьял», а в Севастополе находится база Черноморского флота.

Каким внешним угрозам противостоит ОДКБ? Согласно высказанному в 2006 г. ее генеральным секретарем Николаем Бордюжей мнению «государства ОДКБ могут в любой момент оказаться один на один с талибами»³⁶. В феврале 2009 г. на саммите в Москве было принято решение, что КСОР будут реагировать на внешние угрозы, в том числе исходящие от Афганистана и Пакистана. Не исключая полностью такого поворота событий, нельзя не признать, что он маловероятен. Из всех членов ОДКБ Афганистан имеет непосредственную границу только с Таджикистаном. Следовательно, в случае гипотетического вторжения в Узбекистан и, что совсем уж невероятно, в Туркмению этим странам придется отражать его собственными силами.

К тому же «неготовность членов Договора к принятию эффективных коллективных мер по обеспечению региональной безопасности выявилась в начале текущего десятилетия в условиях активизации действий международного терроризма»³⁷. Структуры и комитеты организации, как считают независимые эксперты, остаются «пустыми ракушками, ожидающими, чтобы их наполнили некой субстанцией»³⁸.

---

³⁶ Архив заявлений, выступлений, статей других членов СКБ включая генерального секретаря СКБ, представителей государств-участников // <http://www.dkb.gov.ru/d//aa.htm>.

³⁷ Чуфрин Г. Россия в Центральной Азии. — Алматы, 2010. — С. 37.

³⁸ Matveeva A. Russia's Policy in Central Asia // The Intern. Spectator [London]. — 2007. — Vol. 42. — № 1. — Mar. — P. 47.

Полностью подтвердить или опровергнуть это суждение непросто, однако очевидно, что так и остается неясным, насколько эффективно ОДКБ способна выполнять продекларированные ею задачи.

При создании ОДКБ устав не предусматривал ее вмешательства во внутренние дела входящих в нее стран при возникновении там острых кризисных ситуаций. Резня на юге Киргизии в 2010 г. подчеркнула слабость ОДКБ как института, лишенного возможности предотвращать подобного рода конфликты и разрешать их.

Это послужило поводом для Москвы выступить с предложением о расширении функций ОДКБ в плане поддержания внутренней стабильности в странах-участницах. Тем более что к концу 2010 г. сложилась новая «стратегия кризисного реагирования», предусматривающая коллективные действия для «защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств — членов ОДКБ, а также совместного противодействия вызовам и угрозам коллективной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций»³⁹. Очевидно, что главный пункт здесь — ликвидация чрезвычайных ситуаций, которые могут возникнуть в результате внутренних сложностей.

В 2011 г. на встрече с президентом Белоруссии Лукашенко генеральный секретарь ОДКБ Бордюжа заговорил о «совершенствовании нормативной базы», о «возможности принятия решений и использования потенциала ОДКБ для защиты конституционного строя стран-членов». В свою очередь, Лукашенко заметил, что «...речь идет не только о применении КСОР на случай вмешательства других государств извне, но и о вмешательстве других государств изнутри ОДКБ. Потому что... конституционный переворот совершить — руки чешутся у многих»⁴⁰.

Стремление России задействовать ОДКБ для укрепления прочности режимов стран-участниц вполне объяснимо. Эти режимы, несмотря на возникающие с российским руководством разногласия, Москву в принципе устраивают. Со своей стороны, они в целом также полагают, что Москва, напуганная в 2000-х годах «цветными» революциями, а затем «арабской весной», готова поддержать их в критический момент. В декабре 2011 г. на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ было принято «Положение о порядке реагирования государств-членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации»,

---

³⁹ ОДКБ: ответственная безопасность / Под общ. ред. И. Ю. Юргенса. — М., 2011. — С. 9.

⁴⁰ Литовкин В. ОДКБ настраивают против цветных революций // Независимая газ. — 2011. — 9 авг.

в котором в частности была отмечена возможность привлечения сил и средств КСОР в случае возникновения ситуации, которая не может быть ликвидирована силами и средствами члена ОДКБ, на территории которого она произошла ⁴¹. Таким образом, в руках у России оказывается инструмент для *легитимного* вмешательства в дела партнеров по ОДКБ.

Можно усмотреть некоторую символику в том, что руководителями ЕврАзЭС и ОДКБ были выходцы из российских спецслужб. В 2001–2007 гг. должность генерального секретаря ЕврАзЭС занимал бывший глава Службы внешней разведки Григорий Рапота, а главой ОДКБ с 2003 г. является генерал-полковник Николай Бордюжа, в 1989–1991 гг. начальник отдела кадров КГБ СССР, в 1998 г. начальник Федеральной пограничной службы России. Впрочем, в КГБ в разное время служили практически все ключевые российские политики включая нынешнего президента.

Что касается внешней политики стран ОДКБ, то в ее уставе записано, что «государства-члены согласовывают и координируют свои внешнеполитические позиции по международным и региональным проблемам безопасности»⁴². Данное положение не делает внешнюю политику этих стран единообразной, полностью зависимой от Москвы. Например, в 2008 г. члены ОДКБ отказались признавать независимость отколовшихся от Грузии Южной Осетии и Абхазии, что был воспринято Москвой хотя и с обидой, но все же с пониманием. Но иногда России удается проводить через ОДКБ важные для нее решения. Так, в январе 2012 г. страны ОДКБ подписали соглашение, по которому «военные базы третьих стран на территории государств ОДКБ смогут быть размещены лишь с согласия всех участников организации». Известно, как раздражает Москву возможность американского военного присутствия в регионе, которое не только снижает вклад России в поддержание безопасности, но и может в будущем поставить перед центральноазиатскими государствами вопрос о целесообразности ОДКБ. Так что упомянутое решение является серьезным успехом Москвы.

Вместе с тем ОДКБ неоднократно заявляла о готовности к сотрудничеству с НАТО. С 2003 г. ОДКБ предпринимала попытки установить взаимодействие с Альянсом в борьбе против распространения наркотиков, терроризма, экстремизма ⁴³. Однако НАТО относится к ОДКБ сдержанно. Более того, вопрос о таком сотрудничестве по сути

---

⁴¹ <http://www.regnum.ru/news/1481716.html>.

⁴² <http://www.dkb.gov.ru/b/azg.htm>.

⁴³ НГ-Дипкурьер. — 2008. — 24 нояб.

вообще не поднимался, хотя с отдельными странами ОДКБ у членов НАТО, прежде всего у США, сложились регулярные устойчивые контакты.

Говоря о пророссийских организациях, следует отметить, что число их участников постоянно снижается: в СНГ было 12, в ОДКБ — 9, в ЕврАзЭС — 5 (8 вместе с наблюдателями), в Таможенном союзе — всего 3. Все это отражает разочарованность в сотрудничестве с Россией в рамках создаваемых ею организаций, а также вообще во взаимодействии государств, входивших в СССР. Теоретически интерес к такому сотрудничеству может возродиться, если местные деловые круги поверят в возможность реальной выгоды от участия в этих проектах. Тогда на постсоветском пространстве может сформироваться некая единая евразийская бизнес-элита, способная стать мотором кооперации. Однако пока взаимодействие просматривается только на государственном уровне и всецело зависит от позиции правящих политиков.

По сравнению с размытыми перспективами действующих в Центральной Азии под «российским зонтиком» структур Шанхайская организация сотрудничества представляется более солидной, перспективной и притягательной для стран региона. Ни один из участников ШОС на протяжении всего ее существования не ставил под сомнение свое участие в ней.

ШОС сложилась на основе «Шанхайской пятерки» (Китай, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Россия), учрежденной по инициативе Пекина в 1996 г. «Пятерка» была создана для урегулирования проблем с границами и создавалась по принципу «только Китай и государства, с ним граничащие». Пограничные проблемы были успешно решены, а «Шанхайская пятерка», приняв в 2001 г. в свой состав Узбекистан, обрела нынешнее название. Сегодня в качестве наблюдателей с ШОС сотрудничают Монголия, Пакистан, Индия и Иран, а Белоруссия и Шри Ланка являются ее «партнерами по диалогу». Одной из причин возникновения ШОС стали опасения России и Китая в связи с американским присутствием в Центральной Азии. Причем для России, позиции которой в регионе слабеют, эти опасения выглядят более серьезными.

Хотя цели ШОС после решения пограничных проблем официально заявлены, конкретные результаты ее деятельности, вопреки многочисленным оптимистичным заявлениям лидеров стран-участниц, все еще не очевидны. Типично в этом отношении высказывание лидера КНР Ху Цзиньтао, который на первое место в деятельности ШОС поставил «необходимость поддерживать добрососедство и дружбу, а

также строительство гармоничного региона»⁴⁴. Оценивая результаты активности ШОС по двум главным направлениям — экономическому и политическому, следует согласиться с мнением тех, кто считает, что «экономическая “корзина” *собственно* ШОС действительно одна из наиболее пустых»⁴⁵, а большинство предлагаемых проектов пока остается на бумаге. Однако «корзина ШОС» наполняется, хоть и медленно, конкретным содержанием. ШОС — прежде всего инструмент китайского экономического влияния, причем Пекин умело сочетает активность в рамках организации с двусторонними отношениями. «Все больше экономических связей в рамках ШОС строится по принципу двусторонних связей Китая с другими членами организации, а не на многосторонней основе»⁴⁶.

Одним из достижений ШОС можно считать созданный по инициативе Китая Фонд экономического развития, небольшие гранты и кредиты которого уже получили Таджикистан, Киргизия и Узбекистан. За последние годы Китай выдал странам Центральной Азии льготные кредиты на 12 млрд долл.⁴⁷ Влияние Китая в финансовой сфере возросло в 2008 г. после глобального кризиса. В 2011 г. ШОС с подачи Китая приступила к созданию Единого банка развития. Эта идея сразу была поддержана Узбекистаном. Реакция остальных стран региона была более сдержанной.

В КНР о продвижении китайских интересов предпочитают высказываться осторожно и дипломатично. Например, агентство «Синьхуа» в июне 2011 г. в информации о достижениях в области экономического сотрудничества Китая с Центральной Азией сделало упор на том, что «...зафиксирован баланс между предложением и спросом в рамках ШОС. Китай имеет крупные денежные средства и передовые технологии, а Казахстан, Киргизия и другие страны — богатые природные ресурсы. Успехи многолетнего сотрудничества показывают, что подобное объединение очень ценно»⁴⁸. Примечательно, что в этом замечании официального агентства Китая Россия вообще не упомянута, что можно воспринимать как указание на то, что КНР в ШОС заботится почти исключительно о собственных интересах.

---

⁴⁴ Речь Ху Цзиньтао на юбилейном саммите ШОС // <http://www.regnum.ru/news/1415752.html?forprint>.

⁴⁵ *Царев Б.* 10 лет после Шанхая // Независимая газ. — 2011. — 15 июня.

⁴⁶ *Marat E.* Afghanistan: NATO Out, SCO In? / The Jamestown Foundation // Eurasia Daily Monitor. — 2011. — Vol. 8. — Iss. 98.

⁴⁷ *Дубнов А.* Шанхайская организация стала по-настоящему китайской // Моск. новости. — 2011. — 16 июня.

⁴⁸ <http://www.infoshos.ru/ru/print.php?idn=8364>.

На саммите ШОС в 2009 г. в Екатеринбурге Китай поддержал российскую идею отказаться от американского доллара в качестве международной валюты и перейти на расчеты в национальных валютах. Однако Пекин тут же открыл кредитную линию в 10 млрд долл. для членов ШОС. Одновременно Ху Цзиньтао подписал с президентом Казахстана Назарбаевым декларацию о стратегическом партнерстве, и лидеры двух стран договорились к 2015 г. довести взаимный товарооборот до 40 млрд долл. Заодно они заключили соглашение о валютном свопе юань-тенге на 1 млрд долл., а председатель Экспортно-кредитного банка Китая Ли Жугоу заявил, что Пекин готов кредитовать казахстанскую экономику в юанях ⁴⁹.

Россия вынуждена пойти на то, что льготные китайские кредиты исчисляются в юанях, в чем просматривается согласие на китайскую финансовую экспансию. Помощник президента Сергей Приходько заявил, что не воспринимает это как угрозу и что «если наши китайские партнеры могут проявлять большую гибкость на пространстве ШОС, предлагая свои инструменты, то у нас это вызывает понимание и поддержку»⁵⁰.

Следует отметить важный момент: в отличие от России Китай обходит распространенные в центральноазиатском бизнесе коррупционные схемы и следит за тем, как используются выделяемые им суммы. И в этом отношении он переигрывает Россию, чей бизнес вынужден подстраиваться под центральноазиатскую коррупцию.

Москва, в свою очередь, также лоббирует широкие общерегиональные проекты, где ее участие было бы наиболее весомо. На саммите ШОС в июне 2011 г. в Астане президент Медведев сказал, что до конца 2011 г. необходимо разработать и утвердить «дорожную карту» по реализации многостороннего сотрудничества, ориентированного на реализацию крупных региональных проектов. В качестве таковых он назвал формирование венчурного фонда, создание объединенного центра делового сотрудничества, специального счета ШОС для проработки таких проектов ⁵¹.

В то же время выгоды для России от этих проектов представляются неоднозначными. Их масштабность, необходимые для их реализации затраты, значительную часть которых возьмет на себя Китай, могут обесценить усилия России на схожих направлениях, которые она рассчитывает реализовывать через Евразийский союз. Страны

---

⁴⁹ *Габуев А.* Ход слоном // Коммерсантъ. — 2011. — 15 июня.

⁵⁰ Казахстан: в Астане прошел юбилейный саммит ШОС // <http://www.fergananews.com/news.php?id=16876&print=1>.

⁵¹ <http://www.infoshos.ru/ru/print.php?idn=8373>.

Центральной Азии оказываются перед дилеммой: участие в какой из организаций — ШОС или ЕАС — принесет им бóльшую выгоду. По существу это может оказаться негласным выбором между Китаем и Россией.

Широкомасштабные проекты поддерживает Казахстан, заинтересованность которого объясняется тем, что именно благодаря им эта страна рассчитывает получить наибольшую выгоду от своего транзитного положения и сохранить оптимальный баланс отношений между Россией и Китаем. На том же астанинском саммите Нурсултан Назарбаев выдвинул идею формирования евразийского трансэнергетического пространства, единой системы трубопроводов, высоковольтных линий электропередач и трансевразийского транспортного маршрута Западный Китай — Западная Европа. Интересно, что Китай к такому маршруту уже готов: в Синьцзяне полным ходом идет строительство скоростной железной дороги Пекин — Урумчи. Назарбаев также предложил разработать проектные прогнозы ШОС-2030 и ШОС-2050⁵². И это не пустой призыв, поскольку в ходе составления такого рода прогнозов не просто обозначаются возможные пути развития ШОС, но в первую очередь то, каким видится будущее организации ее членам и какие дивиденды рассчитывает получить каждый от пребывания в ней. Казахстан связывает с этим проектом большие надежды. Пока данное предложение не получило одобрения, но рано или поздно оно будет принято, поскольку в нем помимо Казахстана заинтересован и Китай.

Экономический компонент ШОС переплетен с компонентом политическим. При этом они далеко не обязательно совпадают. Китай не рассматривает ШОС как политический инструмент. Россия же изначально была заинтересована в том, чтобы усилить политическую составляющую организации, превратить ее в объединение, способное вести диалог с западными державами и международными структурами, прежде всего с НАТО, и даже выступать их оппонентом. «ШОС создается для того, чтобы оспаривать и даже исключать США, чтобы регламентировать отношения между всеми вовлеченными в местные дела державами»⁵³. В «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» отмечается, что особое значение будет иметь укрепление политического потенциала ШОС. Однако Китай не стремится к превращению ШОС в организацию, конкури-

---

⁵² Речь Нурсултана Назарбаева на саммите ШОС // <http://www.regnum.ru/news/1415835.html?forptint>.

⁵³ *Perkovich G.* Toward Realistic US—India Relations / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington DC, 2010. — P. 24.

рующую с НАТО, ему это попросту не нужно. Кстати, Москва и сама напоминала, что «что ШОС, в отличие от НАТО и ОДКБ, не является военным блоком»⁵⁴.

Тем более ШОС не будет вмешиваться во внутренние дела ее членов и вряд ли сможет воспрепятствовать гипотетическим «цветным революциям», которых так боится Москва и к которым достаточно спокойно и даже индифферентно относятся в Пекине. О позиции ШОС во время конфликта в Киргизии Нурсултан Назарбаев на саммите организации честно сказал: «Мы наблюдали, но ничего не могли сделать»⁵⁵. Единственным видимым вкладом организации в стабилизацию положения в Киргизии стал проект по строительству под эгидой ШОС нового микрорайона в Кара-Суйском районе Ошской области.

Трудно представить, какой будет реакция ШОС, если при дестабилизации в некоторых странах к власти будут стремиться исламисты. Скорее всего это также будет сочтено внутренним делом каждого отдельного государства. ШОС невозможно втянуть и в конфликт одного из ее членов с третьей стороной. В сентябре 2008 г. после краткой войны с Грузией Россия предприняла заведомо провальную попытку подключить ШОС к ее противостоянию с Западом на Южном Кавказе. Дмитрий Медведев привез на саммит ШОС в Душанбе проект документа, в котором осуждалась позиция Тбилиси, а также упоминался «геноцид осетинского народа». Текст российского документа был решительно забракован делегацией Китая, занявшего в российско-грузинском конфликте дипломатичную, но жесткую позицию невмешательства. Напомню, что у КНР в связи проблемой Тайваня сложилось однозначно негативное отношение к любому сепаратизму. Кстати, в Китае многие помнят, что еще в 1960-х годах во время обострения китайско-советских отношений Москва попыталась разыграть карту сепаратизма в Синьцзяне. В апреле 1962 г. под влиянием советской пропаганды свыше 60 тыс. человек покинули Синьцзян и перешли в СССР⁵⁶.

Однако полностью абстрагироваться от политического содержания ШОС тоже было бы некорректно. «ШОС неоднократно отрицала, что стремится стать военным альянсом, “восточным НАТО”». Однако за последнее десятилетие стали заметны растущие между ее

---

⁵⁴ SCO a catalyst for Afghan stability // http://indrus.in/artcles/2011/10/31/sco_a_catalyst_for_afghan_stability_13186.html.

⁵⁵ Кособокова Т. Индия и Пакистан вынуждают ШОС превратиться в военный блок // <http://www.rbcdaily.ru/2011/06/16/focus/562949980438431/print/>.

⁵⁶ Синьцзян, Китайская земля: прошлое и настоящее / Гл. ред. Ли Шэн. — Урумчи: Синьцзян. нар. изд-во, 2006. — С. 338.

членами связи, касающиеся проблем безопасности. Начиная с 2003 г. ШОС провела несколько военных учений, в которых преобладали китайские и российские вооруженные силы. Военачальники стран — членов ШОС провели в апреле 2011 г. встречу в Шанхае, которая по замыслу должна стать постоянным форумом для поддержания сотрудничества по обороне и безопасности»⁵⁷.

Центром проблем безопасности является Афганистан, от которого круги напряженности расходятся во всех направлениях включая Центральную Азию. Занимавший в 2009—2010 гг. пост генерального секретаря ШОС Мурат Иманалиев подчеркивает, что у ШОС «есть четкое понимание, что Афганистан остается до сих пор одним из источников угроз нашей безопасности»⁵⁸. Медведев называет ключевой задачей ШОС создание «эффективной системы реагирования на угрозы безопасности и стабильности нашему региону»⁵⁹.

Однако констатация этого факта отнюдь не приводит к реальному взаимодействию стран ШОС. Не считая общих фраз о стабильности, безопасности и противодействии терроризму, они не могут предложить реально осуществимых совместных проектов. Например, президент Киргизии Роза Отунбаева в 2011 г., отметив, что у ШОС есть «серьезный нераскрытый потенциал в предотвращении конфликтов», предложила создать на границах Афганистана «пояса безопасности»⁶⁰. Однако это так и осталось идеей и не привело к конкретным действиям. Показательно высказывание специального представителя президента России в ШОС Леонида Моисеева: «Принципиальная позиция всех государств — членов ШОС состоит в том, что они готовы работать по Афганистану, по периметру границ, включая задействование потенциала государств-наблюдателей. Но внутри Афганистана страны организации готовы работать только пока в индивидуальном качестве и в основном по экономическим вопросам»⁶¹. С одной стороны, такой подход выглядит обоснованным, с другой — отказ от взаимодействия внутри Афганистана свидетельствует об ограниченных возможностях ШОС. Создавать систему безопасности по периметру

---

⁵⁷ Chan J. SCO summit points to deepening global tensions // World Socialist Site. — 2011. — 22 June (<http://www.wsws.org/articles/2011/jun2011shan-122.shtml>).

⁵⁸ <http://www.neswkaz.ru/politics/20110601/1532852-print.html>.

⁵⁹ Речь Дмитрия Медведева на саммите ШОС // Regnum. — 2011. — 15 июня (<http://www.regnum.ru/news/1415741.html?forprint/>).

⁶⁰ Президент Киргизии высказалась за создание «поясов безопасности» на границе с Афганистаном // Regnum. — 2011. — 15 июня (<http://www.regnum.ru/news/1415698.html?forprint/>).

⁶¹ Афганистан вступает в ШОС: кому это выгодно? // <http://www.infoshos.ru/ru/print.php?idn=8366>.

Афганистана, полностью устраняясь от его внутренних дел, невозможно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Китай уже давно самостоятельно выстроил экономические связи с Афганистаном, с 2002 г. выделил этой стране помощь в размере 2,5 млрд долл., а выиграв в 2007 г. тендер по добыче медной руды в районе Айнак, вложил в этот проект 3,5 млрд долл.⁶² Таджикистан самостоятельно налаживает сотрудничество с Афганистаном в области электроэнергетики. Что касается России, то ее интерес непосредственно к Афганистану остается не слишком большим.

Ситуация вокруг Афганистана видится особенно интригующей с учетом вывода в 2014 г. из этой страны войск НАТО. Бытующее среди ряда аналитиков и распространенное в российских СМИ мнение, что впоследствии урегулированием афганского конфликта всерьез займется Россия, Китай, даже Индия, не имеет под собой серьезной основы. Так, Пекин не раз заявлял, что его политическая активность в Афганистане возможна только в рамках ООН. «Таким образом, выходя за рамки отношений с Афганистаном на двусторонней основе, Пекин поддерживает альтернативный ШОС подход, который одновременно облегчает решение региональных проблем и служит китайским интересам»⁶³.

Вместе с тем в Пекине рассчитывают, что участие ШОС в стабилизации вокруг Афганистана может способствовать решению его собственных внутренних проблем в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где по-прежнему действуют использующие исламские лозунги сепаратисты, которые поддерживают контакты с исламскими радикалами Центральной и Южной Азии. Так что можно согласиться с мнением, «что политика ШОС в сфере безопасности не стоит на месте»⁶⁴.

Одним из путей стабилизация положения вокруг Афганистана считается вступление его в ШОС в качестве наблюдателя, против чего никто из членов организации не возражает. Особенно поддерживают вступление Афганистана Россия, Казахстан и Таджикистан. Вопрос, однако, заключается в том, что конкретно принесет ШОС присутствие Афганистана в ее составе, а также готов ли Афганистан к вступлению в организацию. Отмечу, что в ходе саммита 2011 г. решение о приеме Афганистана в ШОС в качестве наблюдателя так и не состоялось.

---

⁶² Zhang Haizhou. SCO can play “bigger role” in Afghanistan // China daily. — 2012. — Jan. 27.

⁶³ Panda J. P. China or the SCO: Who will supervise Afghanistan? / The Jamestown Foundation // China Brief. — 2011. — Vol. 11. — Iss. 15.

⁶⁴ Allison R. Op. cit. — P. 196.

Действительно, непосредственное участие Афганистана в работе ШОС вряд ли кардинально изменит уровень сопричастности стран-участниц включая Россию и Китай к внутриафганским делам. Также это мало повлияет на обстановку внутри Афганистана. Страна, на протяжении долгих лет переживающая гражданскую войну и являющаяся главным поставщиком наркотиков на мировой рынок, может стать полноценным членом любой организации только после снижения внутренней напряженности. Показательно, что именно на саммите 2011 г. в Астане, где дебатировался вопрос о приеме в ШОС новых членов, принято решение об утверждении типового «Меморандума об обязательствах государства-заявителя в целях получения статуса государства — члена ШОС». Вряд ли Афганистан готов принять на себя многие из этих обязательств. В 2000-х годах диалог о вступлении Афганистана в ШОС шел с президентом Хамидом Карзаем. Однако мало кто сомневается, что после ухода из страны войск коалиции в Кабуле сформируется правительство с участием представителей движения «Талибан», об отношении которого к сотрудничеству с ШОС говорить пока не приходится.

Наконец, приглашение Афганистана в ШОС имеет еще один аспект, касающийся присутствия там Соединенных Штатов. Как известно, американцы планируют после своего ухода оставить несколько военных объектов, в том числе модернизированную базу ВВС в Баграме. Это встречает негативное отношение России, сдержанную реакцию Пекина и двойственную — в Центральной Азии, где, например, Узбекистан и Киргизия в принципе согласны с присутствием американских военных объектов на собственной территории. При таких обстоятельствах «появление Афганистана в списке соискателей статуса наблюдателя в ШОС... может свидетельствовать о попытках повысить уровень взаимопонимания по афганской проблеме между США и НАТО с одной стороны и Россией с другой»⁶⁵, как своего рода призыв США к России согласиться на присутствие натовских и американских баз в Афганистане на долговременной основе. Поэтому желание Москвы видеть Афганистан в составе ШОС можно в каком-то смысле рассматривать как ее косвенное согласие на появление целой сети американских военных баз непосредственно возле границ Центральной Азии. Москва сама заинтересована в военном присутствии США, поскольку оно сдерживает активность местных исламских радикалов.

---

⁶⁵ Гончаров П. Афганистан вступает в ШОС: кому это выгодно? // <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=8366>.

Помимо Афганистана кандидатами на вступление в ШОС являются сразу несколько стран — Индия, Пакистан, Монголия, Туркмения и даже Иран. Пакистан подавал заявку на вступление еще в 2006 г., Иран — в 2007-м и 2008-м, Индия — в 2010-м. Расширение ШОС, тем более включение в нее таких гигантов, как Индия и Пакистан, фактически приведет к преобразованию ее в качественно иную организацию. У ШОС в таком случае не будет одного очевидного лидера или доминирующего тандема «Китай-Россия». Ее приоритеты станут гораздо шире, и теоретически она превратится в один из самых влиятельных субъектов глобальной политики, чей потенциал неизмеримо превосходит потенциал созданных Россией СНГ и ОДКБ.

Правда, ввиду территориальных споров между Индией и Пакистаном их вступление в ШОС пока представляется неочевидным⁶⁶. Также невелики шансы Ирана, который находится в перманентном противостоянии с Европой и США, да и его исламская революционность отталкивает от него страны Центральной Азии.

Москва же, которая поддерживает идею расширения ШОС, видимо, надеется, что участие в качестве одного из лидеров реформированной организации заметно повысит ее геополитический рейтинг, поскольку в политическом плане ШОС станет сопоставима с НАТО и Евросоюзом.

Замечу, что Китай с большей охотой поддерживает вступление в ШОС Монголии и Туркмении, присутствие которых дает ему дополнительные возможности для развития экономических отношений с этими странами. Так что нельзя исключать, что ШОС превратится в огромную, но недееспособную структуру, в которую будет встроена и продолжит консолидироваться «параллельная мини-ШОС» в составе КНР, Монголии и стран Центральной Азии. «Мини-ШОС» будет решать вполне конкретные практические задачи, тогда как «большая ШОС» превратится в политическую трибуну для обсуждения утопических идей и проектов, т. е. нечто наподобие пресловутого БРИК, который в Москве пытаются также представить как альтернативу западным союзам. Президент Академии геополитических проблем генерал Леонид Ивашов высказывает экзотическое мнение, что «ШОС может стать организацией, консолидирующей цивилизации восточного типа»⁶⁷. При бесконечном расширении ШОС она будет не столько способствовать консолидации восточных стран, сколько провоци-

---

⁶⁶ Кособокова Т. Указ. соч..

⁶⁷ <http://www.regnum.ru/news/1407750.html?forprint>.

ровать противоречия между ними, что приведет ее к дисфункциям и в конечном счете к распаду.

Обращение к ШОС в главе, посвященной пророссийским региональным (и, шире, международным) действующим в Центральной Азии организациям может показаться не совсем уместным. Разумеется, ШОС нельзя однозначно уподобить ЕврАзЭС, ОДКБ, ЕАС. Однако считать ее, как это иногда делают, «китайской отмычкой для Центральной Азии»⁶⁸, средством для создания пекинского «доминиона» — чрезмерное упрощение. Стратегически ШОС нужна Китаю не только для продвижения экономических интересов в этом регионе, но и для утверждения авторитета в Большой Центральной Азии и Южной Азии. Со свойственными ему терпением и «внешней скромностью» Пекин выстраивает свою политику осторожно, всячески подчеркивая невмешательство во внутренние дела соседей и близлежащих стран. Мне неоднократно приходилось слышать от китайских коллег о глубоких исторических и культурных различиях между Китаем и Центральной Азией, что делает невозможным его вмешательство в дела соседей (китайские политики и эксперты в частных разговорах любят упоминать, что у них хватает трудностей внутри собственной страны).

Динамика утилизации ШОС Китаем проста и последовательна: на первом этапе — «Шанхайская пятерка» для решения пограничных вопросов, на втором — трансформация ее в ШОС как основу для экономического сотрудничества, на третьем — постепенное обретение ею политического значения. На каждом этапе роль Китая усиливается. Свидетельство тому — то обстоятельство, что обозначившееся сотрудничество между ШОС и Соединенными Штатами выглядит как форма китайско-американского взаимодействия. По мнению директора Шанхайского центра международных исследований и Института европейских и азиатских исследований Академии общественных наук Шанхая, директора Исследовательского центра ШОС Пань Гуана, формируются механизмы, которые «могут уменьшить конфликтность между Китаем и США в Центральной Азии, если они будут потенциально способствовать сотрудничеству между США и ШОС»⁶⁹. Собственно, в этих суждениях нет ничего неожиданного за исключением того, что в них ни в каком контексте не упомянута Россия. Китайский аналитик рассматривает ШОС не более чем как ору-

---

⁶⁸ Солозобов Ю. ШОС — это китайская отмычка для Центральной Азии // <http://www.iarex.ru/print/16020.html>.

⁶⁹ Pan Guang. China and the USA in Central Asia: Role of the SCO and Possibility of Cooperation in Afghanistan // China and US Focus. — 2011. — Sept. 7.

дие Китая для реализации своих целей, в данном случае достижения взаимопонимания с США.

В Москве отдают себе отчет в том, что ШОС — инструмент китайской политики. Россия проигрывает Китаю, превращаясь в рамках ШОС в «фигуру номер два», во второстепенного для центральноазиатских государств партнера. Взаимодействовать на равных с КНР в рамках ШОС она не в состоянии, хотя ни Пекин, ни Москва в ближайшее время этого не признают. Об этом не говорят и политики Центральной Азии, хотя все они (в том числе, что особенно важно, казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев) исходят именно из данного факта. Китай динамичен, тогда как позиция России выглядит более пассивной, в каком-то смысле даже оборонительной.

Однако у России остается огромной важности козырь, который если и не имеет прямого отношения к сотрудничеству внутри ШОС, то позволяет ей позиционировать себя как равнозначную Китаю (даже превосходящую его) державу. Речь идет, естественно, о ядерном оружии, остающемся символом могущества России. Россия дает ШОС, особенно если та превратится впоследствии в более широкую организацию, своего рода виртуальную «крышу безопасности», повышает ее международный престиж. Это удобно и для Пекина, которому выгодно иметь такого союзника. Теоретически ШОС может стать уникальной организацией, в составе которой окажутся сразу четыре обладающие ядерным оружием державы — Россия, Китай, Индия и Пакистан. Но только российский ядерный потенциал является геополитическим фактором. (Хотя, конечно, российское ядерное оружие, как и ядерное оружие вообще, обесценивается, поскольку оказывается невостребованным в региональных конфликтах. Сегодня в мире трудно представить ситуацию, в которой та или иная сторона дерзнет его применить.)

Думается, небезынтересно привести высказывания о ШОС молодых ученых из стран — участниц этой организации на устроенном в 2011 г. на базе Московского государственного университета и Российского университета дружбы народов «круглом столе» в ходе презентации новой молодежной структуры — «Межвузовской модели ШОС». Сотрудник Института востоковедения Российской академии наук Ринат Зиганшин полагает, что «ШОС может стать средством создания союзного государства странами бывшего Советского Союза», другой российский участник, Алексей Карпенко, отметил, что «Китай и Россия в рамках ШОС — это больше противники, чем сотрудники, потому что идет борьба за влияние в Центральной Азии», представитель Узбекистана сказал, что «Россия вступила в ШОС,

чтобы не дать Китаю усилить влияние в регионе»⁷⁰. Дискуссия проводилась в рамках созданного в 2010 г. в пилотном режиме Университета ШОС, в котором участвуют около 60 вузов России.

ШОС — альтернатива российским региональным проектам, которые на фоне растущего китайского влияния представляются все менее убедительными. Пророссийские организации включая ОДКБ, с которыми Москва связывает свои военно-политические амбиции, уступают «китайскому проекту»: «Шанхайская организация сотрудничества вступает во второе десятилетие своего существования с амбициозной повесткой дня»⁷¹. Можно представить ситуацию, в которой, оставаясь на политической карте Евразии, они будут играть подсобную роль — пребывая под российской «крышей», способствовать наращиванию влияния Китая. Перспективы сотрудничества между ШОС и ЕврАзЭС, а далее с ЕАС и ОДКБ выглядят неопределенно хотя бы потому, что в эти организации на территории Центральной Азии входят одни и те же страны. Руководитель Центра военно-дипломатического анализа и оценок Владимир Винокуров считает, что постепенное объединение ОДКБ и ШОС выгодно России ⁷². Это не совсем так. При подобного рода слиянии ОДКБ просто-напросто растворится, приняв облик одного из подразделений ШОС, и фактически попадет под главенство Китая. Предположить, что ОДКБ в рамках ШОС сохранится как самостоятельная полностью подчиненная России структура, невозможно — Пекин этого не допустит. (ОДКБ и ШОС выступили с совместной инициативой формирования «поясов» антинаркотической, антитеррористической и финансовой безопасности по периметру афганских границ, однако, как уже указывалось, практических шагов в этом направлении не последовало.)

Результаты деятельности созданных Россией международных организаций малоэффективны и зачастую носят символический характер. Незначительно их воздействие на внутреннюю обстановку в центральноазиатских странах. Несколько большее влияние эти организации, прежде всего ОДКБ, оказывают на внешнюю политику. Однако и здесь результаты далеки от желаемых. К тому же, по справедливому замечанию российского аналитика Андрея Грозина, «у самих республик Центральной Азии нет конкретной и продуманной стратегии по отношению не только к ШОС, но и к другим региональ-

---

⁷⁰ Белоногова Н. ШОС: взгляд молодежи // <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=8286>.

⁷¹ Kizekova A. The Shanghai Cooperation Organization: Challenges in Cyberspace / S. Rajaratnam Scholl of Intern. Studies (RSIS). — Singapore, 2012. — (Commentary 033).

⁷² <http://www.regnum.ru/news/1407769.html?forprint>.

ным военно-политическим проектам»⁷³. Зачастую они воспринимают эти блоки как «крышу на всякий случай», причем не при внешней агрессии, а для борьбы с активностью собственной, в первую очередь исламистской оппозиции.

Будущее у многонациональных инструментов российской политики разное. ЕврАзЭС исчезнет. ОДКБ сохранит способность проводить маневры, жить ожиданием внешней угрозы (от талибов), но по-прежнему не станет вмешиваться во внутренние конфликты стран-членов. Интерес к ОДКБ будет постепенно угасать.

Созданные усилиями России в Центральной Азии международные организации не способны переломить главную тенденцию — снижение российского влияния в регионе. Экономическая привязанность его к России ослабевает, и теперь главную надежду Москва возлагает на создаваемый ею Евразийский союз.

---

⁷³ Грозин А. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы // Центр. Азия и Кавказ [Лулео, Швеция]. — 2007. — № 5. — С. 57.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РОССИЯ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ИСЛАМ: ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

Отношения России с государствами Центральной Азии определяются многими факторами — политическими, экономическими, культурными. Значение каждого из них велико, и выстроить их иерархию очень непросто. В данной главе речь пойдет об исламском факторе, который кому-то, возможно, представляется не очень очевидным, тем не менее он все более тяготеет над отношениями России с Центральноазиатским регионом.

Нынешнее и будущее влияние исламского фактора на эти отношения можно рассматривать в трех аспектах.

1. Страны Центральной Азии (как и российские республики Северного Кавказа) переживают процесс реисламизации. Наиболее очевиден он в Узбекистане и Таджикистане, где ислам стал не только важным фактором социализации, но и инструментом проведения государственной политики. К исламу все чаще апеллируют политики в Киргизии, что было особенно заметно во время и после второй киргизской революции 2010 г. Влиятельный политик, глава кабинета министров Омурбек Бабанов говорил, что «истинные ценности ислама будут служить укреплению нравственно-духовных ценностей общества, способствовать сохранению мира и согласия в стране»¹, президент Алмазбек Атамбаев в бытность премьером рассуждал о «формировании правильного толкования канонів ислама»². Многие депутаты Жогорку Кенеш (парламента) стали творить молитву в стенах своего законодательного органа, рассчитывая, что это станет известно простым мусульманам. В Киргизии появились политики, которые бы хотели легализовать «Хизб ат-Тахрир аль-Исламий»

---

¹ Официальный сайт правительства Киргизии (<http://www.gov.kg/>), 4 ноября 2011 г.

² <http://www.24kg.org/community/108786-Almazbec-atambaev-v-vKyrgyzstan-mnogie-otrastriv-html>.

(Партию исламского освобождения — ХТИ). Заговорили об исламской автономии на юге ³.

В Узбекистане уже в первые годы независимости апелляция к исламу оказалась востребованной и понятной ⁴. Утверждая сугубо светский характер государства, узбекская правящая элита определяла ислам как историческое и культурное наследие, как основу нравственных и духовных ценностей. В то же время она опасалась превращения ислама в орудие политической борьбы. «Мы, — говорил в середине 1990-х годов Ислам Каримов, — никогда не допустим, чтобы религиозные лозунги стали знаменем борьбы за власть, поводом для вмешательства в политику, экономику, юриспруденцию, поскольку видим в этом серьезную угрозу безопасности и стабильности»⁵. Аналогичные заявления делали лидеры всех центральноазиатских государств. Например, глава Туркмении Сапармурат Ниязов в 2004 г. заявил: «Мы не будем использовать религию в политических целях и никому не позволим использовать ее в угоду личным амбициям»⁶.

Однако к концу 1990-х годов светские руководители оказались вынуждены осторожно переосмысливать роль ислама, начать *борьбу за ислам*, что требовало от них собственного подхода к религии и умения применять ее в политическом и идейном противостоянии с оппонентами. И если в 1990-х годах борьба за ислам определялась наличием протестной исламской оппозиции, то в 2000-х она стала следствием ретрадиционализации общества. На фоне общей ретрадиционализации (ее символический маркер — положение женщины ⁷), падения уровня образования, внешнего влияния власть неизбежно должна была «идти на перехват» религии, используя ее в качестве инструмента собственной политики. Она стала настойчиво формировать вокруг себя слой лояльного духовенства, выстроила систему религиозного образования, превратила мечети в свои политические бастионы. «Президент Каримов поощряет религиозную активность, строя мечети, поддерживая хадж в Мекку и гарантируя значительное финансовое и политическое подспорье официальному мусульман-

---

³ Грозин А. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы // Центр. Азия и Кавказ [Лулео, Швеция]. — 2007. — № 5. — С. 57

⁴ Тохтаходжаева М. Утомленные прошлым. — Ташкент, 2001. — С. 20.

⁵ Каримов И. А. Узбекистан на пороге XXI в.: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. — М.: Дрофа, 1997. — С. 43.

⁶ Радио «Свобода», 25 октября 2004 г. (<http://www.rferl.org/newsline/2004/10/251004.asp/>).

⁷ Женский вопрос в Узбекистане подробно освещен в упомянутой книге Марфуы Тохтаходжаевой.

скому духовенству, которое находится под его строгим контролем»⁸. Формально не отказываясь от принципа секуляризма, узбекский режим отреагировал на исламизацию общества фактическим соединением ислама с политикой.

В Таджикистане секулярность государства всегда была и остается относительной. Гражданская война, а затем заключенный в 1997 г. договор между Народным фронтом и Объединенной таджикской оппозицией, в которой заглавную роль играли исламисты, легализовала ангажированность ислама в политике. Как и в соседнем Узбекистане, таджикский режим, прежде всего сам президент Эмомали Рахмон, выступил в качестве поборника исламизации (хотя он формально остается на позициях секуляризма), способствуя созданию системы религиозного образования, пытаясь установить контроль над мечетями, требуя от лояльного к нему духовенства интерпретации своего политического курса. В 2009 г. Рахмон организовал симпозиум «Наследие Абу Ханифы и его значение в межцивилизационном диалоге», на котором и сам выступил с квазибогословской речью, посвященной приверженности таджикского общества и своего режима идеям ханафизма, который является «мостом между различными культурами и основой диалога цивилизаций в интересах всего человечества»⁹. Примерно тогда же в Таджикистане ходили слухи, что Рахмон намеревается принять титул имама, став, таким образом, одновременно и светским главой страны, и ее духовным лидером. Слухи эти не подтвердились. А в 2010 г., почувствовав, что исламизация выходит из-под его контроля и в стране действуют неподвластные ему параллельные исламские структуры, Рахмон развернул кампанию по ограничению влияния религии. Однако сделать это оказалось непросто. Исламизация общества стала необратимым процессом, свидетельством чего является бурная деятельность Партии исламского возрождения Таджикистана, которая в 2000-х годах была оттеснена на периферию политики, а теперь, получив второй шанс, стремительно наращивает активность.

«Разделение между новыми исламскими организациями и движениями и старой унаследованной от советской эпохи “секулярной” властной структурой представляет собой вызов новым государствам в том плане, что вызов представляет любая поляризация

---

⁸ Calming the Ferghana Valley: Report of the Ferghana Valley Working group of the Center for Preventive action. — New York, 1999. — P. 101.

⁹ Симпозиум, посвященный наследию Абу Ханифы, прошел в Таджикистане // <http://centralasiaonline.com/ru/articles/caii/features/2009/10/08/feature-03>.

в обществе»¹⁰, — писал десять лет назад Джон Шоберлайн. Однако за последнее десятилетие ситуация изменилась. Теперь исламизацию, хотя и с разных позиций, поддерживают и власть, и оппозиция. «В обществах, где нет традиций существования политических партий, ислам заявляет о себе и на официальном правительственном уровне, и среди секулярной оппозиции»¹¹. Показательно, что в Узбекистане «...священнослужители, чьи взгляды сформировались в рамках легальной интерперетации ханафитской школы, стремятся приспособиться к режиму, но даже ханафиты... ищут пути для новой интерпретации ханафитских текстов... что должно способствовать их возможности независимого политического действия. И тогда их позиция относительно взаимоотношений государства и религии сближается со взглядами салафитских мыслителей»¹².

Еще одним свидетельством в пользу реисламизации Центральной Азии является возросшая роль и политизация суфийских братств, в первую очередь таких, как Накшбандийя и Ясавийя, в которых состоят десятки тысяч мюридов. Только последователей Накшбандийи насчитывается примерно 30 тыс. человек. И здесь вновь напрашиваются сравнения с Северным Кавказом, где братства Накшбандийя, Кадирийя и Шазилийя еще заметнее, чем в Центральной Азии, воздействуют на настроения в обществе и даже на поведение политиков.

Как минимум два государства Центральной Азии — Узбекистан и Таджикистан — стали мусульманскими, полностью предав забвению советское наследие. Тем более что в Узбекистане после смены лидера исламская составляющая в политической жизни, очевидно, возрастет: контроль над исламом, установленный президентом Каримовым, с его уходом скорее всего ослабеет, что сделает влияние религиозной оппозиции более существенным. Мне доводилось разговаривать с принадлежащими к разным сословиям русскими жителями Ташкента — чиновниками, шоферами, преподавателями, и почти все они высказывали уверенность, что исламизация общества будет только нарастать. Чуждые «мусульманскому обществу, спаян-

---

¹⁰ *Schoberlein J.* Islam in Ferghana Valley. Islam in Politics in Russia and Central Asia (early eighteen to late twentieth Centuries) / Ed. by St. A. Dudoignon and Komatsu Hisao. — [S. 1.], 2001. — P. 338.

¹¹ *Zelkina A.* Islam and Security in the New States of Central Asia: How Genuine is the Islamic Threat? // Religion, State and Society. — 1999. — Vol. 27. — № 3/4. — P. 370.

¹² *Olcott M. B.* Roots of Radical Islam in Central Asia. — [S. 1.], Jan. 2007. — P. 35 (Carnegie papers; № 77).

ному историческими связями, культурой, традициями»¹³, русские страшатся реисламизации в Киргизии, а теперь еще и в Казахстане.

Распространенное в 1990-х годах и сохранившееся среди некоторых исследователей даже в 2000-х убеждение, будто с точки зрения влияния ислама на государство «Центральная Азия стоит особняком главным образом по причине своего советского прошлого»¹⁴, не выдержало испытания временем. В Центральной Азии произошло то, что и должно было произойти: с исчезновением поддерживавшегося силовыми методами тоталитарного порядка стали быстро восстанавливаться, легализоваться традиционные нормы социализации, идеологический вакуум заполнялся исламом и национализмом.

В центральноазиатском исламе заявила о себе одна из типичных черт его традиции — слияние религиозного и светского (в первую очередь политического) начал. «Известное западное различие между религиозной и политической позицией и деятельностью становится неуместным и нереальным. Вызванная, возможно, социальными причинами неудовлетворенность политикой находит религиозное выражение»¹⁵. Эта особенность ислама отличает его от прочих монотеистических религий, прежде всего от христианства (хотя обращенность к социальным вопросам и политике, пусть и в не столь очевидной форме, присуща и православию). Секулярность государства в условиях мусульманского мира всегда заметно отличается от еврохристианской. Сложилось даже такое понятие, как «исламский секуляризм», в котором подразумевается возможность и даже необходимость сосуществования светского и религиозного законодательства, апробация позиции государства со стороны духовных авторитетов. Восстановление этих принципов имеет место почти на всем мусульманском пространстве бывшего СССР, где происходит процесс шариатизации и фактически совершается отход (неформальный) от секулярных принципов государственного устройства.

Влияние ислама в обществе и апелляция к нему правящих элит подчеркивают различия между странами региона, делая понятие «Центральная Азия» еще более условным. В Казахстане, Туркмении и Киргизии правящие элиты далеки от того, чтобы использовать ислам во внутренней политике, и не ставят под сомнение светский характер государства. Однако даже в Казахстане роль религии как признака этнической идентичности возрастает. В ноябре 2011 г. Нурсултан

---

¹³ Carrère d'Encausse H. L'Empire éclaté. — Paris: Flammarion, 1978. — P. 260–270.

¹⁴ Халид А. Ислам после коммунизма. — М., 2010. — С. 268.

¹⁵ Lewis B. The Assassins: A radical sect in Islam. — New York: Basic Books, 2003. — P. 21.

Назарбаев, посетив открытие соборной мечети в Караганде (она вмещает 4 тыс. человек), заявил, что считает себя мусульманином¹⁶. Отмеченные всплеском активности радикального ислама 2010–2011 гг. могут оказаться переломными для этой страны. В 2011 г. в Казахстане на мероприятиях, посвященных самым различным темам, везде на первое место выходила исламская проблематика, что в прежние годы было невозможно себе представить.

Казахстанская элита не отвергала полностью свою религиозную идентичность, которая отнюдь не только не ставит под сомнение приверженность евразийству, но даже служит его подтверждением. Казахстан развивает, хотя и не столь интенсивно, сотрудничество с мусульманскими государствами. На VII Всемирном исламском форуме Назарбаев внес предложение о создании «диалоговой площадки» 10 ведущих экономик уммы, исламского международного центра инноваций, Фонда малого и среднего бизнеса при Исламском банке развития, а также Регионального фонда и продовольственного пула со штаб-квартирой в Казахстане¹⁷. В 2011 г. в Астане состоялось совещание министров иностранных дел Организации исламского сотрудничества (бывшей Организации «Исламская конференция»).

Помимо религиозной идентичности элиты Центральной Азии (исключая Таджикистан) подчеркивают принадлежность своих народов к тюркскому миру. «Тюркоязычное пространство — это только одна из шахматных досок, на которых одновременно играет политический гроссмейстер Нурсултан Назарбаев»¹⁸. В своем «послании Президента Казахстана — Лидера Нации народу Казахстана» в начале 2012 г. он особо подчеркнул, что «Астана является столицей СНГ и тюркского мира»¹⁹.

После распада СССР тюрки Центральной Азии и Азербайджана тотчас развернулись в сторону Турции, надеясь, что культурная и языковая общность станет залогом экономической, финансовой и иной помощи Анкары. В конце 1990-х годов лозунг пантюркизма угас (по причине разочарования в Турции, воспринимавшей центральноазиатских тюрков как своих младших братьев, что напоминало советские времена), уступив место националистическим настроениям. Однако сама идея единства тюркских народов не умерла, более того, на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. она обрела второе дыхание.

---

¹⁶ Глава государства посетил в Караганде новую соборную мечеть // КАЗИН-ФОРМ. — 2011. — 21 нояб.

¹⁷ Касымбеков М. Рабочий график президента: основные итоги 2011 года // Казахстан. правда. — 2012. — 10 янв.

¹⁸ Тюрки посоветовались в Алма-Ате // НГ-Дипкурьер. — 2011. — 31 окт.

¹⁹ <http://nomad.su/?a=3-201201300039>.

Очевидно, это явилось, с одной стороны, следствием многовекторной политики центральноазиатских государств, в которой турецкое направление заняло место среди прочих — российского, китайского, американского, исламского, европейского. С другой стороны, и Турция, и ее партнеры «притерлись» друг к другу, осознали взаимные возможности и интересы. Наконец, Турция обрела новый стратегический импульс, добиваясь превращения в региональную державу. Понятие «региональная держава» в данном случае можно трактовать очень широко: Турция энергично действует на кавказском направлении, в 2010—2011 г. она наращивала свое влияние на Ближнем Востоке. В первой половине 2000-х турки стали ориентироваться на более интенсивное развитие отношений со странами Центральной Азии. Турецкие амбиции воспринимаются в регионе хотя и с осторожностью, но в целом позитивно, и прежде всего это касается Казахстана, на территории которого (в Алматы) в октябре 2011 г. с большой pompой прошел общетюркский саммит.

Мусульманское и тюркоязычное пространства налагаются друг на друга, создавая кумулятивный эффект. В Турции, как и в Центральной Азии, распространен ханафитский мазхаб (толк) суннитского ислама, что, по мнению богословов, должно еще больше сближать тюркские народы. Ханафизм считается наиболее толерантной и «либеральной» версией исламского богословия и фикха (юриспруденции), ханафитские улемы, а вслед за ними и политики утверждают, что он является препятствием на пути радикальных исламистских идей и салафизма.

Особая ситуация складывается в Таджикистане, где культурная и языковая идентичность большинства населения является такой же (или почти такой же), как в Иране, зато существуют различия в религиозной сфере: большинство таджиков в отличие от иранцев-шиитов исповедует ханафитский толк суннитского ислама. И только 12% таджиков — приверженцы ислама шиитского (в форме исмаилизма).

Реконструкция или погружение в старые-новые идентичности все более отдаляет центральноазиатские общества и государства от бывшей метрополии. *Homo sovieticus* уходит в прошлое, его место занимает *homo islamicus*. Понятие «*homo islamicus*» не исчерпывает полностью суть нового «центральноазиатского человека». Среди молодых людей велик пиетет перед Западом, о котором они судят по попадающим в их руки его технологическим достижениям — айфонам, компьютерам, автомобилям. Старшее же поколение, особенно в городах, не забыло о советской юности, считая, что в СССР было как минимум спокойнее и безопаснее. Таким образом, условный *homo islamicus* — это мозаичный симбиоз идентичностей, в котором тем не менее преобладает традиционный исламский компонент.

Homo islamicus нельзя отождествлять с homo postsovieticus. Формируется иной, «несоветский» социум, для которого советское прошлое — уходящее натура. В школах уже давно пользуются географическими картами, на которых нет СССР. Через сравнительно короткое время Россия столкнется с качественно иными элитами, выходцами из изменившегося мусульманизированного общества, причем одновременно более технократичными. Их близость с Россией уже не будет столь «интимной», как у нынешних русскоговорящих и «советскообразованных» президентов и премьеров. Российское направление политики Центральной Азии окажется еще более суженным.

2. На отношения России со странами региона оказывает влияние существование и укрепление в нем исламистов. Понятие «исламизм» связано с религиозно-политической оппозицией, выступающей за переустройство общества и государства в соответствии с исламскими нормами. Исламизм в Центральной Азии реактивен, ибо является прежде всего ответом на социально-экономические проблемы, отсутствие реформ, коррупцию, диктатуру, подавляющую политический протест. «В большинстве мусульманских стран Центральной Азии перестали реализовываться элементарные нормы правового государства. Беззаконие нередко становилось нормой и атрибутом общественных отношений. В качестве ответа на полный правовой беспредел мусульманское население... было вынуждено апеллировать к нормам ислама»²⁰. Активность местных мусульман всячески поощрялась из-за рубежа международными мусульманскими организациями радикального толка.

В регионе действуют десятки исламистских организаций, крупнейшими из которых являются «Хизб ат-Тахрир аль-Исламий» и Исламское движение Узбекистана (ИДУ), известное также как Исламское движение Туркестана. Упомяну также такие организации, как «Акромийя», «Адолат уюшмаси», «Исламлашкорли», «Нур», «Товба», «Узун Сокол», «Маарифатчитлар», «Такфирширлар» (Узбекистан), Исламская партия Восточного Туркестана, Объединенный революционный фронт Восточного Туркестана, «Джунуд Алла» (Казахстан), «Байат» (Таджикистан). В Таджикистане на легитимной основе действует Партия исламского возрождения Таджикистана. Однако большинство исламистских организаций Центральной Азии — это малочисленные группы, даже кружки.

Ячейки ХТИ и ИДУ существуют на территории практически всех центральноазиатских государств, в наибольшей степени они сосре-

---

²⁰ Современный терроризм: взгляд из Центральной Азии / Friedrich Ebert Stiftung. — Алматы, 2002. — С. 140.

доточены в Ферганской долине — в Наманганской, Ферганской, Андижанской областях Узбекистана, Ошской, Джалал-Абадской, Баткенской областях Киргизии и Согдийской области Таджикистана. В Казахстане до 2011 г. активность исламистов была незначительна и ограничивалась южными и юго-восточными районами. Однако теперь ситуация меняется, и, по мнению казахстанского исследователя Досыма Сатпаева, республика начинает превращаться в «тыловую базу» боевиков, где они могут укрываться, чтобы «подлечить раны»²¹. Весной 2011 г. в Актобе произошли два взрыва, которые, как считают органы безопасности, были организованы исламистами или при их участии²². В октябре 2011 г. в Атырау произошел еще один взрыв, ответственность за который взяла на себя организация «Джунуд Алла» («Воины Аллаха»), заявившая, что ее действия — ответ на принятый в 2011 г. в Казахстане закон о религии, в котором, в частности, запрещается пятикратная молитва в государственных учреждениях, и если соответствующая статья закона не будет отменена, последуют новые теракты. Спустя несколько дней произошел еще один теракт, на этот раз на юге республики, в Таразе, унесший несколько жизней. По мнению эксперта из Алматы Николая Кузьмина, особенность ситуации в Казахстане состоит в том, что «...экстремизм не распространяется по стране из какого-то одного центра... Теракты могут произойти в любом городе, и здесь нет региональных особенностей»²³. Безусловно, в Казахстане не пустили глубокие корни ИДУ и ХТИ, однако некоторое число ячеек обеих организаций все же сформировалось — их членами являются как узбеки, так и казахи. Интересно, что экстремисты печатают свои листовки на русском языке, рассчитывая на «интернациональную аудиторию».

Среди некоторых казахстанских аналитиков сложилось мнение, что одной из причин активизации исламских экстремистов стало влияние и проникновение в Казахстан исламистов из России, для которых он стал «потенциальным плацдармом для открытых проповедей»²⁴. Даже учитывая, что такое суждение содержит некоторое преувеличение, нельзя не признать наличие своего рода обратной связи между российскими и казахскими радикалами, что может

---

²¹ *Сатпаев Д.* Казахстан хотят превратить в тыловую базу джихада // <http://Svpressa.ru/politic/article/38858>.

²² <http://Pravda.ru/world/formerussr/other/05-08-2011/1086689-wahhab-0/>.

²³ Рост угрозы исламизма в Казахстане? // Inst. for War & Peace Reporting. — 2011. — Nov. 14.

²⁴ *Ибрагимова З.* Отечественный террор-продукт // Оазис [Алматы]. — 2011. — № 22 (162). — Ноябрь. — С. 2.

оказать воздействие и на Казахстан, и на граничащие с ним регионы России.

Поскольку в обозримом будущем кардинальных социально-экономических и политических перемен в Центральной Азии не ожидается, исламизм надолго сохранится на региональной площадке и скорее всего в зависимости от ситуации будет активизироваться, оставаясь силой, с которой придется считаться всем местным режимам и их зарубежным партнерам.

Опыт показывает, что подавить исламистов только силовыми методами невозможно; либерализация же режима открывает для них возможность использовать демократические институты, прежде всего выборы, на которых они способны добиваться значительных успехов. Наконец, в некоторых центральноазиатских странах при определенной расстановке сил они вполне могут участвовать в правительственных коалициях. Таким образом, исламизм в Центральной Азии — перспективная политическая и де-факто легитимная сила, не считаться с которой уже невозможно, особенно принимая во внимание успех исламистов в ходе арабских революций 2011 г., их последующие политические успехи и приход к власти в ряде стран.

Москва, очевидно, готова к тому, чтобы поддерживать отношения с любым, в том числе исламистским (или коалиционным с участием исламистов) режимом. Появление же такого рода режимов в Центральной Азии в перспективе не исключено. Тем более что «исламизм способен формулировать свою внешнюю стратегию, которая отличается от идеологических лозунгов»²⁵, и его адепты, особенно умеренного толка, сами оказываются готовы к компромиссам.

Для России появление исламистов в составе властных структур не станет чем-то экстраординарным. У Москвы есть опыт общения с палестинским ХАМАСом, ливанской «Хизбаллой», египетскими «Братьями-мусульманами». Наконец, умеренные исламисты стоят у власти в Турции, с которой у России установились весьма дружественные отношения. Таким образом, сам по себе феномен исламизма не есть априори препятствие на пути развития отношений между Россией и государствами Центральной Азии. Точно так же Соединенные Штаты, как и некоторые европейские страны, вступили в диалог с исламистами Ближнего Востока и Южной Азии включая талибов. «Москва подозревается в подпольных информационных связях

---

²⁵ Roy O. The Foreign Policy of the Central Asian Islamic Renaissance Party: A Paper from Muslim Politics Project. — New York, 1999. — P. 26.

с ИДУ»²⁶. Последнее трудно доказать, но и полностью опровергнуть такую информацию также невозможно.

Не являясь реальной опасностью непосредственно для России, исламисты представляют угрозу для ее союзников в регионе. В Центральной Азии сформировалось пусть и не консолидированное, но активное экстремистское направление, прибегающее в своей борьбе к террористическим методам и способное на ограниченные военные действия. В 1999 г. экстремисты совершили теракт в Ташкенте против президента Каримова, в 1999 и 2000 гг. исламистские группировки общей численностью 200–300 бойцов врываются на территорию Киргизии. В 2004 г. смертники произвели взрывы в Ташкенте и Бухаре — ответственность за них взяла на себя группа «Жамаат аль-джихад». В 2005 г. произошло организованное группой «Акрамие» и длившееся несколько дней восстание в Андижане. В 2006 г. боевики из ИДУ совершили нападения на пограничные посты в Баткенской области Киргизии.

Центральноазиатские авторитаристы объявляют главным источником исламистской угрозы афганских талибов, без чьей помощи местная оппозиция не прожила бы и дня. Они отказываются признавать, что основной причиной протестного исламского радикализма являются их собственные провалы во внутренней политике. Власти культивируют страх перед радикальным исламом, выставляя себя в качестве единственной силы, способной противостоять дестабилизации.

Однако исламизм появился и получил распространение в регионе еще до прихода к власти «Талибана» в 1996 г. Непосредственно с талибами не связаны ни гражданская война в Таджикистане, ни события 1991 г. в узбекском Намангане, когда вышедшие на митинг мусульмане из движения «Адолат» призывали к провозглашению ислама государственной религией. Уже тогда деятельность «Адолата» и его союзников «приняла неуправляемый характер»²⁷.

Сотрудничество между талибами и исламскими оппозиционерами невозможно отрицать. Члены ИДУ, ХТИ, других радикальных организаций обучаются в лагерях на территории Афганистана, некоторое количество талибских эмиссаров действует в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии, имеет место и финансовая подпитка, хотя ее роль

---

²⁶ *Rashid A. Jihad: The rise of militant Islam in Central Asia.* — [S. l.]: Yale Univ., 2002. — P. 231.

²⁷ *Абдуллаев Е. В., Колесников Л. Ф.* Ислам в современном Узбекистане // *Узбекистан: обретение нового облика.* — Т. 1 / Рос. ин-т стратег. исслед. — М., 1998. — С. 253.

не столь значительна. У талибов и центральноазиатских исламистов есть общая черта — стремление к созданию исламского государства.

В то же время конкретные цели исламистов различаются. Одни концентрируются на формировании национального исламского государства в Узбекистане и Таджикистане, другие больше рассуждают о региональном халифате, ядром которого должна стать Ферганская долина. Но те и другие стоят за утверждение законов шариата. Нет полного единства и в афганской оппозиции: пуштуны настроены на создание исламского государства в самом Афганистане, пакистанцы, а также группы, связанные с арабами, призывают к образованию трансграничного исламского государства. «Исламские интернационалисты» составляют среди талибов меньшинство, но именно они образуют непримиримое крыло «Талибана» и являются главными противниками натовской коалиции и правительства Хамида Карзая.

Неизбежные, хотя далеко не ясные перемены в Афганистане прямо и косвенно будут сказываться на состоянии дел в регионе и на отношении к этому России. Российский аналитик Дина Мальшева, рассуждая об афгано-центральноазиатских коллизиях, рассматривает два основных сценария — пессимистический («Талибан-2») и оптимистический («Мирный Афганистан»). Первый сценарий предполагает «погружение Афганистана в гражданскую междоусобицу», что повлечет за собой «распространение боевых действий гражданской войны... на территорию... центральноазиатских государств». Второй отвечает интересам Центральной Азии — «реализация программы национального примирения и реинтеграции... в результате чего местная власть обретет способность самостоятельно поддерживать стабильность»²⁸.

Думается, последовательная реализация какого-либо одного из этих сценариев в ближайшее десятилетие невозможна — внутренний конфликт в Афганистане начался с момента свержения в 1973 г. короля Мухаммеда Захир-шаха, длится свыше тридцати лет, и каким будет его *окончательное* завершение, сказать нельзя. Настроенный оптимистично в отношении перспектив разрешения конфликта американский исследователь Жиль Дорронсоро отмечает «комбинацию двух имеющих критическое значение проблем, которые угрожают подрыву миссии возглавляющих коалицию в Афганистане Соединенных Штатов: провал борьбы против повстанцев и разрыв между по-

---

²⁸ Мальшева Д. Центральная Азия в контексте афганской ситуации // Мировая экономика и междунар. отношения. — 2011. — № 5. — С. 3–16.

литическими целями и военными операциями»²⁹. Выход из данного тупика в среднесрочной перспективе невозможен. Поэтому разговоры о выводе войск коалиции (фактически американских, поскольку большинство союзников уже приступило к «эвакуации») идут параллельно с поисками того, каким образом США продолжат свое военное присутствие в Афганистане, — в 2011 г. было принято совместное афгано-американское решение о создании в стране на долгосрочной основе четырех дополнительных американских военных баз. Таким образом, следует исходить из промежуточного сценария, предусматривающего усиление роли талибов и даже их участие в правящей коалиции. В рекомендациях работавшей до 2012 г. авторитетной Региональной сети стратегических исследований Рабочей группы по реинтеграции, восстановлению и примирению в Афганистане неоднократно отмечалась необходимость «перейти от нынешних случайных контактов и обрывочных дискуссий к более формализованному диалогу с “Талибаном”»³⁰. Талибы в Афганистане остаются долгосрочным фактором, следовательно, сохраняется их устойчивое воздействие на ситуацию в Центральной Азии. Кроме того, чем бы ни завершился конфликт, талибы объявят себя победителями хотя бы на том основании, что они противостояли самой могущественной силе в мире.

Любые сценарии, в том числе гипотетический промежуточный, предусматривают американско-натовское присутствие в Центральной Азии под «зонтиком» военной операции в Афганистане, что создает для России «риск утраты своего стратегического преимущества, вытеснения Центральной Азии... из сферы влияния России»³¹.

Каким образом Россия может разыграть афганскую карту, используя ее для поддержания своего влияния в регионе? Очевидно, что Москве выгоднее всего сохранение напряженности в Афганистане. Тем более что непосредственной «исламской угрозы» для СССР и России не существовало никогда — ни во время советской интервенции (1979–1989 гг.), ни после прихода к власти движения «Талибан». Разговоры о «северном походе» талибов на Казань, как и фотомонтаж, на котором афганцы в чалмах и с «калашниковыми» в руках позируют на фоне Мавзолея Ленина на Красной площади,

---

²⁹ *Dorrnsoro G. Afghanistan: the Impossible Transition.* — Washington, June 2011. — P. 1. — (The Carnegies Papers; South Asia).

³⁰ *Reintegration, Reconstruction and Reconciliation: Recommendations from the Region / Regional Network of Strategic Studies Centers Working Group on Reintegration, Reconstitution, and Reconciliation in Afghanistan.* — Kabul, Oct. 2011.

³¹ *Мальшева Д.* Указ. соч. — С. 3–16.

остались журналистским стебом. Зато угроза с юга всегда остается удобным и внушительным поводом для сотрудничества с Россией местных режимов во имя самосохранения. К тому же в конфликте в Афганистане участвуют силы международного терроризма, в том числе «аль-Каида», без чего существование политических блоков, в которых Россия претендует на роль лидера, обесценивается.

Это понимают и центральноазиатские режимы, которые, признавая афгано-исламистскую угрозу, иногда отмечают, что она несколько гипертрофированна. Пугая себя и общество талибами, они вместе с тем не склонны однозначно видеть в этой угрозе повод для усиления российского военно-политического присутствия. Например, в Узбекистане в середине 1990-х годов полагали, что Москва даже преувеличивает угрозу талибов для Центральной Азии, желая уменьшить поток внешних инвестиций в регион³². Доброжелательные отношения сохраняются между талибами и Туркменией, бывший глава которой Сапармурат Ниязов вообще находился с их представителями в постоянном контакте. До 11 сентября 2001 г. на страницах центральноазиатских изданий можно было увидеть целые панегирики в адрес талибов. На контролируемой ими территории «...прекратились вооруженные стычки, грабежи, разбойные нападения... Они стремятся установить в своей стране гражданский мир и согласие»³³. (В частных разговорах с жителями Центральной Азии мне доводилось слышать, что талибы — честные, не берут взятки, что они истинно верующие люди. На мой вопрос, почему при них во много раз возросло производство героина, прозвучал ответ: «Так ведь кушать всем хочется».)

Отношение России к внутренней ситуации в Афганистане так и остается нечетко прописанным. С одной стороны, Москва высказывала и продолжает высказывать понимание и поддержку действиям возглавляемой США коалиции, с другой — избегает реального участия в разрешении афганского кризиса. Пожалуй, единственным конкретным шагом России стало разрешение в 2009 г. транзита через ее территорию военно-технических грузов для поддержания действий коалиции. В 2011 г. через «Северную распределительную сеть» в Афганистан поступало примерно 30% военных и гражданских грузов. Вероятно, впоследствии независимо от того, состоится ли вывод войск коалиции (если да, то он будет замедленным и ограниченным), нагрузка на нее останется очень большой.

---

³² *Rashid A. Op. cit.* — P. 198.

³³ *Джуманалиев Т.* Грозят ли нам талибы? // Наша газ. [Бишкек]. — 1997. — 4 июля.

Но Россия до конца так и не определила степень своего участия в разрешении внутриафганских дел. Очевидно, и впредь ее курс будет сосредоточен на партнерстве в противодействии наркотрафику, участии в реконструкции отдельных, построенных еще в советские времена предприятий, военно-технических поставках, связанных с ремонтом уцелевшего советского оружия. Заявления относительно внимания к ситуации в Афганистане со стороны подконтрольных России ОДКБ и СНГ носят пропагандистский характер. К тому же и НАТО не стремится к сотрудничеству с этими организациями, о чем свидетельствует хотя бы Лиссабонская декларация от 5 декабря 2010 г., из п. 4 которой вытекает, что Альянс не рассчитывает на помощь ОДКБ и ШОС, а это исключает обе организации из процесса афганского урегулирования.

Что касается крупных, рассчитанных на будущее энергетических проектов, которые могут существенным образом способствовать модернизации Афганистана, то и здесь шансы России не особенно высоки. Это касается в том числе ее участия в трансафганском газопроводе, который соединит четыре государства: Туркмению (экспортера газа), Афганистан, Пакистан, Индию. Россия продолжает надеяться, что в лице «Газпрома» она будет участвовать в его строительстве, однако в Ашхабаде на это смотрят скептически, о чем внятно высказался туркменской МИД в 2010 г. после визита в Ашхабад Дмитрия Медведева (Туркмения рассчитывает на иные, нероссийские финансовые источники). Тем более что российское участие не приветствуют ни в США, ни в Европейском союзе, где выступают за диверсификацию энергетических магистралей.

Таким образом, место России в многоугольнике Афганистан — Центральная Азия — Китай — США — Европа — мусульманский мир остается неопределенным. Вряд ли в ближайшие годы эта ситуация изменится.

Как повлияла на обстановку в регионе «арабская весна», каково ее воздействие на те страны, где, как и в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, Сирии, у власти на протяжении десятилетий находятся одни и те же политические «патриархи»? Произошедшие в арабском мире события не оказали сколько-нибудь заметного воздействия на Центральную Азию, как, впрочем, и на Азербайджан и российский Северный Кавказ. Две революции в Киргизии 2005 и 2010 гг. состоялись до арабских восстаний. Сопровождавшиеся кровавыми эксцессами киргизские восстания дали вождям Узбекистана, Казахстана, Таджикистана дополнительный предлог показать своим подданным преимущество стабильности, которую они отождествляют с собственным правлением. В этом контексте сопровождавшаяся потрясениями

«арабская весна» сыграла роль своего рода пугала, как еще раньше им стала (и не без оснований) гражданская война в Таджикистане.

Однако со второй половины 2011 г. ситуация на Ближнем Востоке и в Северной Африке начала меняться. На смену «арабской весне» пришла жаркая «исламская осень». Плодами революций воспользовались исламисты, сумевшие одержать выдающиеся политические победы: в Тунисе в октябре 2011 г. на парламентских выборах уверенную победу одержала исламистская партия «ан-Нахда» (свыше 40% голосов), половину Йемена контролируют близкие к «аль-Каиде» радикальные исламисты, пришедший к власти в Ливии Переходный национальный совет провозгласил создание исламского государства, наконец, в Египте уверенную победу на парламентских выборах одержали «Братья-мусульмане» и еще более радикальная партия «Нур». На Ближнем Востоке ислам победил и полностью легитимировал свое право на участие в политическом процессе.

Здесь можно вспомнить о триумфе в 1978–1979 гг. Исламской революции в Иране, победе на выборах 2005 г. палестинского ХАМАСа, о нахождении с 2003 г. у власти в Турции умеренной исламистской Партии справедливости и развития, об участии исламистов в парламентах большинства мусульманских государств. На этом фоне светские режимы в Центральной Азии парадоксальным образом выглядят чуть ли не своего рода исключением из «мусульманского правила».

Успех религиозных партий в ключевом мусульманском регионе не может пройти бесследно для Центральной Азии, где местные исламисты получили импульс для продолжения борьбы за исламизацию общества и государства. С аналогичной проблемой может столкнуться и Россия, часть мусульман которой видит в событиях в арабском мире подтверждение возможности исламской модели развития.

3. С середины 2000-х годов обозначилось проникновение исламистов из Центральной Азии в Россию. Этот процесс не следует преувеличивать, но в то же время было бы близоруко его игнорировать. О чем идет речь? Прежде всего о том, что граничащие с Центральной Азией регионы России со значительным мусульманским меньшинством — Астраханская, Оренбургская, Курганская, Омская, Тюменская, Томская и некоторые другие области, а также Башкирия — не могут быть религиозно и идеологически изолированными от «южного соседа». В непосредственно граничащей с Казахстаном Оренбургской области есть узкий — 18 км — перешеек (там расположен городок Кувандык), отделяющий «мусульманскую республику» Башкирию от Центральной Азии, следовательно, от остального мусульманского мира. В Атласе мировых религий Башкирия, примыкающий к ней Татарстан и страны Центральной Азии окрашены в общий зеленый «исламский» цвет.

Южная граница России стала вполне проницаемой для религиозного радикализма. Конечно, с одной стороны, проникновение радикалов из Центральной Азии ограничено и не может решительно переломить настроения в мусульманском сообществе России и тем более дестабилизировать (в отличие от «северокавказского ислама») политическую ситуацию, с другой — оно методично нарастает, в частности, из-за нестабильности на Северном Кавказе и растущего интереса молодых российских мусульман к салафитскому исламу.

Главным внутренним источником исламского радикализма в России остается Северный Кавказ. Однако соответствующие настроения присутствуют и в Татарстане (в Набережных Челнах, Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе), Башкирии (в Агидели, Баймаке, Октябрьском, Сибее, Уфе), в целом в Поволжье — в Нижегородской, Самарской, Саратовской, Ульяновской областях, Мордовии, а также в географически близких к мусульманскому Кавказу южных регионах России. Небольшие, по 5–15 человек, кружки радикалов состоят из российских граждан — татар, башкир, выходцев с Северного Кавказа (т. е. внутренних мигрантов).

Распространению радикализма способствует поток выходцев из Центральной Азии, среди которых все чаще встречаются носители радикальных взглядов. В 2000-х годах этнический состав исламистов в России благодаря этим мигрантам стал более интернациональным. Это типично для Южного Урала и Южной Сибири, в частности, для Курганской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Челябинской, Тюменской областей, а также для Дальнего Востока.

Миграция — один из важных факторов, влияющих на отношения между Россией и Центральной Азией. Точное количество мигрантов оттуда неизвестно, поскольку большая их часть проникает в Россию нелегально. Количество мигрантов из Киргизии по разным оценкам колеблется от 400 тыс. до 1 млн (по данным киргизского МВД — 500 тыс.), гастарбайтеров из Узбекистана — от 600–700 тыс. до 1–2 млн³⁴. Таджикская исследовательница Саодат Олимова приводит цифры от 800 тыс. до 2 млн³⁵. По словам же министра внутренних дел Узбекистана Баходира Матлюбова, в 2007 г. в России работали

---

³⁴ Цит. по: *Садовская Е.* Казахстан в Центральноазиатской миграционной подсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / Под ред. Ж. А. Зайночковской и Г. С. Витковской. — М.: Адамант, 2009. — С. 21.

³⁵ *Олимова С.* Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии // Адаптация трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. — М., 2006. — С. 47.

220 тыс. узбекских гастарбайтеров³⁶. Неизвестно и число приезжающих на работу в Россию таджиков. В ноябре 2011 г. «Новая газета» предложила сразу три варианта — 1, 1,5 и 2 млн человек³⁷.

Миграция из Центральной Азии — следствие местных кризисов, безработицы, малоземелья, нехватки воды. Примечательна динамика соотношения населения России и совокупного населения стран, являющихся основными поставщиками мигрантов (Киргизии, Таджикистана и Узбекистана). В 2010 г. население России составило 141,9 млн человек, а названных трех стран — 41 млн. В 2025 г. прогнозируется соответственно 140,8 и 51 млн, в 2050 г. — 126,7 и 62 млн³⁸.

Миграция привязывает Таджикистан, Киргизию и Узбекистан к бывшей метрополии. Из Узбекистана на работу выезжают (преимущественно в Россию) до 33% трудового населения, а денежные переводы мигрантов составляют от 15% до 59% ВВП³⁹. Согласно статистике Центрального банка России общий объем перечислений от таджикских мигрантов в 2010 г. составил 2,2 млрд долл. при объеме ВВП Таджикистана 5,6 млрд долл.⁴⁰ В 2011 г. таджикские мигранты перевели на родину 2,96 млрд. долл., что на 444 млн больше, чем в рекордном 2008 г. Эти поступления составили 45,5% ВВП страны⁴¹.

Влияние миграции на отношения между Россией и ее южными соседями противоречиво. Миграция способствует укреплению контактов между российским и центральноазиатским сообществом, но одновременно является фактором взаимного раздражения и отторжения. В российском обществе отношение к мигрантам в основном негативное, что способствует росту националистических настроений. Причем если раньше раздражение вызывали в первую очередь выходцы с Кавказа, то теперь оно распространилось на уроженцев Центральной Азии. В России действуют десятки националистических организаций, требующих высылки мигрантов из страны. Регулярно совершаются отличающиеся особой жестокостью убийства мигрантов. Так, в конце 2008 г. небольшая ультраправая группа убила уроженца Центральной Азии, отрезала ему голову и подбросила ее в

---

³⁶ Садовская Е. Указ. соч. — С. 290.

³⁷ Новая газ. — 2011. — 14 нояб.

³⁸ Подсчитано по: World Population Date Sheet: 2010 / Population Reference Bureau // <http://www.prb.org>.

³⁹ Сказано Еленой Садовской на семинаре «Закат трудовой миграции», Бишкек, 18–19 мая 2009 г.

⁴⁰ Сергеев Н. Таджикская истерия: уроки на будущее // Независимая газ. — 2011. — 30 нояб.

⁴¹ http://Slon.ru/Russia/denezhnye_perevody_v_Tadzhikistan_pobili_rekird_2008_goda_i_dru.

районную управу, пообещав впоследствии перенести террор на чиновников, если те не будут давить на иммигрантов⁴². По словам министра внутренних дел России Рашида Нургалиева, в стране открыто 7,5 тыс. экстремистских сайтов, проповедующих ксенофобию. По данным авторитетного Левада-Центра, доля людей, поддерживающих идею «Россия для русских», в 1994 г. составляла 13%, в 1998 г. — 33%, в 2002 г. — 55% и с тех пор никогда не опускалась ниже 50%⁴³.

В июле 2010 г. возглавляемая Владимиром Жириновским Либерально-демократическая партия предложила ввести запрет на трудовую миграцию из стран, где законодательно не ограничен рост рождаемости (прямое указание на Центральную Азию). Главный лозунг этой партии на парламентских выборах в декабре 2011 г. — «Мы за русских!».

Власти относятся к мигрантам неоднозначно, понимая, что в нынешней демографической ситуации без постоянного притока рабочей силы в стране не обойтись. Тем более что 10–12% российского ВВП создается мигрантами⁴⁴. Федеральная и местные администрации решают две задачи — легализации мигрантов и их адаптации.

Проблемой мусульманской миграции озаботилась и Русская православная церковь. Глава Синодального отдела по взаимодействию Церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин отметил недостаточную действенность государственной политики в сфере адаптации мигрантов.

Ежегодно в Россию прибывают 2 млн мигрантов, из них официально устраиваются 300 тыс., всего же в стране 12–15 млн иностранцев, но лишь каждый десятый имеет легальную работу⁴⁵. В 2007 г. Федеральная миграционная служба провела акцию по легализации мигрантов, въехавших в Россию до 15 января 2007 г. Это касалось только граждан СНГ, занятых в тех сферах трудовой деятельности, где есть дефицит рабочей силы. За полтора месяца было легализовано 200 тыс. человек, тогда как численность «официальных» мигрантов только из Узбекистана составила 344,6 тыс. против 111 тыс. в 2006 г.⁴⁶

---

⁴² *Кожеевникова Г.* Под знаком политического террора // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2009 году. — М.: Сова, 2010. — С. 11.

⁴³ *Паин Э.* Предварительные итоги эволюции национального вопроса в России // Россия 1992–2008: итоги трансформации / Алтайский форум. — М., 2009. — С. 133.

⁴⁴ Сказано Еленой Садовской на семинаре «Закат трудовой миграции», Бишкек, 18–19 мая 2009 г.

⁴⁵ *Самарина А.* Гастарбайтеры не поделили рабочие места // Независимая газ. — 2011. — 25 июля.

⁴⁶ *Максакова Л.* Узбекистан в системе международных отношений // Демоскоп weekly. — 2010. — № 415–416. — 22 марта–4 апр. (<http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/print.php>).

Очевидно, что механизм легализации мигрантов недостаточно отработан.

Одновременно во многих регионах России регулярно проводятся операции под кодовым названием «Нелегальный мигрант», в ходе которых задерживают и высылают из страны сотни таджиков и узбеков. В 2011 г. такие операции прошли в Горно-Алтайске, в Свердловской области. В Москве в 2011 г. развернулась борьба с созданными преимущественно таджиками незаконными «городками» — своеобразными поселениями, обитатели которых живут в заброшенных домах, землянках, договариваясь с местными властями об электро- и водоснабжении, связи. В этих «городках» имеются собственные администрация и медицинская система. Несколько таких поселений было разгромлено полицией, однако главы общин уверяли журналистов, что обязательно найдут другое аналогичное место жительства. Можно сказать, что борьба российских властей против нелегальной миграции скорее представляет собой паллиатив, тогда как ситуация продолжает обостряться.

Вторым направлением, как отмечалось, является адаптация мигрантов, но здесь практически все сводится к разговорам о необходимости овладения ими русским языком. Языковой вопрос актуален в первую очередь для выходцев из Центральной Азии. Многие таджики и узбеки, особенно молодые, слабо владеют русским, писать умеет меньшинство. По данным Центра миграционных исследований, только 50% мигрантов смогли заполнить официальные документы на русском языке, а каждый третий вообще не владел им⁴⁷. Директор Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский заявил: «Знание русского языка создает условия для безопасности и комфорта. Если выходец из центральноазиатской республики не знает ни слова по-русски, как он поймет команду “Стой, стрелять буду!”?»⁴⁸. В августе 2011 г. его ведомство предложило принять закон об обязательном знании русского языка для трудовых мигрантов.

В ноябре 2011 г. Госдума приняла поправку к закону «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», которая обязывает мигрантов, занятых в торговле, жилищно-коммунальном хозяйстве и сфере обслуживания, знать русский язык. В 2010 г. в России сертификат о прохождении государственного тестирования по

---

⁴⁷ *Сергеев Н.* Таджикская истерия: уроки на будущее // Независимая газ. — 2011. — 30 нояб.

⁴⁸ *Свой среди чужих: Интервью Константина Ромодановского Дмитрию Серкову // Итоги.* — 2011. — 24 окт. — С. 37.

русскому языку получили более 3,5 тыс. человек, тогда как в том же году в России работали 1247 тыс. иностранцев⁴⁹.

Трудность, однако, заключается в том, что, во-первых, совершенно непонятно, где и как мигранты из Центральной Азии будут обучаться русскому языку (перед приезжими из Молдавии, Украины и Белоруссии этот вопрос не стоит, ибо там почти все говорят по-русски), а во-вторых, насколько сами гастарбайтеры в этом заинтересованы. Мигранты не проявляют стремления к овладению русским языком. Они приезжают в Россию работать, а не тратить время на учебу. Нескольких десятков слов оказывается вполне достаточно, чтобы выполнять несложную работу. К тому же среди них обязательно есть люди (мастера) среднего и старшего возраста, которые вполне сносно объясняются по-русски и служат переводчиками при возникновении затруднений. Что касается тех, чья цель состоит в том, чтобы остаться в стране и принять впоследствии российское гражданство, они в большинстве уже владеют русским языком, имеют профессию, заводят собственный бизнес и отдают детей в обычные школы. Так что проблема русского языка не представляется сверхактуальной. Мигранты будут учить его по мере возникновения потребности в этом.

Обучение русскому языку практически не вышло из стадии благих пожеланий: нет ни соответствующих мест, ни преподавателей. Федерация независимых профсоюзов предложила создать два центра для мигрантов в местах, где их насчитываются десятки тысяч. Но пока эта идея остается нереализованной. В Таджикистане говорят о возможности организации таких курсов в самой республике, но и там дальше разговоров дело не пошло.

Мигранты из Центральной Азии чаще всего приезжают группами, селятся компактно, во главе каждой группы стоит руководитель, который, как правило, проживает в России постоянно (некоторые принимают российское гражданство). Старший по общине не только устанавливает связи с работодателями, находится в постоянном контакте с местными властями (включая правоохранительные органы) и отвечает за подопечных, но зачастую выполняет функции имама. В последнее время среди имамов встречаются члены «Хизбат-Тахир». Членами этой партии оказываются и простые мигранты. В ячейки ХТИ вовлекаются российские мусульмане. Бывают обратные случаи, когда мусульмане-мигранты входят в состав радикальных групп, уже созданных местными правоверными — татарами, кавказцами. Например, в Тюменской области ячейка ХТИ сотрудничала с местной

---

⁴⁹ Лемуткина М. Закон для сантехников // Моск. комсомолец. — 2011. — 23 нояб.

молодежной мусульманской организацией «аль-Ихсан»⁵⁰. Российская полиция располагает информацией о том, что кружки ХТИ действуют в Приволжском и Центральном федеральных округах, в Сибири. Еще в 2004 г. глава МВД Рашид Нургалиев констатировал, что ХТИ «пустила ростки в России»⁵¹. В апреле 2008 г. директор ФСБ Николай Патрушев отмечал, что ХТИ и ИДУ перенесли свою деятельность в Уральский регион⁵². Группы эти не структурированы, активность их членов ограничена. На Урале, в Западной Сибири, а также в Поволжье они читают и по мере сил распространяют печатный орган ХТИ «аль-Ва'и», а также листовки на русском языке, в которых излагается позиция партии. Одна из таких листовок называлась «Чеченская республика. Как она возродила ислам в душах людей». В 2004 г. ФСБ задержала участников кружка ХТИ в Тюмени, в 2005 г. — в Башкирии, в 2006 г. — в Красноярске. В Татарстане, по данным местного МВД, в 2011 г. члены ХТИ совершили шесть преступлений. Министр внутренних дел Татарстана Асгат Сафаров считает, что подъем религиозного экстремизма напрямую связан с ростом мусульманской миграции. По его мнению, «необходимо ужесточить миграционный контроль за прибывающими из республик Кавказа и Средней Азии и при взаимодействии с миграционными службами и органами местного самоуправления проверить всех гостей досконально — откуда пришли, какую веру исповедуют»⁵³.

В ряде областей пропагандисты из Центральной Азии пытаются использовать в своих целях местные мечети и медресе, прежде всего те, которые были известны радикальной ориентацией: в Астраханской области это Белая (Гилянская) мечеть, в Самарской области — Историческая мечеть, на территории Уральского федерального округа — мечети «Рахман» и «аль-Бухари», мечеть при Институте им. Имама Фахретдинова в Альметьевске (Башкирия), мечеть в Нижнекамске (Татарстан). Уроженцы Центральной Азии были замечены вокруг мечети и медресе Бугуруслана в пограничной с Казахстаном Оренбургской области. По информации правоохранительных органов, в этом медресе велась подготовка боевиков: шесть человек, участвовавших в

---

⁵⁰ Черепанов М. С. Мусульманское сообщество в политическом поле региона: структурно-генетический анализ стратегий активистов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Пермь, 2010.

⁵¹ Newsru.Com. — 2004. — 30 нояб.

⁵² Террор и ответные действия: анализ и мониторинг / Исслед. центр Agentura.ru. // <http://www.agentura.ru/?col=118id=1114442640>.

⁵³ В Татарстане будут применять жесткие меры к бандитско-салафитским группировкам // Интерфакс — 2012. — 25 янв. (<http://www.interfax-religion.ru/islam/?act=news&div=43924>).

терактах в Москве (захват театра на Дубровке в 2002 г.) и Беслане (захват в 2004 г. в заложники и уничтожение школьников), проходили обучение в этом медресе⁵⁴. В октябре 2011 г. группы террористов в составе четырех-шести человек проникла из Казахстана в Челябинскую область с целью совершения терактов в Снежинске, Озерске, Трехгорном, где расположены российские ядерные объекты.

В 2011 г., по словам заместителя председателя Духовного управления мусульман Европейской части России Дамира Мухетдинова, 7–8% должностей имам-хатыбов в российских мечетях занимают натурализовавшиеся в России мигранты из Таджикистана⁵⁵, что является прямым свидетельством их авторитета среди российских мусульман и одновременно вызывает настороженность у структур, надзирающих за исламом.

Отдельно упомяну мусульман из Центральной Азии, которые налаживают связи с радикалами Северного Кавказа. За последние десять лет эти связи стали сравнительно регулярными, хотя и не очень обширны. Сотни узбеков, чеченцев, дагестанцев проходили военную подготовку в лагерях афганских талибов⁵⁶, где наряду с религиозным образованием и воспитанием культивировалась ненависть (замечу, в немалой степени обоснованная) к России. Узбеки и таджики, пусть и в очень небольшом количестве, действовали в отрядах экстремистов в Дагестане и Чечне. Те из них, кто имел приобретенный в Афганистане или на родине боевой опыт, выступали в роли инструкторов.

В то же время боевики из Центральной Азии прибывали на Северный Кавказ по личной инициативе, и сотрудничества между ними и местными исламистами на уровне структур не отмечалось. Так, у северокавказских «ваххабитов» отсутствовали связи с ХТИ, а появление ее членов в регионе было отмечено лишь в самом конце 2000-х годов. Зато в феврале 2011 г. в столице Дагестана Махачкале по обвинению в участии в террористической деятельности были задержаны два гражданина Казахстана. Известны и «зеркальные» случаи, когда исламисты из России действовали на территории Центральной Азии, в част-

---

⁵⁴ Успех зависит от каждого: Интервью начальника Управления ФСБ России по Оренбургской области Харуна Карчаева // Первая редакция [Оренбург]. — 2008. — 8–14 марта.

⁵⁵ <http://www.islamrf.ru/news/russia/rusnews/18306>ISLAMRF.RU>. Замечу, что глава Союза таджикской молодежи в России Иззат Амон в интервью радио «Озоди» («Свобода») говорил о 80% имамов-таджиков, но эти данные не соответствуют действительности.

⁵⁶ Об «исламском интернационале» в талибских лагерях подробно рассказывает прошедший через них марокканский «талиб» Омар Насири. См.: *Nasiri O. Inside Jihad: My Life with Al Qaeda: A Spy's Story / Introduction of G. Corera.* — New York: Basic Books, 2006.

ности, в Таджикистане. В 2009 г. из местной тюрьмы сбежали 25 (по другим данным 40) человек, среди которых были кавказцы, тотчас же присоединившиеся к сражавшимся против режима Рахмона местным боевикам.

Между российскими и центральноазиатскими спецслужбами налажена тесная кооперация в борьбе против исламских радикалов. Задерживаемые в России члены ХТИ, ИДУ, других организаций выдаются соответствующим странам. С другой стороны, имели место случаи, когда под видом экстремистов центральноазиатским властям выдавались деятели оппозиции.

В начале 2010-х годов «исламизация» мигрантов стала сказываться на обстановке в регионах, где их количество особенно велико. Прежде гастарбайтеров-мусульман отличала индифферентность к исламу: они нарушали пищевые запреты, в том числе на употребление алкоголя, далеко не все соблюдали трехкратную (а тем более пятикратную) молитву, пост в месяц Рамадан. Все они, и молодые, и люди старшего поколения, объясняли это условиями жизни, при которых для соблюдения исламских обычаев нет ни времени, ни условий. Некоторые даже не подозревали о существовании в Москве мечетей.

Однако постепенно ситуация менялась, и мигранты все больше проявляли религиозность. Это связано прежде всего с формированием их обособленной среды с собственными нравами, менталитетом и идеологией (правда, бытует и мнение, что мигранты из Центральной Азии предрасположены не только к более строгому соблюдению норм ислама, но и к алкоголизму⁵⁷). Мигранты обитают в инокультурном, становящемся все более враждебном им окружении. Перед лицом неприязни ради защиты своих интересов мигранты ощущают необходимость в сплочении. В этих условиях одним из консолидирующих факторов становится ислам. В Россию приезжает все больше молодежи, родившейся после распада СССР, и для этих людей все связанное с прежней эпохой не имеет особого значения.

О том, что ислам играет в жизни мигрантов все большую роль, свидетельствует рост числа прихожан в российских мечетях, особенно в Москве⁵⁸. В 2010 и 2011 гг. количество мусульман, пришедших в Московскую соборную мечеть в праздник Курбан-байрам, составило соответственно 70 и 80 тыс., среди них преобладали выходцы из Центральной Азии и с Кавказа. Толпы мусульман создали пробки

---

⁵⁷ Study of migration commissioned by UNDP Kyrgyzstan. — [S. l.], 2007.

⁵⁸ В 2011 г. старое, построенное в 1905 г. здание мечети по причине обветшалости было по указанию председателя Совета муфтиев России Равиля Гайнутдина снесено, и ведется строительство нового храма, но верующие все равно собираются на старом месте.

на улицах, перекрывали подходы к домам, жители которых вынуждены были в прямом смысле переступить через головы молящихся. Раздражение (и даже отвращение) вызывают у горожан акты жертвоприношений, когда животных забивают на глазах у прохожих. Неприязнь обращена именно на пришлых, а не на коренных мусульман, по большей части татар, давно выработавших консенсусное поведение в славянской среде и не выделяющихся среди прочих жителей. Мусульмане-мигранты вызывают раздражение и у татарских единоверцев.

Муфтий Москвы и Центрального региона Альбир Крганов признал, что российские духовные структуры не способны контролировать «обучение мигрантов исламу в молельных домах, на рынках, в квартирах»⁵⁹. А Равиль Гайнутдин, отметив, что в России необходимо организовывать «центры мусульманской культуры, объединяющие функции правовой помощи мигрантам, обучение русскому языку, российским обычаям и традициям», предложил создать Консультативный совет муфтиев СНГ. Гайнутдин говорит, что «мигранты нужны России из-за морального разложения русских»⁶⁰.

В связи с наплывом мигрантов в столице встал вопрос о строительстве новых мечетей (сегодня их в Москве всего пять). Он остается нерешенным, и дальнейшее обострение в связи с этой проблемой вполне возможно. Периодически поднимается вопрос о создании «национальных» (азербайджанских, аварских, чеченских и пр.) мечетей. Однако пока в России существует лишь одна таджикская мечеть, открытая в 2011 г. во Владивостоке⁶¹.

Осенью Россию — Москву, Сибирь, Поволжье, Дальний Восток — посетил глава Партии исламского возрождения Таджикистана Мухиддин Кабири. Накануне на ее IX съезде в сентябре 2011 г. Кабири отметил, что она «перестала быть республиканской партией и вызывает симпатии трудовых мигрантов в России, выходцев из Средней Азии»⁶². Среди мигрантов-таджиков действительно немало членов этой партии. Кроме того, глава общественного движения «Таджикские трудовые резервы» Каромат Шарипов заявил, что создает некую Мусульманскую партию России⁶³ (предпринял ли он конкретные шаги в этом направлении, пока неизвестно).

---

⁵⁹ Авторская запись заседания Общественной палаты от 17 ноября 2011 г.

⁶⁰ <http://www.poliformus.ru/internal/1292624419.html>.

⁶¹ Радио Озоди («Свобода»), 26 августа 2011 г.

⁶² Мельников А. Миграция политического ислама // НГ-Религии. — 2011. — 10 мая.

⁶³ Сергеев Н. Таджикская истерия: уроки на будущее // Независимая газ. — 2011. — 30 нояб.

Мухиддин Кабири говорил о «мягкой исламизации». Сам термин выглядит вполне нейтрально и даже академично. Но в этой связи можно вспомнить, что впервые он появился в связи с обстановкой на Северном Кавказе и был предложен российским исламоведом Ахмедом Ярлыкаповым⁶⁴. «Мягкая исламизация» в конечном счете приводит к архаизации социума, к инкорпорации исламских поведенческих нормативов, призывам соблюдать разного рода религиозные правила и запреты.

Мусульманская миграция, давно ставшая внутривосточным фактором жизни российского общества, все более оказывается также и аспектом межконфессиональных отношений. Мусульманская иммиграция в России приобретает все больше общих черт с мусульманской иммиграцией в Европе. Но это уже тема компаративистского исследования, которое еще предстоит провести.

Показательно, что российские политики, говоря о количестве мусульман в России, называют цифру 20 млн, тогда как число мусульман — граждан России, очевидно, немного превышает 15 млн⁶⁵. Иными словами, присутствие мусульман в России рассматривают совокупно, не разделяя их на «своих» и «пришлых». Думается, оценка в 20 млн более справедлива и разумна, поскольку именно она позволяет правильнее понять значение исламского фактора в стране.

Политически и идеологически российский истеблишмент не воспринимает Центральную Азию как полноценный сегмент мусульманского мира. Отношение к ней в основном как к бывшему советскому пространству содержит в себе множество издержек и является тупиковым. Спустя более двух десятилетий после распада СССР Москва исходит из двойной аффилиации региона — остаточной, советской, и новой, мусульманской. Замечу, что сходное видение свойственно Европе, США, а также Китаю, где Центральная Азия рассматривается и как постсоветский реликт, и как неотъемлемая часть мусульманской ойкумены, особенно когда речь заходит о присутствии там исламского радикализма, который рассматривается едва ли не как главная черта цивилизационной принадлежности региона.

Центральная Азия выпадает из российской стратегии отношений с остальным мусульманским миром как глобальным политическим субъектом. (Признавая аморфность мусульманского мира, нельзя тем не менее игнорировать и его субъектность. Президент США Ба-

---

⁶⁴ О том, как это происходит, Ахмед Ярлыкапов неоднократно описывал, выступая на конференциях, а также рассказывал мне в частных беседах.

⁶⁵ См.: Малащенко А. Ислам для России / Моск. Центр Карнеги. — М.: РОС-СПЭН, 2007. — С. 10.

рак Обама в речи, произнесенной в Каирском университете 4 июня 2009 г., говорил о «напряженности между Соединенными Штатами и мусульманами» и о «партнерстве Америки и ислама»⁶⁶.) Главным направлением политики Кремля в отношении с мусульманским миром является стремление продемонстрировать «промежуточное» положение России между ним и Западом, стремление сыграть роль моста, своего рода посредника. Свидетельство тому — политика России в отношении Ирана. В 2012 г. это было четко продемонстрировано на примерах ситуации вокруг Ливии и Сирии. В мою задачу не входит судить, насколько это посредничество успешно.

Ислам как фактор, влияющий на отношения России со странами региона, долгое время рассматривался лишь в контексте общих задач борьбы против религиозного радикализма. На этом направлении было достигнуто взаимопонимание, и можно сказать, что исходящая от радикализма угроза была фактором сближения между Москвой и режимами Центральной Азии.

Постоянно велись и продолжают звучать разговоры о неких общих — исторических и квазисоветских — ценностях, о евразийстве, включающем межконфессиональный православно-мусульманский диалог.

Однако в последнее десятилетие трансформация центральноазиатских обществ в сторону большей традиционализации, усиление религиозной идентичности, роли ислама как регулятора социальных отношений, использование его властями в качестве инструмента внутренней политики, наконец, укрепление «исламского вектора» в политике внешней приводят к отдалению региона от бывшей «метрополии». Этот процесс, который наиболее характерен для Узбекистана, Таджикистана и в меньшей степени для других стран, требует некоторого переосмысления отношений между Россией и Центральной Азией в будущем.

---

⁶⁶ The New York Times. — 2009. — June 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

КТО БРОСАЕТ ВЫЗОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ?

О соперничестве и сотрудничестве России с другими внешними акторами написаны сотни книг и тысячи статей. Поэтому в заключении к этой книге я хочу по возможности сократить количество банальностей и попытаться сказать что-то относительно новое, хотя это и нелегко.

С какими внешними вызовами сталкивается Россия в Центральной Азии? Три главных вызова — китайский, американский и исламский.

Китайский вызов формально ограничивается финансовым и экономическим проникновением в регион, которое превратилось в настоящую экспансию. Китай помогает создавать разветвленные транспортные, энергетические инфраструктуры, которыми он привязывает к себе Центральную Азию, одновременно обеспечивая свое продвижение в западном направлении, в Европу. При этом он действует на «российском поле», поскольку Россия сама претендует на создание под своей эгидой региональных инфраструктур (Китаю при реализации его проектов удастся сдерживать бандитскую постсоветскую коррупцию, что является еще одним «китайским чудом»).

Действия Китая можно уподобить заселению в дом нового богатого жильца, постепенно оккупирующего квадратные метры, на которых хозяйствует ранее обосновавшийся здесь постоялец. Можно согласиться с мнением, что Китай вообще относится к России с некоторым пренебрежением. «Хотя открыто об этом никогда не говорится, в КНР считают ее страной, переживающей упадок»¹. Россия перестанет быть нужной Китаю в такой степени, как сейчас, хотя пietet к ней на какое-то время сохранится, что обусловлено присутствием в китайском истеблишменте старшего «советского» поколения. Пекинская же «политическая молодежь» имеет смутное представление

---

¹ *Тренин Д.* Верные друзья? Как Россия и Китай воспринимают друг друга / Центр европ. реформ; Моск. Центр Карнеги. — М., 2012. — С. 29.

о советско-китайской дружбе и никогда не слышала популярной в 1950-х годах песни «Москва — Пекин».

Россия, отвечая на китайский вызов, во-первых, стремится поддерживать свое экономическое влияние через многостороннюю интеграцию — Таможенный союз, Единое экономическое пространство и грядущий в 2015 г. Евразийский союз. Во-вторых, она по мере сил участвует в совместных с Китаем проектах, против чего Пекин не возражает, поскольку он играет в них заглавную роль. Свидетельство тому и вместе с тем символ — Шанхайская организация сотрудничества.

Экономический вызов России со стороны Китая не является вызовом политическим. Здесь нет парадокса. Китай демонстративно избегает вмешиваться в любую политику. Он не хочет становиться одним из ее участников. Внешнюю политику Китаю заменяет сам факт его существования в качестве гигантской развивающейся державы, реинкарнация которой по историческим меркам оказалась почти внезапной. Активность Китая в Центральной Азии — лишь одно (и не самое важное) направление его глобального экономического наступления, выдержать которое никому не под силу. Это тектонический сдвиг, меняющий облик геополитического пространства и попутно задевший Россию.

Американский же вызов, хотя он и имеет экономический (точнее, энергетический) аспект, остается прежде всего вызовом политическим или даже военно-политическим.

Общий подход США к Центральной Азии, сформулированный в 1990-х годах и впоследствии корректировавшийся, сводится к поддержке суверенитета бывших советских республик, гарантии стабильности, предотвращению конфликтов и оказанию помощи в демократизации политического строя, содействию экономическому развитию, проведению реформ². Пожалуй, наиболее предметно такой подход был изложен в 1997 г. заместителем государственного секретаря Стробом Тэлботом. Однако последовательному проведению американской политики в Центральной Азии препятствовала

---

² *Cranston A.* Out of Focus: US Policy toward Central Asia // *Harvard Intern. Rev.* — 1993. — Vol. 15. — № 3; *Fuller G. E.* Central Asia: The New Geopolitics: Prepared for the Under Secretary of Defense for Policy. — Santa Monica: Rand Corporation, 1992; *Lubin N.* Dangers and Dilemmas: The Need for Precedent Policy Toward Central Asia // *Harvard Intern. Rev.* — 1993. — Vol. 15. — № 3; *MacFarlane N.* Western Engagement in the Caucasus and Central Asia. — London: The Royal Inst. of Intern. Affairs, 1999; *Central Asia and the New Global Economy* / Ed. by B. Rumer. — New York, 2000; *Thinking strategically: The Major Powers, Kazakhstan and the Central Asian Nexus* / Ed. by R. Legvold. — Cambridge Mass.; London, 2003.

некоторая нестыковка интересов между различными ведомствами: если Государственный департамент и близкие к нему структуры, в частности, Агентство по международному развитию, делали упор на проблемах демократизации, то Пентагон интересовали вопросы военно-стратегического характера, как выяснилось, вполне решаемые и с авторитарными правителями.

Можно ли рассматривать эти цели в контексте вызовов России?

В известной мере так оно и есть. Поддержка суверенитета означает большую независимость стран Центральной Азии от бывшей метрополии, демократизация — создание систем, отвечающих западным, а отнюдь не официальным российским представлениям о политическом устройстве. Реформы же невозможны без внешней финансовой и технической помощи. Американцы обещали помочь модернизировать местные экономики, чему Россия, сама нуждающаяся в модернизации, может содействовать лишь в ограниченных масштабах. Что касается стабильности и предотвращения конфликтов (а они в Центральной Азии происходили, и не исключено, что еще будут происходить), то Вашингтон «намекает», что в одиночку Россия обеспечить ее не способна, да и делать это она будет за счет частичной утраты центральноазиатскими государствами суверенитета. Следовательно, правительствам стран Центральной Азии имеет смысл обратиться к «третьим внешним силам». За всем этим просматривается стремление *потеснить* Россию. Слово «потеснить» здесь уместнее часто употребляемого российскими политиками слова «вытеснить». В среднесрочной перспективе Россию из Центральной Азии вытеснить невозможно, да этого и не хотят ни внешние акторы, ни центральноазиатские государства. Последним российское присутствие дает возможность поддерживать баланс между внешними игроками. Китай и США заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала нести свою долю ответственности за обстановку в регионе.

Степень влияния Москвы на южных соседей различна, что определяется их собственной внутривнутриполитической обстановкой, но в первую очередь зависит от экономического и политического потенциала России и ее привлекательности.

Отнюдь не все задачи, которые ставила перед собой американская политика и на которые нацеливал Вашингтон американский исследовательский корпус, оказались воплощены в жизнь, некоторые из них подверглись переосмыслению. Не все «вызовы» России были реализованы. Нигде в Центральной Азии не возникла не только демократическая модель, но даже заготовки к ней. Высказываемое же некоторыми специалистами мнение, будто в начале 2000-х годов в стратегии США существовало направление «форсированной смены

правлящих режимов»³, представляется не совсем убедительным (если бы это было так, подобная активность явно способствовала бы усилению позиций России, эти режимы поддерживавшей).

Протодемократия в Киргизии только проходит тест на выживание. На мой взгляд, превращение российского «подбрюшья» в территорию центральноазиатского либерализма было задачей с заранее известным решением. Аналитик из Канады Николь Джексон остроумно замечает, что «...несмотря на активное, пусть и не систематическое продвижение Западом демократии, многие полуавтократические режимы не только выказывали этому сопротивление, но и успешно адаптировались к новым внутренним и международным реалиям... Все пять центральноазиатских режимов сохранили или даже укрепили свою автократию»⁴.

Едва ли можно объяснять исключительно благотворным влиянием США существующую в Центральной Азии политическую стабильность. Она сохраняется в первую очередь благодаря жесткости местных режимов. И если по тем или иным причинам в регионе развернутся события, схожие с «арабской весной», США вряд ли будут к ним причастны, и уж тем более их нельзя будет списать на вызов России.

Вызов ей имел место на Украине и в Грузии, где США поддерживали антимосковские силы вплоть до оказания им военно-технической поддержки. Кремль реагировал на все это болезненно. «Во время первого срока политика Путина в отношении СНГ была пассивной... Во время второго над ней тяготели так называемые оранжевые революции в Грузии, на Украине, в Киргизии, а также проблемы торговли газом»⁵. Противодействие России «оранжевым революциям» было жестким.

Нигде в Центральной Азии за исключением Киргизии не сложилась широкая оппозиция, могущая свалить авторитарный режим и прийти ему на смену. Да и киргизские революционеры поначалу наперебой стремились засвидетельствовать Москве свою лояльность.

---

³ *Лаумулин М. Т.* Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой политике. — Т. 2. — Алматы, 2006. — С. 272; *Гафарлы М.* Госдеп США инициирует «смену власти» в Киргизии и Казахстане // Новые Известия. — 2003. — 11 марта; *Князев А.* Векторы и парадигмы киргизской независимости. — Бишкек, 2012. — С. 155.

⁴ *Jackson N. J.* The role of external factors in advancing non-liberal democratic forms of political rule: a case study of Russia's influence on Central Asia // Contemporary Politics. — 2010. — Vol. 16. — № 1. — Mar. — P. 101.

⁵ *Åslund A.* Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reform Succeeded and Democracy Failed / Peterson Inst. for Intern. Economics. — Washington DC, 2007. — P. 264–265.

Конечно, некоторые из них лелеяли осторожную надежду на более интенсивную поддержку Запада, но эти чувства никак не афишировали. А Соединенные Штаты, выражая удовлетворение демократизацией Киргизии, заняли пассивную позицию, признав здесь особые интересы России (и, возможно, Казахстана). Киргизские события должны были скорее успокоить Москву и даже послужить своего рода месседжем, что не каждая революция представляет угрозу ее политике на постсоветском пространстве. Хотя, с другой стороны, после последней революции 2010 г. и создания парламентской системы в отношениях между Москвой и Бишкеком возник холодок, который одни считают признаком перелома в отношениях между двумя странами, а другие — временным явлением.

Неудача США в формировании демократической модели привела их к неизбежному выводу о необходимости налаживать отношения с авторитарными режимами, что, собственно, и можно считать вызовом Москве, где всегда полагали, что поддержка авторитаристов гарантирует сохранение ее влияния в регионе. На фоне вялых призывов к соблюдению прав человека, пресс-конференций эмигрантов-оппозиционеров Соединенные Штаты выстраивают отношения с «недемократическими» Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией, прикармливают тамошних диктаторов, обещая им помощь. Для последних это выглядит своего рода гарантией того, что в случае возникновения революционных настроений в Центральной Азии они могут рассчитывать как минимум на благожелательный по отношению к ним нейтралитет Вашингтона. В такой ситуации российская поддержка центральноазиатских режимов обесценивается, становится менее востребованной. Между Россией и Америкой идет состязание обещаний и посулов в зависимости от позиции того или иного их визави. Это правильнее назвать политической конкуренцией, в которой Вашингтон не столь амбициозен и обидчив, как Москва. Для США важнее арабский мир и Ближний Восток, а значимость Центральной Азии определяется прежде всего ее непосредственным примыканием к Афганистану.

До 2001 г. Вашингтон выстраивал отношения с государствами Центральной Азии, исходя из двух принципов — «односторонней выгоды» и «минимизации для себя любых затрат»⁶. После 11 сентября американцы главный акцент делают на военное присутствие в регионе. Этому предшествовало вступление в 2002 г. войск коалиции НАТО в Афганистан, что, кстати, можно определить как американ-

---

⁶ Грозин А. Постсоветская Центральная Азия: новые геополитические тенденции и российские интересы // Центр. Азия и Кавказ. — 2007. — № 5. — С. 59.

ский ответ на талибский вызов. Россия согласилась на американское военное присутствие в Центральной Азии, не сочтя ее вызовом себе. Правда, скорее всего и Узбекистан, и Киргизия предоставили бы ВВС США аэродромы и без согласия Москвы.

Сама Россия предоставила свою территорию для транзита грузов коалиции в Афганистан. В 2012 г. была достигнута договоренность о создании в Ульяновске «пункта транзита невоенных грузов НАТО в Афганистан» (показательно, что известный своими националистическими воззрениями вице-премьер Дмитрий Рогозин назвал тех, кто говорит, что в Ульяновске создается военная база НАТО, идиотами⁷, тем самым однозначно поддержав идею российско-американского военного сотрудничества).

Китайский и американский вызовы в какой-то степени аннигилируются, на чем Россия пытается играть. Но когда-нибудь эта игра закончится. Как пишет близкий к властям китайский аналитик Пань Гуан, та же Шанхайская организация сотрудничества будет контактировать с США, а Китай в Центральной Азии выйдет на прямое, помимо России, общение с Соединенными Штатами. Через два десятилетия или даже раньше Китай и США будут больше считаться в Центральной Азии друг с другом, чем с Россией, как это стало происходить в остальном мире.

В США не слишком опасаются российско-китайской солидарности, причем не только в Центральной Азии, но и в остальном мире. Порой возникает ощущение, что совпадение взглядов Москвы и Пекина по некоторым вопросам случайно, каждый преследует собственные далекие друг от друга цели. Характерно, что при оценке общей позиции России и Китая в важнейших конфликтах — Иран, Ливия, Сирия — критике со стороны Вашингтона подвергается в основном (если не единственно) Москва.

Безопасность, которая считается главным пунктом российско-китайско-американского трехстороннего обмена мнениями, трактуется в каждой столице по-своему. Для России она заключается в сохранении и усилении монопольного влияния в регионе, в лояльности Москве местных режимов, а также в недопущении (как минимум в ограничении) деятельности в регионе внешних сил. Недавнее решение Организации Договора о коллективной безопасности о том, что размещение на территории государств-участников военных третьих стран допустимо только с общего согласия, — прямое тому подтверждение. Интересно, что безопасность в российском понимании не подразумевает полного искоренения исламистской радикальной

---

⁷ <http://www.apiural.ru/news/politics/79893>.

оппозиции, которая, угрожая местным режимам, толкает их на еще более тесный союз с Россией.

Реализация российской по сути идеалистической версии безопасности невозможна, что в Москве понимают, должны понимать. И потому, стремясь ограничить роль других внешних субъектов, Кремль пытается не только найти с ними общий язык (подчас очень непоследовательно), но и по возможности столкнуть их друг с другом.

Американская трактовка безопасности в Центральной Азии исходит из консенсуса между тремя главными внешними акторами — Россией, Китаем и США. Несмотря на включение региона в список «американских интересов», с точки зрения приоритетности Центральная Азия уступает Ближнему Востоку, Ирану, Афганистану, хотя афганский конфликт резко повышает ее значение (особенно если исходить из известной концепции «Большой Центральной Азии»). При таком подходе безопасность в регионе зависит от успехов США в Афганистане, если брать шире — в Афганистане и Пакистане.

Вывод американских войск из Афганистана еще больше увеличивает востребованность Центральной Азии в американской стратегии, поскольку Таджикистан, Киргизия, Узбекистан после сохранения или появления там американских баз становятся «территорией наблюдения» за стабильностью на юге азиатского континента. По мнению эксперта из Берлина Йорга-Дитриха Накмайера, «...если США хотят оставаться великой мировой державой, им придется сохранить свое присутствие в Афганистане и Центральной Азии. Если они покинут регион, то это станет началом их конца»⁸. Конечно, это высказывание звучит слишком категорично, но, с другой стороны, нельзя не признать, что международный авторитет Америки неизбежно будет определяться тем, с какими издержками (или обретениями) она выйдет из афганского кризиса и когда это произойдет.

Для присутствия американских военных баз в Центральной Азии требуется согласие Китая и России. Пекин на этот счет не проявляет особого беспокойства. Там практически никак не комментируют вопросы, связанные с сохранением базы ВВС США в Манасе, вероятность открытия баз в Ханабаде и в Таджикистане. Пекину в каком-то смысле выгодно американское присутствие, поскольку оно сдерживает активность исламистов как в Центральноазиатском регионе, так и в соседнем с ним китайском Синьцзян-Уйгурском автономном районе. США имеют все основания рассчитывать на согласие Китая на их базы, что заодно внесет диссонанс в китайско-российские отношения, поскольку наличие баз раздражает российских политиков.

---

⁸ Цит. по: *Ризов М.* Когда в соседях Афганистан // Оазис. — 2011. — № 19 (159). — Окт. — С. 4.

Китайское понимание безопасности заключается в том, что за нее несут ответственность все внешние акторы, но все-таки в первую очередь Россия и США, Китай же остается в стороне от военных игр и гарантирует безопасность своей общей политической и экономической внушительностью.

Американские базы в Центральной Азии (в 2011 г. появились быстро опровергнутые слухи о вероятности появления американской базы в Казахстане) не представляют непосредственной опасности для России, зато, несомненно, снижают ее значение как гаранта безопасности. Таким образом, речь идет об угрозе не России, а ее авторитету.

Еще один внешний вызов для России — активность в регионе стран мусульманского мира. Его следует считать также и внутренним вызовом, т. е. исходящим из самой Центральной Азии, которая все более исламизируется. Асинхронный процесс исламизации наиболее ярко выражен в Таджикистане и Узбекистане. Мусульманский мир способствует этому: поощряет исламское воспитание, субсидирует создание системы исламского образования, строительство мечетей, привносит религиозно-политическую идеологию. Идет восстановление разрушенного в советское время сегмента мирового исламского пространства. Центральная Азия вернулась в мусульманский мир, что в социокультурном плане отдаляет ее от России. Это не вызов, это сигнал для России о том, что ее политика должна строиться с учетом цивилизационной принадлежности живущих здесь народов.

Активность на центральноазиатском направлении проявляет главным образом Турция, заметнее становится присутствие Пакистана, традиционно сильны позиции Ирана в Таджикистане.

Развивая сотрудничество с Центральной Азией, Турция подчеркивает свою культурную и языковую общность с ней. При этом Анкара избегает призыва к пантюркизму, который не пользуется популярностью в регионе, где более влиятелен местный национализм. Кроме того, вовлеченной в ближневосточные коллизии, активизировавшейся на Кавказе Турции для «тюркизации» Центральной Азии не хватит ресурсов. Пантюркизм можно сравнить с евразийством, которое также проигрывает националистическим настроениям, особенно в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане. «Нам не нужна евразийская империя», — уверены таджикские аналитики И. Асадуллаев и Б. Муминов⁹.

---

⁹ Асадуллаев И., Муминов Б. Неоевразийство — взгляд из Таджикистана // Проблемы модернизации и безопасности государств Центральной Азии и Российской Федерации в новых геополитических условиях. — Душанбе, 2011. — С. 179.

Главной заботой арабских стран является возрождение ислама, помощь в строительстве мечетей, развитии исламского образования. На этом направлении действуют страны Персидского залива. Отдельно отмечу появление в Центральной Азии небольшого, но очень амбициозного Катара, который налаживает сотрудничество с Киргизией и Таджикистаном. В известном смысле мусульманские акторы бросают вызов Соединенным Штатам.

Имманентным аспектом исламизации является распространение религиозного радикализма. Этот вызов можно назвать проблемным, потому что он исходит не только от конкретных партий и движений, но представляет собой следствие всемирной политизации и радикализации ислама. Он адресован и Америке, и Европе, и Китаю, и национальным режимам Центральной Азии, и России. Это и внешний вызов, поскольку на территории региона давно действуют международные радикальные организации, и внутренний. По обе стороны российско-центральноазиатской границы сложилась исламистская оппозиция. В регионе образовался исламистский интернационал, в котором участвуют также и российские граждане, сотрудничающие с единомышленниками из Центральной Азии. В мусульманских районах России укоренилась «Хизб ат-Тахрир», членами ячеек которой являются и выходцы из Центральной Азии. В лагерях в Афганистане проходят военную и идеологическую подготовку узбеки, таджики, киргизы, уроженцы Северного Кавказа, татары.

Внутренние проблемы центральноазиатских государств создают благоприятную почву для экстремизма и международного терроризма¹⁰, которые из так называемой нетрадиционной угрозы давно превратились в угрозу традиционную. Российский же опыт борьбы с терроризмом обесценен неспособностью решить собственные проблемы на Северном Кавказе, тем, что применяемые там чисто силовые методы в Центральной Азии неприемлемы.

Вторым проблемным вызовом является наркотрафик, который сравним с глобальной природной катастрофой и вынуждает мировое сообщество двигаться к консолидации и взаимопомощи. Афганистан еще в 2006 г. произвел 5600 т героина, т. е. в 17 раз больше, чем идущая на втором месте Бирма. Доходы наркодельцов превышают 30 млрд долл. в год. Афганистан и Центральная Азия превратились в единый наркоанклав, где произошло разделение на производителей и перевозчиков наркотиков. В борьбу против наркотрафика вовлечены, наверное, все правительства мира. Не счесть международных и национальных программ, конференций и симпозиумов, посвященных

---

¹⁰ Чуфрин Г. Россия в Центральной Азии. — Алматы, 2010. — С. 13.

данной теме. Но борьба эта оказывается столь низкорезультативной, что невольно вызывает ассоциации со всемирной борьбой с бедностью. Порой складывается впечатление, что она ведется в основном на вербальном уровне или просто имитируется. Представить себе некую международную «суперсистему» по борьбе с наркотиками с участием России, США, Китая, центральноазиатских государств, Афганистана просто-напросто невозможно. Борьба с наркотиками на деле оказывается не более чем демонстрацией гуманитарного сотрудничества: любые, пусть самые успешные акции суть не более чем эпизоды, сообщения о которых охотно тиражируются в СМИ.

К тому же «доходы от наркобизнеса систематически отмываются в результате их инвестирования в легальные формы бизнеса стран ЦАР и тем самым становятся частью их легальной экономической жизни»¹¹. Это делает борьбу против наркотрафика почти виртуальной, что на самом деле бьет по благополучию России, где только по официальным данным насчитывается три миллиона наркоманов. Дополнительная сложность борьбы против наркобизнеса состоит в том, что сокращение производства наркотиков в Афганистане и уменьшение их транзита через Центральную Азию неизбежно вызовет рост их производства в этом регионе, ибо культивирование наркотических растений является средством существования людей.

Еще одним вызовом является попытка сократить роль России как энергетического транзитера. Это также вопрос, выходящий за рамки собственно центральноазиатской и, шире, каспийской темы.

Всю первую половину 2000-х годов «Газпром» пытался удержать контроль над российским и центральноазиатским экспортом газа, рассчитывая таким образом сохранить их в сфере российского влияния. Однако в итоге это привело к обратному эффекту. В декабре 2009 г. председатель КНР Ху Цзиньтао открыл самый длинный в мире газопровод между Туркменией и Синьцзяном, что, по мнению английского ученого Адриана Пабста, «означало конец российской монополии на транспортировку энергоносителей в Центральной Азии»¹². Газовый поток разделяется на несколько «ручьев», которые текут в обход России. Произошла неизбежная и предсказуемая диверсификация маршрутов, чему в огромной степени способствовал российско-украинский скандал 2008–2009 гг. и «таинственный» взрыв в апреле 2009 г. газопровода в Туркмении (в Ашхабаде намекали, что этот взрыв был специально устроен «Газпромом», чтобы привязать

---

¹¹ Там же. — С. 19.

¹² Пабст А. Новая большая игра в Центральной Азии // Мир перемен. — 2010. — № 3. — С. 165.

туркменский транзит к России). Ныне Китай обходит Россию по закупкам энергоносителей в Центральной Азии.

Еще в конце 1990-х годов было нетрудно предсказать, что рано или поздно потребители российских углеводородов, а также те, кто получает газ через российский транзит, озаботятся созданием альтернативных маршрутов, проекты которых (главный из них Баку — Джейхан) рассматривались уже в то время. Однако извечная инерционность российской политики, тяга к монополизации, неумение ориентироваться в новых ситуациях в конечном счете ослабили позиции России и в этой сфере, тогда как, например, у «Газпрома» существовала возможность, действуя более гибко и уступая в малом, добиваться в итоге сохранения своих позиций. Ныне же Россия оказалась отстраненной от «проекта века» — газопровода ТАПИ (Туркмения — Афганистан — Пакистан — Индия) с пропускной способностью в 30 млрд куб. м, который станет стратегической магистралью, соединяющий Центральноазиатский и Южноазиатский регионы. Туркмения отказалась от услуг «Газпрома» в финансировании проекта. Одновременно Китайская национальная нефтяная компания заявила, что объем поставляемого в Китай туркменского газа к 2015 г. возрастет с 13,5 до 60 млрд куб. м, а Государственный банк Китая предоставил Туркмении кредит в 4,1 млрд долл. Можно считать это вызовом России, а можно — результатом ее собственных ошибок в политике.

Строго говоря, американскую и китайскую активность вряд ли можно назвать стратегическими вызовами России. Скорее это локальные вызовы. Стратегический вызов может быть брошен равному или хотя бы соизмеримому по силам оппоненту. Ни для Китая, ни для США Россия таковым не является. Достаточно сопоставить величины валового национального продукта: в США она достигает 15,2 трлн долл., в Китае — 5,75 трлн (в пересчете по паритету покупательной способности), а в России — 1,88 трлн. Очевидно, российскому истеблишменту даже льстит, когда рассуждения о российской политике в Центральной Азии ведутся в контексте вызовов и ответов.

Российская политика «минимизируется», и Россия нигде в мире не может быть реальной преемницей СССР. Об этом можно судить по событиям на арабском Востоке: российское влияние в Ираке, Ливии, Египте, а также ее воздействие на ближневосточный конфликт незначительны, если вообще имеют место. Отсюда крайнее упорство Кремля в сирийском конфликте 2011–2012 гг. и поддержка режима Башара Асада, который остается последним рудиментом советского присутствия в регионе.

Разумеется, вес России в Центральной Азии не сопоставим с ее весом на Ближнем Востоке и в арабском мире. Но и здесь ее влияние сужается, а на ее место, заполняя вакуум, приходят новые силы.

«В первый раз за несколько столетий континентальное окружение России в Евразии (в первую очередь Китай и Индия) оказывается более успешным и динамичным, чем сама Россия. Значит, относительную слабость в материальной базе внешней политики придется компенсировать наращиванием преимуществ в ее “нематериальных измерениях”»¹³.

Вызовом России на региональном уровне может стать смена режимов в центральноазиатских странах. Ни в одной из них к власти уже не придут политики, безальтернативно ориентирующиеся на Россию. Тем более что Москва, на мой взгляд, сделала слишком мало (или не сделала ничего), чтобы создать и укрепить пророссийское лобби среди молодого поколения политиков, бросив вызов самой себе. Другой «самовывоз» России состоит в том, что ее элита долго взирала на Центральную Азию советскими глазами, слишком медленно отвыкая от того, что бывшие республики СССР становятся суверенными государствами. Любопытно, что до сих пор у некоторых политиков в отношении России наблюдались иждивенческие настроения, что можно рассматривать как специфическую реплику на культивируемую в Москве память о «совместной жизни».

Неясно, кто принимает в Москве окончательные решения относительно политики в Центральной Азии (да и не только там). В политических кулуарах принято говорить о неких башнях Кремля, между которыми существуют разногласия относительно стратегии и тактики. Это, между прочим, напоминает упоминавшиеся проблемы в отношениях между американским Государственным департаментом и Пентагоном. Серьезнейшей проблемой для российской политики и дипломатии является острый недостаток профессиональных кадров, разбирающихся в центральноазиатских хитросплетениях или хотя бы владеющих местными языками. В Соединенных Штатах подготовка такого рода специалистов поставлена на поток, что обеспечивает им преимущество над Россией и в этом отношении.

Вследствие геополитических сдвигов Россия вынужденно заняла реактивную, оборонительную позицию. Обвинять в этом некоего, разве что советских коммунистов, которые, доведя до развала СССР, обрушили прежнюю мировую систему, превратив Россию как его наследницу в вечно «отыгрывающуюся» сторону. Впрочем, уход в глухую оборону в международной политике начался еще во времена Советского Союза, в чистую проигравшего экономическое состязание с Западом.

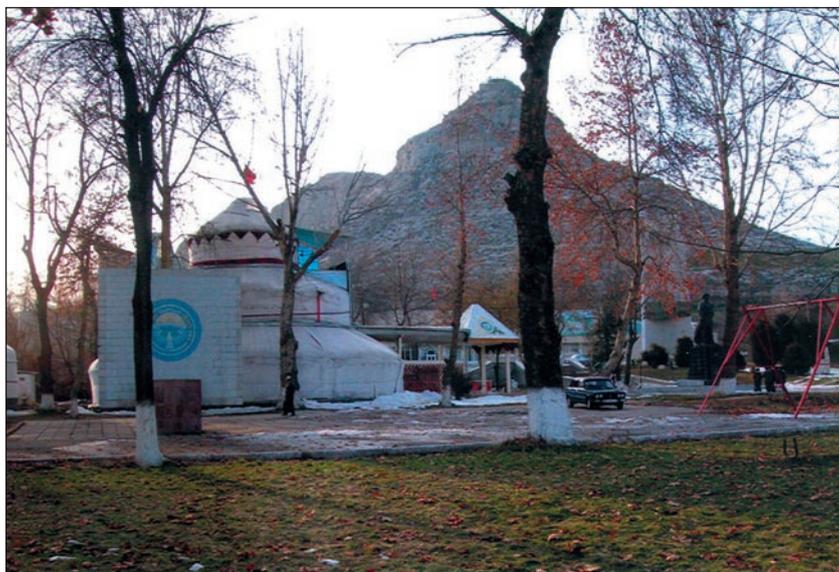
---

¹³ *Иванов И.* Какая дипломатия нужна России в XXI веке // Россия в глоб. политике. — 2011. — Т. 9. — № 6. — Ноябрь.—дек. — С. 23.

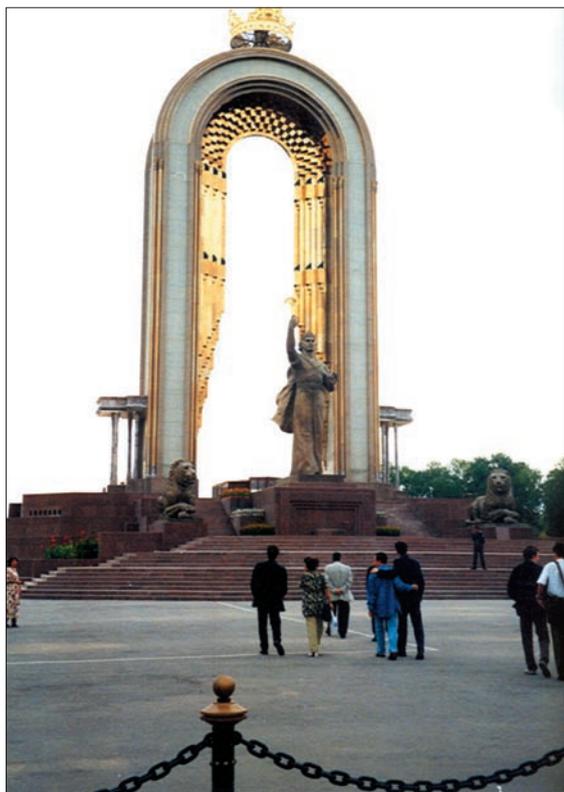
Но тосковать по прошлому у России времени нет. Ее переход к «наступательным действиям» возможен, только если не исходить из необходимости отвечать на чьи бы то ни было вызовы, а предложить собственную качественно новую, динамичную политическую линию, иными словами, бросить «новый российский вызов». Однако без решения внутренних проблем, без экономической и политической модернизации, обновления страны это невозможно. Собственно, экономическая слабость России и заскорузлость внешнеполитического менталитета имеют куда большее негативное значение, чем внешние вызовы.

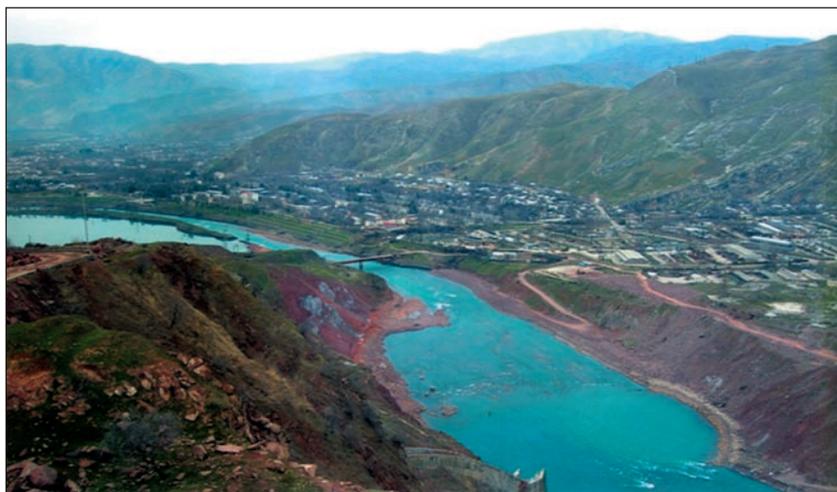
Киргизия. Сафед-Булан. Возле могилы святого

Киргизия. Ош. Гора Сулеймана

Таджикистан.
Душанбе. Памятник
Саманидам

Таджикистан. Вид с Вахшской плотины

Таджикистан. Худжанд. Главная мечеть

Таджикистан. Худжанд. Базар

Казахстан. Отроги Тянь-Шаня

Казахстан. Мавзолей Ясави

Казakhstan. Алматы

Казakhstan. Алматы

Узбекистан.
Мечеть в Маргилане

Узбекистан. Рынок в Маргилане

Узбекистан. Андижан. Могила Улугбека

Узбекистан. Ташкент. Духовное управление мусульман Узбекистана. Занятие с женщинами

Туркмения. Новая мечеть в Ашхабаде

Туркмения. Серахс. Памятник Туркменбаши смотрит на портрет Туркменбаши

Which factors determine Russia's interests in Central Asia and what does Russia want from this region?

First, as a part of its broader plan to hold parts of the former Soviet region under its wing, Russia would like to retain its influence in Central Asia.

Second, the country seeks to save the local authoritarian systems that are close to the Russian regime's mentality.

Third, Russia wants to minimize its losses from the reduced transit of oil and gas through its territory.

Fourth, it strives to prevent the distribution of drugs from the region.

Fifth, it seeks to contain the penetration of foreign powers, primarily the United States and China, into the region. To this end, Russia seeks a balance between competition and partnership with these powers, while at the same time doing all it can to counter their expansion.

This list of Russia's interests does not mention maintaining stability in the region, which is **not** a necessary strategic objective for Russia. Despite the Kremlin's numerous statements about its commitment to preserving stability in the region, Russia has an interest in preserving the region's fragility. This is because the countries in the region (or more precisely, their ruling regimes) can more easily cite conflict and instability as a convenient and useful pretext to ask for Russia's assistance.

Will Russia be able to realize its national interests in Central Asia if it has not been able so far to articulate them clearly and rationally?

First, Russia has sufficient economic and political potential to maintain its influence. However, Russia will focus its efforts on two or three countries, because it is not able cover the whole region. Therefore, if Russia increases its influence in one Central Asian country, it risks losing it in another. Russia will have to accept the fact that its influence in Central Asia is declining and focus on solving real problems.

In order to reassert itself in Central Asia, Russia must realize that for a long time already it has been dealing not with the post-Soviet republics, but with the new states — Russia still has to figure out what kind of states they are. It can do so only on the basis of impartiality and new political experience, combined with the academic knowledge and understanding of the region accumulated over the centuries.

Second, the experience of four out of the five Central Asian countries indicates that authoritarian regimes in the region become more rigid and do not tend to transform into “semi-authoritarian” regimes. The local regimes are grateful to Russia for not interfering in their domestic affairs, as well as for its support in difficult situations.

Third, because it is impossible to maintain the status quo in the area of energy transportation, Russia can participate to the extent possible in projects related to the construction of pipelines, even when they bypass Russian territory. Ignoring such construction projects will inevitably lead to Russia’s isolation.

Fourth, Russia has the ability to restrict the import and transit of drugs in Central Asia. The threat posed by drug trafficking is growing, and Russia is gradually becoming not only the main hub for the transit of drugs in the western direction but also a major drug consumer. The need to cooperate against the drug mafia is one of the most significant incentives for cooperation between Russia, Central Asia, and external parties. However, to date this cooperation has only been of a nominal character.

Fifth, in the long term Russia is capable of optimizing its strategic relations with major foreign actors (China and the United States) that accept shared responsibilities in the region.

“Modernization” of politics in Central Asia requires Russia to develop its political tools, create a reasonable balance of bilateral relations (which, in the author’s view, will remain a priority), and use old and new regional organizations.

Migration has become a vital aspect of Russian-Central Asian relations. It has “molded” the two sides together, but it has also caused mutual discomfort. Migration from Central Asia to Russia is a challenge for the two sides, posing mutual benefits and threats.

Central Asian countries both affect and are affected by intraregional politics. These countries have made strategic choices that are not based on alliances with any single partner. They choose to maintain and develop multilateral relations with various partners, including China, Russia, the United States, Europe, and the Muslim world. They seek to develop different dimensions of these relations — economic, political, and military. Central Asian countries will seek to avoid giving priority to any specific country or region. The main strategic goal of every Central Asian state will be to balance relations with its foreign partners in a way convenient at any given moment. The “strategic” partnerships of Central Asian states depend on their domestic and regional political situation which, as the region’s history in the last 20 years has shown, can change substantially.

Russia has entered a qualitatively new stage of politics in the former Soviet space. It will soon be evident whether Russia’s ruling establishment will be able to understand this new stage and act accordingly.

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств после окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных

вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

CARNEGIE ENDOWMENT FOR INTERNATIONAL PEACE

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483–7600; Fax: +1 (202) 483–1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935–8904; Факс: +7 (495) 935–8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО

**Центральная Азия:
на что рассчитывает Россия?**

Редактор *А. И. Иоффе*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*

Компьютерная верстка *М. А. Богданова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 06.09.2012.

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 7,5.

Тираж 2000 экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

Алексей Всеволодович Малашенко — доктор исторических наук, профессор, член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность». В 1974 г. окончил Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. Автор многих монографий, в том числе: «В поисках альтернативы» (М., 1991), «Islam in Central Asia» (совместно с Л. Р. Полонской, Reading, 1994), «Мусульманский мир СНГ» (М., 1996), «Исламское возрождение в современной России» (М., 1998), «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (М., 2001), «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» (совместно с Д. В. Трениным, М., 2002), «Russia's Restless Frontier: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia» (совместно с Д. В. Трениным, Washington D.C., 2003), «Исламская альтернатива и исламистский проект» (М., 2006), «Ислам для России» (М., 2007), «Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности» (М., 2009), «Мой ислам» (М., 2010).

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

